

Григорий ФАЙМАН

НЕФОРМАТ

Москва
Издательство «Знание»
2013

УДК 82.8
ББК 84
Ф 6

*Издается при поддержке
Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина»*

Ф 6 **Файман Г.С.**
Неформат. — М.: Издательство «Знание», 2013. — 180 с.

ISBN 978-5-254-02023-3

Книга Григория Файмана «НЕФОРМАТ» объединяет три его произведения. Первое — «Дневник доктора Борменталья» — авторское расследование «игр» молодой советской власти с Ильей Ивановым, ученым-биологом, одержимым идеей скрестить человека и обезьяну. Второе — «Misegable» — пьеса о тайном изучении по поручению Николая I его главными жандармами А. Бенкендорфом и В. Дубельтом творческого наследия и поступков А.С.Пушкина, предпринятом после смерти поэта в ночь с 14 на 15 марта 1837 года. И, наконец, «Кинороман Михаила Булгакова» повествует о перипетиях, связанных с написанием сценария к фильму «Мертвые души».

УДК 82.8
ББК 84

ISBN 978-5-254-02023-3
© Файман Г.С., 2013.
© Фонд «Президентский центр
Б.Н. Ельцина», 2013.
© Издательство «Знание», 2013.

Корректор *Наталья Переяслова*
Дизайнер *Наталья Захарова*

Подписано в печать 10.11.2013 г. Формат 60х90/16
Печ.л. 5,5. Тираж 2000. Заказ №

Издательство «Знание»
101990, Москва, Новая пл., д. 3/4.
Тел. (495) 621-90-58, факс (495) 625-42-49
E-mail: znanie2007@mail.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

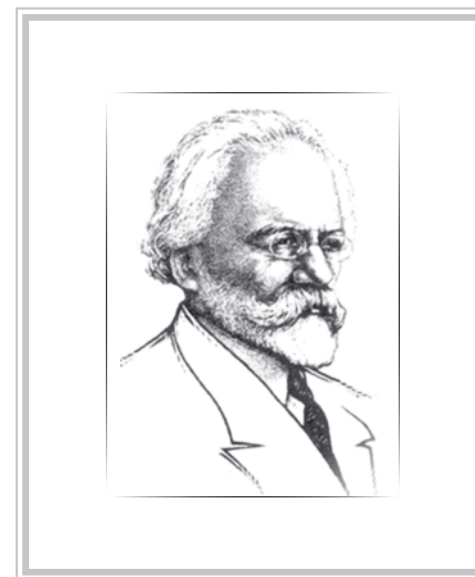
Вы держите в руках наш скромный подарок Григорию Самуиловичу Файману... Здесь по законам жанра следовало бы открыть список бесчисленных достоинств автора этого небольшого сборника. Ограничусь кратким: Файман — гений, что ему отлично ведомо и без нас. И только из чувства врожденной скромности он живет среди нас так, как будто ему и вправду не чуждо ничто человеческое.

Это жизнь человека творческого, по моему разумению, жизнь счастливая. Похоже, что автор обрел смысл бытования очень давно. Разве это не счастье? Сам Григорий Самуилович, конечно же, будет это отрицать, напирая на неурядицы и несправедливости. Но не были ли они тем испытанием, пройдя которое, человек может спокойно сказать, что он состоялся. Что всегда помогало нашему автору? Системность, заложенная техническим образованием? Способность к эстетическому восприятию мира, данная от рождения? Бытовая ли магия (в булгаковской интерпретации), которая вмешалась даже в сроки его появления на свет — именно 27 апреля 1939 года, в день, когда Михаил Булгаков впервые прочитал друзьям свой новый роман «Мастер и Маргарита». Как бы то ни было, лет сорок назад — и это после работы на телевидении на заре «Останкина», на фоне творческого сотрудничества с Юрием Любимовым и Театром на Таганке — он навсегда связал судьбу с жизнью великого писателя Булгакова. И стал его великим толкователем. Поразительная изыскательская цепкость и неискоренимый оптимизм принесли нашему автору славу первого публикатора уникальных документов, раскрывающих подлинный жизненный путь Булгакова. В этом ряду стоит выделить прежде всего булгаковский дневник, который потом не использовал и так и эдак только ленивый «булгаковед». В девяностые годы успех «Независимой газеты» создавался в немалой степени усилиями Файмана: открытые им неизвестные или малоизвестные страницы истории МХАТ, советской киноиндустрии, сюжеты булгаковской одиссеи украшали полосы «НГ». опередив многие другие исследовательские опыты, в 2003 году вышла блестящая книга «Уголовная история советской литературы и театра» — глазами ЦК и ЧК.

При всем при этом Г.С. Файман остается свободным от всяких цеховых обязательств, не входя ни в какие гильдии и референтные груп-

пы. По-моему, профессиональные «булгаковеды» его побаиваются, хотя охотно цитируют – без ссылок на имя автора. Но разве для того, чтобы БЫТЬ исследователем и писателем, так уж необходим членский билет союза? Михаил Афанасьевич в этом сильно сомневался. И мы тоже.

*Исполнительный директор
Президентского центра Б.Н. Ельцина
Александр Дроздов*

ДНЕВНИК ДОКТОРА БОРМЕНТАЛЯ, ИЛИ КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

«— ...верите ли, профессор, каждую ночь обнаженные девушки стаями.

Я положительно очарован. Вы — кудесник.

— Хм, — озабоченно хмыкнул Филипп Филиппович...»

[Михаил Булгаков. Собачье сердце]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – НАРКОМПРОСОВСКАЯ

История эта, как и положено всякой бюрократической истории, начиналась с бумаги. 18 сентября 1924 года из Берлина в Москву было отправлено письмо... Но сначала — о папке, в которой почти семьдесят лет это письмо и другие документы хранились. Обыкновенная канцелярская папка с надписью «Дело № _»:

«Переписка с Главнаукой, ГУСом по вопросу о предложении профессора И.И. Иванова об искусственном скрещивании человека с обезьяной.

Начато 24 сентября 1924 года.

Окончено 19 марта 1925 года».

Письмо напечатано на бланке Комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса РСФСР и направлено на имя наркома по просвещению Луначарского А.В.

При сем представляю Вам на рассмотрение докладную записку профессора И.И. Иванова, поданную им мне с[его] ч[исла].

Из очень подробного ознакомления с вопросом, выдвигаемым проф. И.И. Ивановым, я вынес заключение о большой степени важности этого начинания для нас. Пастеровский институт одним из первых ответил согласием проф. И.И. Иванову, и может случиться, что столь ценное для нас в идеологическом отношении начинание — найдет для своего развития почву не в пределах СССР. Командировка или экспедиция проф. Иванова в Африку для производства реально задуманного опыта должна добыть ценные данные, которые смогут быть исполь-

Иванов Илья Иванович (1870–1932 гг.) — учёный-биолог со специализацией в области искусственного осеменения животных. Один из его экспериментов — попытка создать гибрид обезьяны и человека. В 1930 году был арестован. Скончался от инсульта в Казахстане.

зованы в борьбе против идеализма и витализма и обогатят содержание естественнонаучных основ материализма.

Во Франции Ру и Кальметт и целый ряд других европейских ученых соблазняют Илью Ивановича работать у них и для этого предлагают И. Иванову со своей стороны некоторые средства. Но мне кажется, что такой исключительной важности материалистическая проблема, как происхождение человека, и научно-материалистическая (антирелигиозная) пропаганда, связывающаяся неразрывно с этим научным экспериментом, должны были бы быть поставлены и развиты в нашем Союзе.

Прошу оказать максимум содействия начинаниям профессора И.И. Иванова.

С коммунистическим приветом
Председатель Комиссии пограничным
закупкам Наркомпроса
Новиков.

Письмо это, как уже было сказано выше, отправлено из Берлина в Москву 18 сентября 1924 года.

«— Как же писать? — нетерпеливо спросил он.

— Что же, — заговорил Швондер, — дело не сложное. Пишите удостоверение, гражданин профессор. Что так, мол, и так, предьявитель сего действительно Шариков Полиграф Полиграфович, гм... зародившийся в вашей, мол, квартире...

Борменталь недоуменно шевельнулся в кресле. Филипп Филиппович дернул усом.

— Гм... вот черт! Глупее ничего себе и представить нельзя. Ничего он не зародился, а просто... ну, одним словом...

— Это — ваше дело, — со спокойным злорадством вымолвил Швондер, — зародился или нет... В общем и целом ведь вы делали опыт, профессор! Вы и создали гражданина Шарикова».

[Михаил Булгаков. Собачье сердце]

К письму были подколоты четыре приложения: докладная записка профессора И.И. Иванова, письмо Пастеровского института профессору И.И. Иванову (на французском), смета расходов на эксперимент и объяснительная записка к ней.

*Народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому
Докладная записка*

Мои работы, начатые еще в 1898 году, в области физиологии и биологии оплодотворения высших животных и, в частности, с искусственным оплодотворением млекопитающих, способствовали тому, что этот

метод вошел в лабораторную, животноводственную (так в оригинале. — Г.Ф.), а также и медицинскую практику.

Путем этого метода число самок, оплодотворяемых одним самцом, увеличивается в среднем в 10—15 раз; повышается % успешных оплодотворений; нередко устраняется упорное бесплодие; получается возможность осуществлять такого рода скрещивания, которые в естественных условиях или весьма затруднительны, или даже невозможны (слишком большая разница в росте, весе и т.п.).

Еще до войны к нам посылались для ознакомления с искусственным оплодотворением млекопитающих специалисты из Германии, Австрии, Японии, Америки, причем наши инструменты выписывались за границу. Теперь работы с моим методом в РСФСР признаны делом государственной важности; за границей интерес к этому методу с каждым годом и сфера его применения с научными и практическими задачами заметно расширяются.

Одной из самых важных научных проблем, непосредственно связанных с методом искусственного оплодотворения, является вопрос видовой гибридизации, в недрах которой, по-видимому, скрыты многие нити до сих пор еще мало распутанного клубка эволюционного развития животного и растительного мира. В этой области я имею опыт и работы, так как до 1917 года заведовал Опытной станцией в Аскания-Нова (Таврической губернии, Днепропетровского уезда), где вел наблюдения и исследования над видовыми гибридами (зеброидами, бизоноидами, зуброидами и др.). Метод искусственного оплодотворения дает возможность значительно расширить рамки экспериментальных исследований в этой области и, в частности, ближе подойти к вопросу о происхождении человека.

С первых шагов своей научной деятельности я пытался осуществить постановку опытов скрещивания человека и антропоидных обезьян путем искусственного оплодотворения. В свое время я вел переговоры на эту тему с бывшим владельцем знаменитого зоопарка Аскания-Нова Ф.Э. Фальц-Фейном, а также с бывшим попечителем Института экспериментальной медицины, где я работал в то время, — А.П. Ольденбургским. Оба они живо интересовались моими работами и, обладая большим состоянием, могли создать условия, необходимые для такого рода экспериментальной работы. Страх перед Святейшим Синодом оказался, однако, сильнее желания пойти навстречу этому начинанию. В то время действительно можно было жестоко поплатиться за дерзость и сомнения в божественном происхождении человека. Коснуться этого вопроса в своей монографии «Искусственное оплодотворение у млекопитающих», напечатанной в Архиве биологических наук, журнале Института экспериментальной медицины, мне не было позволено. Только позднее (в 1910 году), на Международном съезде зоологов в Граце в своем докладе о научном и практическом значении метода искусственного оплодотворения я впервые печатно указал на возможность и своевременность

применения искусственного оплодотворения для опытов гибридизации человека и антропоидных обезьян.

Уже в следующем (1911) году голландский зоолог Моэнс пытался организовать с этой целью специальную экспедицию в Африку. Ему удалось получить 500 гульденов от голландской королевы. Однако экспедиция эта, поспешившая заявить о себе рекламой в одной из бульварных газет Парижа, не состоялась.

В 1918 году в немецкой литературе появилась довольно объемистая книга, около 250 страниц, доктора Роледера, в которой трактуется вопрос о биологическом родстве человека и антропоидов и доказывается важность, значение и необходимость опытов скрещивания путем искусственного оплодотворения человека и антропоидов.

Однако до последнего времени вопрос этот не мог быть поставлен на реальную почву. Главными препятствиями, по-видимому, были: враждебное отношение к этим опытам со стороны религиозно настроенного большинства общества, а затем отсутствие необходимой обстановки и значительных денежных средств.

В 1922 году за границей мне пришлось говорить по этому поводу с некоторыми биологами в Германии, Англии и с одним из очень видных биологов Америки. Все они признавали за этой темой исключительно важное научное значение, указывали на большую вероятность успешности скрещивания, но тут же отмечали неприемлемость этих опытов с точки зрения общепринятой морали и религии и потому невозможность что-либо предпринять для их осуществления.

Только во Франции, [де] Пастеровским институтом в то время было приступлено к постройке специальной станции в Африке для разведения антропоидов с целью использования их для соответственных медицинских опытов, я не только нашел живой интерес к моему плану работ, но и получил категорическое обещание, как только организационные работы на станции будут более или менее закончены, предоставить мне под опыты имеющихся на станции годных для этой цели антропоидов, а также необходимые лабораторные и жилые помещения.

В этом году работы на станции настолько подвинулись вперед, что директор Пастеровского института Ру и его помощник Кальметт нашли возможным адресовать мне письмо, копию которого прилагаю.

Таким образом, в данное время для постановки вышеуказанных опытов недостает только денег. По моему приблизительному подсчету вместе с доктором Кальметтом, для обеспечения работы опытным материалом, который необходимо пополнять представителями недостающих видов антропоидов (на станции имеются только шимпанзе), для обеспечения персонала экспедиции содержанием на один год, средствами на проезд туда и обратно, для оплаты расхода по дополнительному специальному оборудованию, для оплаты услуг местного персонала и т.п. требуется не менее 15 000 долларов.

Полагаю, что советское правительство могло бы в интересах рус-

ской науки и пропаганды естественно-исторического мировоззрения в массах всемерно пойти навстречу в этом деле и выдать если не всю, то хотя бы значительную часть этой суммы.

К этому считаю необходимым добавить, что в данное время я получил предложение из Пастеровского института приехать в Париж для окончательных переговоров о реализации опытов.

Было бы обидно, если бы эта работа, имеющая все данные на поддержку и внимание, прошла без участия со стороны нашего СССР.

На основании всего изложенного выше прошу:

1. Признать экспериментальную работу, предложенную профессором И.И. Ивановым, по вопросу о гибридизации (скрещивании) путем искусственного оплодотворения человекообразных обезьян между собой, с одной стороны, и человеком, с другой, имеющей весьма крупное научное значение.

2. Отпустить на вышеуказанную работу 15 000 долларов с тем, что Пастеровским институтом будут бесплатно предоставлены профессору И. Иванову необходимые для него, для его помощников и для его работы оборудованные жилые и лабораторные помещения, а также животные, имеющиеся на станции в Индии, годные для целей данных опытов.

Профессор Иванов,

Берлин

17/IX 1924 г.

Адрес: г. Москва [...].

Заграничный адрес: Институт Пастера, Париж.

В смете особенно интересен перечень трат: «Приобретение 10 экземпляров антропоидов (гориллы, гиббоны, орангутанги)», «Специальное оборудование приспособлений для работы (станки, камеры и т.п.)», «Оплата услуг местного персонала, привлекаемого к работе».

А вот объяснительная записка к смете расходов, необходимых для постановки экспериментальной работы профессора Иванова с антропоидами в Индии (Французская Гвинея в Африке).

Работу предполагалось вести в двух направлениях:

получение гибридов между различными видами антропоидов;

получение гибридов между человеком и представителями различных видов антропоидов.

Так как на станции в Индии имеются только шимпанзе, то необходимо приобрести не менее 10 экземпляров половозрелых самцов и самок горилл, гиббонов, орангутангов.

Специальное оборудование необходимо, так как непременным условием опытов должны быть — строгая изоляция опытных животных и гарантия безопасности работы с ними, что может быть достигнуто устройством специальных оград, станков, камер, где антропоиды будут усыпляться, и тому подобное.

Предполагаемая работа займет, разумеется, не один год. В смете дается расчет только на один год, во-первых, с целью не увеличивать общей суммы, необходимой для начала работы, а во-вторых, с расчетом, что через год в связи с развитием работы должен измениться и штат экспедиции.

Оклад содержания для членов экспедиции высчитан минимальный, особенно принимая во внимание опасности для здоровья и даже для жизни, связанные с работой с антропоидами и с условиями субтропической Африки.

Содержание Заведующего экспедицией в месяц 200¹ в год 2400

лаборанта 150 1800

2 препараторов 150 1800.

Услуги местного персонала будут необходимы как по уходу за опытными животными, так и по исполнению различных поручений, связанных с работой. Эти расходы предусматривают оплату как мужчин, так и женщин местного населения.

Проезд членов экспедиции высчитан согласно указаниям, полученным в Пастеровском институте, о стоимости морского пути от Марселя до берегов Французской Гвинеи, а именно около 150 долларов, не считая пути из Москвы до Марселя и от морского порта до Индии. Если принять во внимание, что более ответственные и пожилые члены экспедиции пожелают взять с собой членов семьи и что на провоз багажа экспедиции особых сумм не указано, то высчитанная сумма окажется также минимальной, особенно при необходимости ряда затрат, связанных с поездкой в тропики, — на специальное платье, обувь и т.п.

В смете предусмотрено приобретение дорогостоящих монографий на английском языке и отчетов экспедиций, изучавших обезьян-антропоидов в условиях естественной обстановки, фотографического и кинематографического оборудования, инструментов для искусственного оплодотворения человека и антропоидов, канцелярских принадлежностей и т.п. Испрашиваемая на этот параграф сумма также взята минимальная, так как хороший кинематографический аппарат и фотографическая камера должны стоить не менее 600—700 долларов.

В нижеприведенные расходы должны войти расходы, превысившие тот или другой параграф сметы или не вошедшие в данную смету.

17/IX 1924

Профессор Иванов.

«— Правда ли, что это вызовет мировой переворот в животноводстве?»

— Что это за газетный вопрос, — завыл Персиков, — и вообще я не даю вам разрешения писать чепуху. Я вижу по вашему лицу, что вы пишете какую-то мерзость!»

[Михаил Булгаков. Роковые яйца]

¹ 2/3 содержания специалистов, командированных во Францию.

Весь комплект бумаг поступает на конвейер для «принятия решений». Руководство направляет их на отзыв специалистам.

В Наркомпрос (Коллегию).

Ознакомившись с докладом профессора Иванова и материалами, ему сопутствующими, и принимая во внимание заключение ученого консультанта Главнауки, профессора Н.А. Иванцова по существу вопроса и по практической осуществимости предполагаемых опытов, Научный Отдел Главнауки полагает, что предложение профессора И.И. Иванова и ходатайство т. Новикова необходимо отклонить, соображаясь с материальными возможностями РСФСР и малой вероятностью успехов предпринимаемых опытов.

Кроме того, Главнаука относится отрицательно при настоящей политической конъюнктуре к самой постановке опытов искусственного скрещивания человека с обезьяной, так как эти опыты могут вызвать совершенно обратный эффект со стороны широких масс.

Заведующий Главнаукой

Ф.Н. Петров

4/XI 1924 г.

Консультант был выбран добросовестный: его заключение по объему ничуть не меньше предложения профессора И.И. Иванова.

Заведующему Главнаукой

тов. Ф.Н. Петрову

Заключение по вопросу об отпуске средств профессору Иванову на производство опытов по получению помесей между человеком и высшими обезьянами.

Профессор И.И. Иванов обратился от 1924.IX.18 через председателя Комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса в Берлине профессора С.А. Новикова к наркому по просвещению А.В. Луначарскому с ходатайством об отпуске 15 000 американских долларов на один год на производство опытов по получению гибридов путем искусственного оплодотворения между различными видами человекообразных обезьян, с одной стороны, и получение гибридов между человеком и представителями человекообразных обезьян, с другой. Опыты предполагается произвести на специальной станции Пастеровского института в Африке (Индия, Французская Гвинея), которую Пастеровский институт выражает согласие предоставить для соответствующих опытов, если профессору Иванову будут отпущены необходимые средства. В записке профессора Иванова указывается, что некоторые биологи Германии, Англии и один из американских признали исключительно важное научное значение таковых опытов, но тут же отмечали непри-

емлемость этих опытов с точки зрения общепринятой морали и религии. Возможно, что и приложенное письмо директора Пастеровского института доктора Ру и его помощника доктора Кальметта по существу имеет лишь любезно-уклончивый характер, так как из означенного письма совершенно не усматривается, чтобы они, как «и целый ряд других европейских ученых, соблазняли» профессора Иванова работать у них, как указывает в своей рекомендации профессор Новиков. Но, с другой стороны, профессор Новиков указывает на исключительную важность опытов по получению гибридов между человеком и высшими обезьянами в идеологическом отношении — для борьбы против идеализма и витализма и в целях антирелигиозной пропаганды, почему и просит оказать начинаниям профессора Иванова максимум содействия.

Получение гибридов человека с человекообразными обезьянами, несомненно, имело бы весьма крупное научное значение, хотя по существу и не так много прибавило бы к тем научным данным, особенно последнего времени, которыми устанавливается кровное родство между человеком и ныне живущими человекообразными обезьянами. Оставляя в стороне общественное отношение, которое таковые опыты могло бы встретить, с которым в иных случаях можно и не считаться, буду говорить лишь о практической осуществимости предполагаемых опытов.

Какова вероятность их успешности?

Горилла, шимпанзе, орангутанг, гиббон и человек относятся систематиками-зоологами не только к различным видам, но даже — различным родам семейства человекообразных.

Между тем скрещивания уже между различными видами одного и того же рода дают помеси с значительными затруднениями, и последние в огромном большинстве случаев, за крайне редкими исключениями, оказываются бесплодными. Для доказательства путем скрещиваний близкого биологического родства между человеком и антропоидами необходимо было бы получить плодучие помеси между ними. Таким образом, если человек и высшие обезьяны относятся к различным видам, а тем более родам, как это устанавливается на основании морфологических и анатомических данных, успешность результатов скрещивания между человеком и высшими обезьянами является в высшей степени сомнительной, хотя и не исключена безусловно. Дело осложняется еще и тем, что содержание животных в неволе обычно само по себе весьма резко отражается на их производительности в отрицательную сторону.

Межвидовое бесплодие бывает, далее, различного характера. Так, например, есть случаи, когда скрещивание между самцом вида А и самкой вида Б оказывается бесплодным, но скрещивание между самкой А и самцом В может быть успешным. Таким образом, опыты по скрещиванию людей с обезьянами придется вести в двух направлениях —

с одной стороны, положим, самку гориллы оплодотворять семенем человека, с другой, женщину оплодотворять семенем самца гориллы. Если профессору Иванову не представляется больших затруднений получить необходимое для искусственного оплодотворения обезьян человеческое семя [с] помощью мастурбаций или применения губок или гондонов, то хотя бы даже искусственное оплодотворение женщин, пусть даже туземок Французской Гвинеи, обезьяньим семенем едва ли не будет идти вразрез с французским уголовным кодексом, не говоря о неопределенности правового положения полученного приплода.

Профессор Иванов предполагает производить опыты лишь при помощи искусственного оплодотворения, а не прямой случки обезьян с человеком (полагая, может быть, что опыты первого рода будут менее противоречить «общепринятой морали и религии»?). По вопросам искусственного оплодотворения домашних животных, особенно кобыл и коров, профессор Иванов работает уже давно, и в настоящее время в этом отношении достигнуты как у нас, так и за границей весьма крупные результаты. Но достигнуты они ценою целого ряда первоначальных неудач, даже поскольку дело шло об искусственном оплодотворении домашних животных одного и того же вида. Так, при опытах того же профессора Иванова на ферме Московского сельскохозяйственного института в конце 90-х годов прошлого столетия после искусственного введения семени жеребца пала до того здоровая и упитанная кобыла Грация от гнойного заражения; у двух коров при тех же опытах получилось воспаление; весьма малоудачными и часто совершенно неудачными оказались его опыты на Хреновском заводе (из 19 кобыл жеребой оказалась только одна), на Дубровском (из 6 кобыл ожеребились 2), в Долгом (7 кобыл дали 3 нормальных жеребят, и затем из 32 маток оказались жеребыми 25, но у 3 из них получились выкидыши, часто случавшиеся и у других экспериментаторов). В 1900 году для проверки научности и практического значения опытов Иванова была назначена Министерством земледелия Комиссия при Московском сельскохозяйственном институте в составе: Богданова, Гурина, Кулагина, Придорогина... Результаты получились неутешительные — из 7 искусственно оплодотворенных коров забеременели две: одна из них выкинула на 7-м месяце. (См.: Оскар Гагеман. Физиология домашних животных. 1908. Пер. П.Г. Статкевича, стр. 286—289. Добавление П. С. «Искусственное оплодотворение».)

В настоящее время техника искусственного оплодотворения домашних животных и человека, конечно, значительно усовершенствована, хотя в заводском хозяйстве этот способ и до сих пор встречает известное число противников. Можно предполагать, однако, что при опытах получения путем искусственного оплодотворения помесей между человеком и обезьянами встретятся новые технические трудности, на преодоление которых потребуется значительное время, и даже

когда соответствующая техника будет налажена, надо ожидать весьма большого количества выкидышей вследствие значительного различия организмов, а равно и ранней смертности полученных гибридов. В силу всего сказанного, опыты пришлось бы поставить в значительно более широких размерах, чем предполагает это, судя по смете, профессор Иванов.

Беременность у человека продолжается 280 дней: вероятно, приблизительно столько же у высших обезьян. Таким образом, только приблизительно через год от начала опытов в лучшем случае можно ожидать первого приплода. Но для решения поставленной проблемы — определения степени биологического родства между человеком и антропоидами, а равно разрешения некоторых существенных побочных генетических вопросов — необходимо будет полученных гибридов вырастить и получить от них по крайней мере второе поколение. Таким образом, продолжительность опытов, если таковые, как сказано выше, вообще могут дать какие-либо положительные результаты, нужно рассчитывать на десятки лет.

Предоставленная профессором Ивановым смета составлена на 15 000 долларов. Но эта цифра рассчитана только на один год и несомненно мала. 4000 долларов испрашивается на приобретение 10 экземпляров самцов и самок горилл, гиббонов и орангутангов, в предположении, что шимпанзе будут предоставлены Киндийской станцией. Но ставить такие опыты с одним или двумя десятками обезьян различных видов в виду малого вероятия успешности межвидового оплодотворения рискованно. Кроме того, половозрелые экземпляры могут оказаться вообще бесплодными вследствие неволи, и явится необходимость выращивать молодые пойманные особи или даже полученные в неволе. Хотя в смету и внесено далее 1000 долларов «на оплату услуг как мужчин, так и женщин местного населения», но вряд ли в эту сумму входит оплата и содержание подвергаемых искусственному оплодотворению обезьяньим семенем женщин, хотя бы и туземного населения.

Объяснительная записка определенно указывает, что «предполагаемая работа займет, разумеется, не один год», и что «в смете дается расчет только на один год, во-первых, с целью не увеличивать общей суммы (то есть не запугать А.В. Луначарского?), а во-вторых, с расчетом, что через год в связи с развитием работы должен измениться штат экспедиции» (то есть что в последующие годы расходы значительно увеличатся).

Из сказанного ясно, что если бы Наркомпрос пожелал пойти навстречу опытам профессора Иванова по получению гибридов между человеком и высшими обезьянами, ему необходимо будет считаться с отпуском весьма значительных денежных средств в течение десятков лет, так как скромно исчисленные расходы лишь на один первый год выражаются в сумме 15 000 долларов, или 30 000 рублей. Если Нарком-

прос имеет возможность расходовать такие средства, то опыты можно начать с некоторой, правда, весьма небольшой, вероятностью, что они будут успешны и в случае их проблематической успешности лет через двадцать получат значение для науки. Если же возможности отпустить средства, потребные не только для одного начала, но до желательного завершения опытов, не предвидится, то лучше таковых опытов и не начинать, так как нет ничего хуже, как взяться за дело и его бросить, нет ничего хуже покушений с негодными средствами: кроме скандала, который будет несомненно использован в самых разнообразных направлениях, и брошенных на ветер денег, ничего не получится. Но и при возможности отпустить в течение лет 20—30 по 30 000 рублей в год встает вопрос, не лучше ли истратить эти деньги, при нашей бедности, на что-либо иное, легче осуществимое как в отношении новых научных завоеваний и их практических применений, так и в отношении распространения уже имеющихся положительных знаний в народных массах, которое будет лучшим орудием борьбы с религиозными предрассудками, чем сомнительные по своей успешности и крайне дорогостоящие эксперименты получения помесей между человеком и обезьяной путем искусственного оплодотворения.

1924 X

*Ученый консультант
профессор Н. Иванцов.*

«Персиков радостно потер руки и начал готовиться к каким-то таинственным и сложным опытам. Прежде всего, он по телефону сговорился с народным комиссаром просвещения, и трубка наквакала ему самое любезное и всяческое содействие...»

[Михаил Булгаков. Роковые яйца]

Следующий документ таинственной папки черты не подводит...

Протокол № 53
заседания Президиума Государственного Ученого Совета 24 декабря 1924 года.

Пр и с у т с т в о в а л и : председатель, члены, ученый секретарь ГУСа, ученый секретарь Научно-Технической Секции, секретарь президиума ГУСа, а также представители Главнауки и Научно-Художественной Секции ГУСа.

Пункт 4 протокола в части «Слушали» звучит так:

«Докладная записка профессора Иванова об искусственном скрещивании человека с обезьяной» (докладчик О.Ю. Шмидт)».

Тот же пункт в части «Постановили»:

«Поручить Научно-Технической Секции ГУСа для проработки данного вопроса образовать комиссию из биологов и врачей».

Сам протокол оформлен уже в январе 1925 года.

«Сказано в заповеди тринадцатой: не входи без доклада к ближнему моему, — прошамкал люстриновый и пролетел по воздуху, взмахивая полами крылатки... — Я и не вхожу, не вхожу-с, а бумажку все-таки подброшу...»

[Михаил Булгаков. Дьяволиада]

Всякая уважающая себя комиссия собираться и решать не торопится. Не торопилась и эта. До того не торопилась, что на свет появилась бумага следующего содержания:

В научно-техническую комиссию ГУСа

Секретариат Коллегии Наркомпроса по поводу задержки представления заключений Научно-Технической Секции ГУСа по докладу профессора Иванова об опытах скрещивания человека с человекообразными обезьянами сообщает следующую резолюцию т. Яковлевой².

Указать Научно-Технической Секции ГУСа на недопустимую медлительность ее ответа (3 1/2 месяца!) по частному вопросу. Это рекорд медлительности в Наркомпросе.

В. Яковлева.

Напоминание перечеркнуто карандашом, так как ответ комиссии уже шел навстречу с более ранней датой.

Следующие две бумаги сходны по содержанию, поэтому приведем из них лишь главную, которая основана на выводах комиссии и несет в себе новые рационализаторские предложения:

В Главнауку

Научно-Техническая Секция ГУСа, ознакомившись, согласно предложения замнаркомпроса т. Яковлевой, с докладной запиской т. Иванова об опытах скрещивания человека с человекообразными обезьянами, признав за предложением профессора Иванова исключительно большой интерес, полагала бы целесообразным:

1. Воздержаться в данный момент от постановки предложенных профессором И.И. Ивановым в большом масштабе и решающих по своему значению опытов ввиду их несомненной большой продолжительности и связанных с постановкой их в полном объеме значительных расходов.

2. Провести в возможно более полном объеме ряд подготовительных работ в виде опытов над животными в целях освещения недостаточно

² Варвара Николаевна Яковлева — в то время заместитель народного комиссара просвещения А.В. Луначарского.

еще ясного в науке вопроса о границах возможности межвидового и межродового скрещивания, поручив это дело М.М. Завадовскому и с отпуском из средств Наркомпроса потребных кредитов.

Принимая во внимание заключение Научно-Технической Секции ГУСа, замнаркомпрос т. Яковлева предлагает Главнауке включить в смету будущего бюджетного года средства на опыты, указанные в пункте 2-м отзыва Научно-Технической Секции ГУСа, а если есть возможность (если есть какие-либо кредиты в этом году), то отпустить небольшие суммы из сметы текущего года.

Секретарь Коллегии НКП.

Поскольку вся история произрастала из предложения, пришедшего от Комиссии по заграничным закупкам, то и завершив ее окончательным ответом.

В Комиссию по заграничным закупкам
Наркомпроса

тов. Новикову

На номер 301 от 18 сентября 24 г.

Народный Комиссариат по просвещению, ознакомившись с Вашим письмом относительно докладной записки профессора И.И. Иванова об опытах скрещивания человека с человекообразными обезьянами и самим докладом профессора Иванова, признавая за предложением И.И. Иванова исключительно большой интерес, находит целесообразным воздержаться в данный момент от постановки предложенных профессором И.И. Ивановым в большом масштабе и решающих по своему значению опытов ввиду их несомненной большой продолжительности и связанных с постановкой их в полном объеме значительных расходов.

Однако Наркомпрос считает необходимым провести в возможно полном объеме ряд подготовительных работ в виде опытов над животными в целях освещения недостаточно ясного в науке вопроса о границах возможности межвидового и межродового скрещивания, что, вероятно, удастся осуществить лишь в будущем бюджетном году.

(Преписка от руки.) Эти работы поручаются одному из профессоров ВУЗов РСФСР.

*Замнаркомпрос Яковлева
Секретарь Коллегии Егоров
5/III 1925 года.*

Что-то вроде эпилога

В Коллегию Наркомпроса

На № 817

По вопросу об отпуске средств на проведение в полном объеме опытов над животными в целях освещения возможности межвидового и межродового скрещивания Главнаука сообщает, что вследствие невозможности произвести отпуск сумм из сметы текущего года средства для опытов будут включены в смету будущего бюджетного года.

Заведующий Главнаукой Н.Ф. Петров.

Последним документом является автограф кого-то из сотрудников секретариата, где прослежены хронология и путь всех предыдущих. Открываемая датой 4 ноября 1924 года, запись оканчивается датой 4 марта 1925 года. Ровно пять месяцев.

Эта история имела продолжение, правда, зафиксированное в других папках. Более того, и в папках «компетентных органов».

«Пес видел страшные дела. Руки в скользких перчатках важный человек погружал в сосуд, доставал мозги, — упорный человек, настойчивый, все чего-то добивался, резал, рассматривал, шурился и пел:

— «К берегам священным Нила...»

[Михаил Булгаков. Собачье сердце]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — АКАДЕМИЧЕСКАЯ

Следы дальнейшей деятельности упорного человека — Ильи Ивановича Иванова — обнаруживаются в документах Академии наук СССР. Общая схема взаимоотношений профессора-еретика и официальной организации остается прежней: сначала восхищение и одобрение, затем полное неприятие как идей, так и самого человека. И тянулась вся «академическая история» много дольше истории «бюрократической» — около трех лет.

Две бумаги стоят у начала и конца процесса «принятия решений» — протоколы заседаний Физико-математического отделения Академии наук 1925 и 1928 годов.

Академия наук

Союза Советских Социалистических Республик.

Отделение физико-математических наук

XIII заседание, 30 сентября 1925 г.

§ 254—318

Присутствовали: президент академик А.П. Карпинский, вице-президент академик В.А. Стеклов, академик-секретарь отделения А.Е. Ферсман, академики: А.А. Белопольский, Н.В. Насонов, И.П. Павлов, Н.С. Курнаков, В.Н. Ипатьев, П.П. Лазарев, А.Ф. Иоффе, В.Л. Комаров, Я.В. Успенский, Д.П. Коновалов, В.Л. Омелянский, С.П. Костычев, Ф.Ю. Левинсон-Хессинг и и.о. директора Зоологического музея А.А. Бялыницкий-Бируля.

291. Академик-секретарь доложил, что перед заседанием ФМО состоялся доклад профессора И.И. Иванова о предполагаемой им экспедиции в Африку для организации на станции Парижского Пастеровского института (Французская Гвинея) опытов гибридизации на антропоидах. Намеченная профессором Ивановым работа была признана заслуживающей большого внимания и полной поддержки.

Положено поддержать идею необходимости работ профессора Иванова, признав за ними большое научное значение, о чем довести до сведения Управление делами Совнаркома СССР, прося об оказании поддержки этому начинанию, как путем отпуска соответствующих ассигнований, так и облегчения профессору Иванову всех сопряженных с настоящей экспедицией формальностей.

11 апреля 1928 г.

326. Н.В. Насонов доложил, что по рассмотрении переданного ему отчета профессора И.И. Иванова о командировке его в Африку он считал бы необходимым для обсуждения высказанных в отчете предложений ввиду их сложности созвать комиссию под председательством неопременного секретаря. В.Л. Комаров заявил, что Академии наук следует высказать ясно и твердо свое вполне отрицательное отношение к предложению профессора И.И. Иванова о скрещивании человека с обезьяной как не научному и не могущему дать никакого результата, и предложил образовать комиссию в составе Н.В. Насонова, А.Н. Северцова, П.П. Сушкина, В.Л. Комарова и А.А. Бялыницкого-Бирули для рассмотрения этого вопроса.

Положено предложение В.Л. Комарова принять и передать все дело в означенную комиссию.

Доклад И.И. Иванова, на основании которого в 1925 году академики одобрили деятельность профессора, сохранился. Текст его приводится ниже.

Следует только заметить, что не каждый профессор смог бы пробиться для доклада в академию. Есть основания полагать, что кто-то «наверху» пытался помогать Илье Ивановичу, сочувствовал его деятельности и академик Иван Павлов...

30 сентября 1925 г.

В Физико-математическое отделение Всесоюзной Академии наук.
Профессора Ильи Ивановича Иванова

Доклад

Согласно предложения непрямого секретаря Академии наук академика Сергея Федоровича Ольденбурга имею честь сделать следующее сообщение.

25 лет тому назад благодаря ходатайству президента Академии наук, опиравшегося на отзывы о моих работах академиков А.О. Ковалевского и В.В. Заленского, правительством были отпущены средства, давшие мне возможность продолжить и углубить мои изыскания с методом искусственного осеменения млекопитающих, поставить ряд экспериментальных исследований в области физиологии и биологии размножения и провести экспериментальную работу по видовой гибридизации млекопитающих (зебroidы, зубroidы, бизоноиды и т.п. в Асканья-Нова). Некоторые мои исследования проведены были в Особой зоологической лаборатории Академии наук, находившейся в то время в заведывании покойного академика В.В. Заленского, и в лаборатории академика Ивана Петровича Павлова. В дальнейшем я неизменно пользовался в своей научной деятельности поддержкой членов Академии наук. Так, в 1908 году в Петербурге была организована специальная правительственная лаборатория с филиалом в Асканья-Нова, позволившая мне значительно расширить свои исследования. Вопрос об организации этой лаборатории сначала встретил энергичное противодействие в некоторых сферах и был решен в положительном смысле исключительно благодаря лестным отзывам о моих работах академиков И.П. Павлова, В.В. Заленского, В.М. Шимкевича, признавших за моими работами не только научное, но и практическое значение.

Пользуюсь случаем заявить, что в данное время выработанный мною метод искусственного осеменения признан мерой государственного значения и широко применяется как зоотехнический метод в деле массового восстановления и улучшения отечественного коневодства. Метод этот принят также за границей (Германия, Франция, Чехословакия, Австрия, Япония и др.).

Мои работы с методом искусственного осеменения млекопитающих, а также в области видовой гибридизации естественно привели меня к мысли поставить опыты скрещивания путем искусственного осеменения между различными видами человекообразных обезьян и между последними и человеком. Опыты эти могут дать чрезвычайно интересный материал для выяснения вопроса о происхождении человека и ряда вопросов в области наследственности, эмбриологии, патологии и сравнительной психологии.

Получение гибридов между различными видами антропоидов весьма вероятно. За успех их говорят результаты скрещивания, например, би-

зонов, зубров с домашним рогатым скотом. Рождение гибридной формы между человеком и антропоидом менее вероятно, но возможность его далеко не исключена.

Мои попытки в дореволюционное время наладить работу в этом направлении не имели успеха. Для организации этих опытов требовались исключительная обстановка и значительные средства. Действительно, работа эта может быть поставлена только в тропической зоне, так как антропоидные обезьяны вне этого пояса обычно живут недолго и, как правило, не размножаются. Кроме того, для опытов необходимо иметь по крайней мере несколько десятков антропоидных обезьян, стоимость которых исчисляется в тысячах золотых рублей; необходимо располагать лабораторной обстановкой, иметь в своем распоряжении опытный в уходе за антропоидными обезьянами служебный персонал и оборудованные помещения. Реализация всего вышесказанного потребовала бы не одну сотню тысяч рублей и несколько лет подготовительной работы. Вот почему эти исследования до сих пор не могли быть проведены, несмотря на захватывающий интерес намеченной проблемы, указания в научной литературе на ее значение и даже не доведенную до конца попытку организовать специальную экспедицию с этой целью.

В настоящее время положение резко изменилось. В Западной Африке, во Французской Гвинее, в Киндии, родине шимпанзе, Парижским Пастеровским институтом организована крупная станция по разведению антропоидных обезьян в целях опытного исследования и лечения болезней, свойственных человеку и обезьянам. В смысле обстановки здесь имеется достаточное число шимпанзе, но недостает представителей других видов антропоидов (гibbonы, гориллы, орангутанги).

Дирекция Пастеровского института, ознакомленная с планом моих работ, еще в прошлом году предлагала мне провести эту работу на их станции. В текущем году перед моим отъездом из Парижа я снова получил от профессора Кальметта письменное подтверждение в том, что Пастеровский институт будет ждать моего возвращения, продолжать начатые подготовительные работы в Киндии и что дирекция института окажет всемерное содействие для осуществления этих исследований на их станции в Киндии. Однако финансовые затруднения, переживаемые Пастеровским институтом, не позволяют ему закупить необходимых антропоидов Зондского архипелага, а также горилл и взять на себя дополнительные расходы, о чем и сообщается в прилагаемом письме директора Ру и профессора Кальметта. При таком положении дела необходимо располагать добавочными средствами на расходы: а) по закупке не имеющихся в распоряжении станции антропоидов, б) по оплате проезда и содержания командированного персонала, в) по оплате специальных услуг местных жителей, г) по закупке специального недостающего оборудования, д) по оплате мелких и непредвиденных расходов, связанных с этой работой.

Согласно сообщения неперменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга на эту экспедицию советским правительством ассигновано и переведено на Академию наук 10 000 долларов.

Имея честь доложить о всем вышеизложенном высокоуважаемому собранию, жду постановления по поводу моего доклада по этому делу.

Считаю долгом заявить, что выехать в командировку я могу в ближайшее время.

При сем прилагаю копии двух писем на мое имя, полученных от директора Пастеровского института доктора Ру и его помощника профессора Кальметта.

Профессор Илья Иванов

Получив деньги от Совнаркома и одобрение от Академии наук, И.И. Иванов в начале февраля 1926 года выехал в Париж.

Следующий комплект бумаг – это рассказ Ильи Ивановича о начавшемся столкновении теоретических предположений с реальностью. Пока речь идет не о науке, а об организации работы. Возникают новые сроки выполнения поставленных задач, просьба о новых деньгах...

Париж,
15 марта 1926 г.

Неперменному секретарю Всесоюзной Академии наук
Сергею Федоровичу Ольденбургу

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Переговоры и выяснение некоторых вопросов задержали меня в Париже дольше, чем я предполагал. В Пастеровском институте я был принят доктором Ру и профессором Кальметтом с обычным радушием и готовностью всемерно помочь мне.

Финансовые затруднения, переживаемые Францией, особенно в связи с падением франка, тяжело отражаются и на бюджете Пастеровского института, который в настоящее время не имеет возможности субсидировать мою работу. Пастеровская станция в Киндии, получающая средства от Министерства колоний и потому не зависящая материально от Пастеровского института, по-видимому, также небогата. Таким образом, вести работу придется в условиях далеко не тех, на какие можно было рассчитывать.

Недостаток средств несомненно должен будет отразиться на масштабе опытов, однако основные задания надеюсь выполнить.

С глубоким уважением
и преданностью И. Иванов.

Париж, 15 марта 1926 г.

Во Всесоюзную Академию наук

Согласно командировке, полученной мною от Академии наук, 4 февраля сего года я выехал из Москвы за границу. В Берлине я задержался на несколько дней для выяснения возможности закупки необходимых для моих опытов обезьян у немецких поставщиков. 12 февраля сего года я был уже в Париже. Из переговоров с администрацией Пастеровского института и директором Пастеровской станции в Киндии майором ветеринарным врачом Вильбером выяснилось, что вследствие финансовых затруднений, испытываемых Пастеровским институтом, работы по подготовке и оборудованию необходимых помещений в Киндии не произведены и что опытные животные не заготовлены.

Директор станции в Киндии ветеринарный врач Вильбер предложил за счет отпущенных в мое распоряжение сумм закупить необходимых мне шимпанзе, построить для них клетки, отремонтировать помещение для моего жилья, закупить необходимую мебель и взять на себя содержание животных и ухаживающего за ними персонала. По плану Вильбера, подготовительные работы должны быть закончены к концу сентября, после чего можно будет приступить к опытам.

Однако, ознакомившись ближе с положением дела, я пока отклонил это предложение и решил не откладывать работу на такой долгий срок, но возможности скорее выехать в Киндию и начать там опыты.

Мой план одобрен доктором Ру и профессором Кальметтом.

Выехать предполагаю 16 марта сего года на пароходе *Tohad*, отходящем из Бордо на Дакар и Конакри.

Профессор Иванов

Академику Александру Евгеньевичу Ферсману
Академия наук, Ленинград

Глубокоуважаемый Александр Евгеньевич, виделся на днях с Сергеем Федоровичем Ольденбургом, подробно ознакомил его с положением дела, ради которого я имею командировку от Академии наук. Сергей Федорович просил меня как можно скорее послать на Ваше имя мою докладную записку и смету. Кроме того, он уполномочил меня сообщить Вам, что мои планы и предложения он знает и поддерживает их. Затем Сергей Федорович предупредил меня, что смета Академии наук, по-видимому, рассмотрена уже, но что моя смета может быть проведена в дополнительном порядке.

Вместе с этим письмом высылаю свою докладную записку со сметой на 1927 год и прошу Вас не отказать поддержать мои ходатайства перед Академией наук и провести смету.

1/IX 1926 г. Париж

С глубоким уважением и преданностью
И. Иванов

*В Физико-математическое отделение
Конференции Всесоюзной Академии наук
командированного в Западную Африку
профессора И.И. Иванова*

Докладная записка

*Считая своим долгом представить по окончании командировки
подробный доклад, в настоящее время сообщаю кратко о положении
дела.*

*Во Французскую Гвинею я выехал из Бордо 16/III сего года и 27 того
же месяца приехал в Конакри, главный город Французской Гвинеи. За
12 дней пути пароход только один раз останавливался на три часа в пор-
ту Дакар.*

*В Конакри я встретил весьма любезный прием со стороны местного
губернатора доктора Пуаре. С первым пассажирским поездом (пас-
сажирский поезд ходит от Конакри до Канкана два раза в неделю) я
отправился в город Киндию, отстоящий в 150 километрах от Конакри.
Оттуда в тот же день я был на станции Пастеровского институ-
та. Эта станция расположена в лесу, в расстоянии 7 километров от
Киндии. Городок Киндия представляет собой туземный поселок с весьма
незначительным числом домов, приспособленных для жилья европейцев.
Эти дома заняты чиновниками и купцами, живущими обычно с семьями.
Гостиниц нет; комнат для приезжающих при железнодорожной стан-
ции также не имеется.*

*Приехав на Пастеровскую станцию, я увидел, что хижина, которую
заведующий станцией предназначал для меня, — заброшенное и заселен-
ное термитами помещение, совершенно негодное для жилья.*

*Ремонтировать эту сторожку явно не имело смысла. Проще и прак-
тичнее было бы построить новую. Я так и сделал бы, если бы можно
было поставить здесь опыты.*

*Ознакомившись с составом имеющихся здесь шимпанзе, я убедился,
что из числа тридцати с лишним обезьян, содержащихся в клетках,
нет ни одной половозрелой. Из дальнейшего выяснилось, что получить
взрослых шимпанзе при существующей там постановке охоты на обе-
зьян нельзя. Охота на шимпанзе ведется грубо, жестоко и крайне нера-
ционально. Взрослые обезьяны, загнанные толпою охотников на дерево
вместе со своими детьми, или погибают под выстрелами и под ударами
дубин охотников, или успевают спастись бегством. Негры предпо-
читают подбирать подростков, предварительно убив родителей, чем
рисковать жизнью в попытке взять живьем взрослых шимпанзе.
Несмотря на категорическое распоряжение администрации доставить
для меня взрослых обезьян, на Пастеровскую станцию неизменно
доставлялись шимпанзе в детском возрасте и притом часто
искалеченные, умиравшие сравнительно скоро после доставки.*

Прожить некоторое время, около месяца, на станции смог только

*благодаря тому, что заведующий станцией ветврач Вильбер возвра-
щался из Парижа только через месяц и я мог занять свободную ком-
нату в лаборатории до его приезда. За это время я имел возможность
подробно ознакомиться с методами содержания и кормления шимпан-
зе на станции, сделать несколько вскрытий шимпанзе, произвести
кастрации, собрать гистологический материал по половым железам
у молодых шимпанзе, сделать несколько экскурсий в глубь страны,
чтобы ознакомиться с окружающими условиями и собрать некоторые
материалы ботанического и зоологического характера.*

*Мои попытки доставить взрослых шимпанзе из частных рук ни к чему
не привели, так как в настоящее время шимпанзе взяты под охрану ад-
министрации колоний и никто не имеет права без специального разреше-
ния охотиться на них или держать у себя дома.*

*Таким образом, на месте еще более выяснилось, что план заведующе-
го станцией ветврача Вильбера, предложившего мне выдать ему
2500 долларов с тем, что он берет на себя заготовить к октябрю месяцу
нужных для опыта обезьян и отремонтировать вышеуказанную хижину,
явно был неисполним.*

*Вместо нужных для опытов половозрелых самок шимпанзе в лучшем
случае я имел бы молодых, негодных для опытов подростков, так как не
только администраторы-чиновники, но и ветврачи станции до послед-
него времени не умели отличать половозрелых шимпанзе от подростков.
Произведенные мною вскрытия и кастрации, по-видимому, впервые по-
шатнули укоренившийся здесь ошибочный взгляд, будто половозрелость у
шимпанзе наступает в четырех-пятилетнем возрасте и что у взрослых
самок шимпанзе нет менструаций.*

*Таким образом, первое, что надо было сделать, это выработать спо-
соб добывать в неискалеченном виде взрослых шимпанзе. Заняться этим
на месте я уже не мог, так как наступал период тропических дождей,
когда охота на обезьян становится невозможной, и, кроме того, воз-
вращался ветврач Вильбер и мне нужно было освободить его помещение.
Устроиться где-либо около станции, как я уже сказал выше, было со-
вершенно невозможно.*

*4/V сего года я вернулся в Париж. Сделал доклад в письменной форме
директору Пастеровского института и его помощнику. Доктор Ру
и доктор Кальметт ответили мне письмом, копию коего прилагаю.
Из этого письма видно, что в настоящее время ввиду острого финансо-
вого кризиса во Франции вообще и в Пастеровском институте, в част-
ности, Пастеровский институт не может строить необходимого для
жилья помещения и приобрести взрослых шимпанзе, по крайней мере, в
ближайшее время. Оставался выход, который и был одобрен доктором
Ру и Кальметтом: перенести опыты в Конакри, где жилищный вопрос
разрешается сравнительно просто и где, пользуясь обещанной мне под-
держкой губернатора доктора Пуаре, с наступлением сухого сезона (в
октябре) можно добыть нужных обезьян, применив более рациональный*

способ охоты, устроить соответствующее помещение для опытных животных и поставить опыты.

Я написал письмо губернатору Французской Гвинеи, где изложил положение дела, указал мои требования и просил дать категорический ответ: могут ли я и в какой мере рассчитывать на его содействие. В ожидании ответа, который мог прийти не раньше двух месяцев, я занялся в Пастеровском институте вместе с академиком Вертраном опытами иммобилизации обезьян газами, не оставляющими тяжелого следа на здоровье. Кроме того, в лаборатории профессора Воронова я получил возможность провести некоторые наблюдения и опыты, имеющие прямое отношение к моей теме. Здесь впервые я увидел половозрелую самку шимпанзе, живущую в лаборатории около трех лет. На этой самке, у которой собственные яичники были заменены яичниками женщины (более полутора лет тому назад), мною было произведено искусственное осеменение прежде всего в целях проверки рациональности технических приемов при работе с шимпанзе. В той же лаборатории профессора Воронова мною ведутся опыты по иммобилизации обезьян.

За время своего пребывания в Париже я завязал переписку с владелицей одного из самых крупных частных обезьянников (около 120 обезьян), расположенного в окрестностях Гаваны (Куба).

В этом обезьяннике, судя по литературным данным, имеются не только взрослые шимпанзе, дающие потомство в неволе, но также — орангутанги и гиббоны. Одно время я был склонен на основании полученной телеграммы от этой владелицы — главной базой работы сделать именно этот обезьянник. Однако только что полученное мною от той же владелицы большое письмо заставляет меня отказаться на время от этой мысли и сосредоточить пока все внимание на Конакри. Здесь губернатор доктор Пуаре предоставляет в мое распоряжение часть дома и надворных построек, готов взять на себя присмотр за их ремонтом и оборудованием и обещает, что к моему приезду (в первых числах октября) эти помещения будут готовы. Я знаю эти помещения, расположенные в опытном ботаническом саду. Знаю губернатора Пуаре как человека серьезного и весьма доброжелательного, живо интересующегося моей работой. Уверен, что при его помощи как администратора и при тех средствах, которые у меня имеются, удастся, несмотря на ряд неожиданно встретившихся затруднений, достать взрослых шимпанзе и опыты поставить. Использовать сложившуюся благоприятную обстановку в Конакри важно также ввиду необходимости достать значительное число обезьян для обезьянника в СССР, в организации которого я принимаю живое участие.

Таким образом, план моих дальнейших действий таков. В ближайшее время вместе с сыном, студентом 4 курса физико-математического факультета 1-го МГУ, вызванным мною в качестве помощника, я уезжаю в Конакри. Губернатор уже предупрежден о моем приезде телеграммой. К моему приезду (в первых числах октября) будет готово помещение для

меня и помощника. Во всяком случае, большая часть работ по оборудованию помещения для обезьян также будет готова. Как только откроется возможность приступить к ловле обезьян (дождливый сезон кончается здесь обычно в средних числах октября), под моим личным наблюдением и при содействии губернатора будет отправлен в глубь страны отряд охотников, который, согласно моим инструкциям, займется ловлей половозрелых шимпанзе. После доставки их в Конакри будут немедленно поставлены опыты. Если удастся добыть горилл, будут проведены опыты с гориллой. Опыты гибридизации между различными видами человекообразных обезьян предполагаю организовать не раньше лета будущего года в вышеуказанном обезьяннике на Кубе.

Для выполнения программы опытов потребуется: 1) командировку мою продлить на год, 2) ассигновать на расходы по ведению опытов в 1927 году специальную сумму, указанную мною в прилагаемой при сем смете. Оборудование помещений в Конакри, поимку обезьян, содержание их в текущем году, оплату моего проезда в Африку с помощником, оплату персонала и лиц, привлеченных к опытам, — надеюсь до 1-го января 1927 года произвести за счет остающихся у меня на руках сумм.

За недолгое время своего пребывания в Африке я собрал и выслал некоторые образцы семян, насекомых и т.п. по просьбе некоторых ученых-специалистов. По моей просьбе губернатор доктор Пуаре выслал на мое имя еще некоторое количество семян полевых растений.

Эти скромные, чтобы не сказать больше, посылки, по-видимому, весьма заинтересовали лиц, получивших их. Зная, как мало имеется в коллекциях Академии наук образцов фауны и флоры Западной Тропической Африки, и предвидя возможность собрать в значительном числе образцы растений (семян), животных (главным образом насекомых, змей, птиц, шкур млекопитающих, а также паразитов и кровепаразитов), минералов, почв, а также утвари, оружия, одежды, изделий-фетишей и тому подобное, считаю своим долгом указать, что я могу и готов посылить быть полезным в этом направлении. Для этих сборов у меня имеется очень ограниченное количество посуды и реактивов, а также инструментов и приспособлений для ловли и консервирования. Поэтому они или должны быть высланы, или оплачены, так же, как и расходы по пересылке. Так как во Французской Гвинее можно сделать очень значительные сборы, особенно если привлечь к этому местных жителей-европейцев (врачей, ветврачей, агрономов, инженеров), нередко очень хорошо знающих местную флору и фауну, жизнь туземцев и тому подобное, то я позволю себе в смете заранее предусмотреть возможный расход. Полагаю, что ассигнование суммы в 2000 долларов могло бы обеспечить возможность приобрести ценные коллекции из Французской Гвинеи.

На основании изложенного прошу Физико-математическое отделение Всесоюзной Академии наук: 1) сделать соответствующее постановление о продлении моей заграничной командировки в Западную Африку

сроком до 1 января 1928 года, известив об этом Народный Комиссариат Земледелия, где я состою на службе; 2) утвердить представляемую здесь смету, причем если смета Академии наук уже рассмотрена, то представляемую смету провести как дополнительную в сверхсметном порядке.

2/IX 1926 г. Париж

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ – ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ

Первое обсуждение первых итогов

Бумаги от профессора И.И. Иванова были зарегистрированы в Академии наук 16 сентября 1926 года, и в тот же день исполняющий обязанности неперменного секретаря академик Ферсман просит академика Н.В. Насонова дать свое заключение. Н.В. Насонов подробно пересказал отчет своего коллеги о его пребывании в Африке и заключил:

Из вышеизложенного видно, что до сих пор экспедицией проф. И.И. Иванова не достигнуто никаких результатов по гибридизации антропоидов и не может быть достигнуто в столь короткий срок — в течение двух с половиною месяцев, а именно — до 1 января, то есть когда иссякнут ассигнованные ему средства. Закупка антропоидов с Зондского архипелага для целей гибридизации, как можно заключить из отчета, также не будет произведена из этой суммы.

Что касается до продолжения действий экспедиции на год, то я ничего не могу сказать, так как не имеется ни плана работ, ни объяснительной записки.

По той же причине не могу входить в рассмотрение приложенной сметы на расходы в 17 тысяч долларов.

Академия наук сторонником И.И. Иванова не стала.

22 сентября 1926 г.

В состоящую при Совнаркомом СССР Комиссию по содействию работам Академии наук СССР.

По поводу поступившей в АН СССР докладной записки командированного в Западную Африку профессора И.И. Иванова со сметой расходов на означенную экспедицию в 1926–27 гг. АН сообщает, что означенный вопрос был обсужден в заседании Отделения физико-математических наук 22 сего сентября, причем отделение, не усматривая в записке профессора И.И. Иванова достаточных данных для

выяснения плана его работ, признало необходимым запросить у профессора И.И. Иванова дополнительные сведения по этому делу, по получении коих будет возможно вынести окончательное заключение по существу указанной экспедиции.

*За неперменного секретаря
академик Ферсман.*

Аналогичная бумага пошла И.И. Иванову. Думаю, что привыкшие к определенным правилам академических игр ученые из Ленинграда недооценили бешеной энергии профессора. Битва за деньги и сроки еще только начиналась...

28 сентября 1926 г.

Многоуважаемый Илья Иванович, в связи с препровожденной Вами в Отделение физико-математических наук докладной запиской о продлении Вашей командировки в Западную Африку считаю необходимым сообщить Вам, что указанная докладная записка была на рассмотрении Отделения физико-математических наук 22 сентября сего года.

При этом Отделение не могло не остановиться на том, что, с одной стороны, в Вашей докладной записке не содержится никаких указаний собственно о работах Ваших по гибридизации антропоидов за счет уже отпущенных Вам сумм, а с другой стороны, Вами не представлено подробно мотивированного плана намечаемых Вами работ, на которые Вы спрашиваете новое ассигнование.

При таких условиях Отделение затруднилось немедленно дать отзыв по существу Ваших предположений, равно как не могло иметь окончательного суждения и по поводу присланной Вами сметы расходов на 1927 год в сумме 17 500 американских долларов, почему и решило запросить у Вас более полные дополнительные сведения как о научных результатах Ваших работ за счет уже отпущенных Вам сумм, так и о плане намечаемых Вами в 1927 году исследовательских работ с подробным научным их освещением.

Только по получении указанных сведений Академия наук сможет вынести свое заключение по упомянутому делу.

Уведомляя Вас об изложенном решении Отделения физико-математических наук, прошу Вас не отказать возможно срочным доставлением вышеуказанных сведений.

При этом добавляю, что о положении настоящего вопроса я уже поставил в известность состоящую при Совнаркомом СССР Комиссию по содействию работам АН СССР.

Уважающий Вас
Крачковский.

Вероятно, И.Ю. Крачковский в тот момент исполнял обязанности постоянного секретаря академии.

Уже 7 октября Крачковский получает из Парижа телеграмму:

«Дополнительные сведения высылаем диппочтой через секретаря Крауш. Иванов».

А 12 октября из Кремля, на бланке Совнаркома Союза ССР:

А.Н. академику Ферсману.

Посылаю копию отчета профессора И.И. Иванова в израсходовании сумм, ассигнованных ему в 1925–26 гг.

Подлинный отчет с оправдательными документами направлен в Финансовый отдел Управления делами СНК СССР.

Секретарь комиссии СНК СССР
по содействию работам
Академии наук СССР
Крауш.

К отчету приложена и «сопроводилка» самого И.И. Иванова от 29 сентября 1926 г. Получается по датам, что или профессор предвидел бумагу академии, или ему прочитали ее по телефону.

В Управление делами СНК СССР.

Представляя при сем документальный отчет о расходах, произведенных мною до сего времени за счет отпущенного в мое распоряжение аванса (!) в американских долларах 10 000 вместе со справкой из банка о наличии остатка, считаю необходимым доложить в дополнение к докладу от 3. IX с.г.

Всего за это время израсходовано американских долларов 2912.12.

Поездка в Англию была предпринята ввиду необходимости осмотреть антропоидных обезьян, предложенных фирмами для покупки.

Остаток с процентами американских долларов 7130 предположительно должен быть израсходован главным образом к 1 января 1927 г.

29 сентября 1926 г.

Далее идут четыре страницы подробного перечня расходов и приложены справки, опись счетов и сами счета.

С этого момента в академии начинают понимать, что академический стиль в общении с неугомонным профессором не поможет. В результате на свет явилась бумага следующего содержания:

23 октября 1926 г.

В Комиссию по содействию работам АН СССР

В дополнение к № 6029 от 22 сентября с.г. Академия наук СССР сообщает, что Отделение физико-математических наук, рассмотрев отчет профессора И.И. Иванова в израсходовании ассигнованных ему в 1925/26 г. средств (каковой отчет препровожден в копии в Академию наук при отношении секретариата комиссии от 12 сего октября), не признало возможным при необходимости соблюдения в настоящее время строгой экономии и при неясности некоторых предположенных профессором И.И. Ивановым расходов поддержать ходатайство профессора И.И. Иванова об отпуске ему дальнейших денежных ассигнований на намеченные им научные исследования.

К такому выводу Отделение физико-математических наук пришло и потому, что у профессора И.И. Иванова имеется в настоящее время остаток ассигнованной суммы свыше 7000 американских долларов, на каковой и возможно вести работы с тем, чтобы уже в зависимости от реальных результатов таковых был поставлен и решен вопрос о последующем денежном отпуске на ту же надобность.

*За неперменного секретаря академии
Ферсман.*

Но джинн был выпущен из бутылки: у И.И. Иванова еще была валюта, и он поступал так, как находил нужным.

Вдруг выяснилось, что профессор «пропал». На бланке Совнаркома СССР с титулом «Москва, Кремль» неперменному секретарю академику Ольденбургу поступила новая бумага:

Сообщаю для сведения телеграммы полпреда СССР во Франции — по вопросу о местонахождении профессора И.И. Иванова.

Прошу сообщить, каким образом Академия наук предполагает установить связь с профессором Ивановым.

*За зав. отделом научных учреждений
Воронов.*

К ней приложена телеграмма полпреда:

Тов. Горбунову. Кремль. Париж. Иванов уехал в Гвинею, не сообщив адреса.

*Полпред.
Верно: Крауш.*

26 декабря 1926 г.

В Научный отдел Управления делами Совнаркома СССР.

Академия наук СССР вследствие запроса на имя неперменного секретаря от 21 декабря с.г. сообщает, что профессор И.И. Иванов не является сотрудником Академии наук и заграничная его командировка была дана не по инициативе Академии наук, которая лишь давала отзыв по существу его научных планов и предположений и ознакомилась с представленным им отчетом.

В соответствии с изложенным у Академии наук не имеется точных данных о местонахождении профессора И.И. Иванова в настоящее время, причем на посланный ему в Париж запрос по поводу его отчета, переданного на заключение Академии наук, никакого ответа пока Академией наук не получено.

При указанных условиях Академия наук не предполагает предпринимать каких-либо мер к установлению связи с профессором И.И. Ивановым впредь до получения от него известий о его научных работах.

*Неперменный секретарь академик Крачковский.
Управляющий делами конференции.*

На этом события 1926 года и заканчиваются.

Но сами приключения И.И. Иванова только-только разворачиваются, и участие академиков, явно против их собственной воли, также имеет продолжение...

Полтора месяца об Иванове ничего не было слышно. В начале февраля 1927 года академия получает из Совнаркома копию его телеграммы из Конакри с просьбой сохранить за ним квартиру в Москве, так как жена его находится в Киеве у больной дочери.

В марте того же года в переписке появляется побочный сюжет относительно экспонатов, которые профессор Иванов собрал для Зоологического музея. Реакция академии вполне положительная, и документы, облегчающие путь коллекции через таможню, были посланы.

Но никакие дополнительные усилия профессора не отменяли главного расхождения между ним и академией.

Пришла новая докладная записка И.И. Иванова:

24.III.27 г.

*В Конференцию Академии наук СССР
от профессора И.И. Иванова*

Докладная записка

Имею доложить о положении дел моей командировки во Французскую Гвинею следующее:

основной целью моей командировки, как известно, являлось по-ставить при помощи искусственного осеменения опыты гибридизации между различными видами человекообразных обезьян и затем между последними и человеком.

Реальная возможность постановки такого рода опытов была основана на уверенности, что во Французской Гвинее, а именно — вблизи города Кандии, имеется принадлежащая Парижскому Пастеровскому институту станция по разведению обезьян, где собрано значительное число взрослых шимпанзе. Дирекция Пастеровского института отдавала в мое распоряжение взрослых шимпанзе и готова была предоставить как помещения для жилья мне и моему помощнику, так и имеющуюся там лабораторную обстановку. Соответственно с вышеуказанными условиями строился план работы и были представлены сметные предложения. Часть опытов имелось в виду начать вскоре по приезде на станцию в Кандии, а к остальной части работы приступить по получении необходимых человекообразных обезьян (орангутанг, гиббон, горилла), во Французской Гвинее не встречающихся. [...]

К этому времени наметились три возможности наладить работу, а именно:

1) на Кубе в единственном в своем роде обезьяннике мадам Абрен (от которой после довольно продолжительных переговоров мною было получено определенное согласие, подтвержденное телеграммой на имя директора Пастеровского института),

2) в Конакри, где губернатор Французской Гвинеи господин Пуаре обещал мне свое содействие по устройству обезьянника и приисканию квартиры, а также предоставлял возможность использовать местных охотников для поимки необходимых шимпанзе.

3) На Пастеровской станции в Кандии, где доктор Кальметт на-деялся в несколько месяцев с помощью американцев (с весьма солидным общественным положением), обещавших достать 100 000 долларов, выстроить обезьянник в Кандии и подготовить необходимый опытный материал и все, что будет нужно для моих опытов.

Мадам Абрен за несколько дней до моего отъезда на Кубу прислала сначала телеграмму, а затем письмо, где сообщала о гибели наиболее ценных и важных для опытов взрослых самцов-шимпанзе и орангутанга и о своих опасениях скомпрометировать себя в глазах людей ее круга. Весьма возможно, что мадам Абрен получила такое же угрожающее письмо, какое было направлено в Пастеровский институт на мое имя от членов Ку-клукс-клана.

Что касается американцев, то денежной помощи от них не по-ступило, и своими выступлениями в обществах атеистов они оказали плохую услугу делу.

Таким образом, оставалось только выехать в Конакри, что я и сде-лал, как только местные климатические условия позволяли приступить к добыче шимпанзе и устройству обезьянника.

В Конакри я выехал из Парижа вместе со своим сыном (бесплатным сотрудником) 31 октября прошлого года.

Прежде всего необходимо было подготовить помещение для обезьян и организовать охоту для добывания взрослых шимпанзе.

Для того чтобы представить себе, насколько непросто было сделать то и другое, надо знать местные условия и нравы.

В колонии все делается не спеша. Это основной принцип здешней жизни. То, что в Европе можно сделать в неделю, здесь требует месяцев времени. Наряду с новейшими достижениями техники и культуры, вы встречаетесь в Конакри, столице Французской Гвинеи, с отсутствием гвоздей, проволоки и т.п., с невозможностью достать столяра, слесаря на стальную работу и т.д. На выписку необходимого из Франции, куда письмо в лучшем случае идет две недели, а когда приходится ждать парохода, приходит через месяц, тратится масса времени.

После целого ряда проволочек и неудач обезьянник, наконец, был закончен, где, кроме обычных клеток, имеется несколько специально построенных для взрослых шимпанзе, достаточно просторных и способных выдержать серьезные атаки обезьян.

С организацией охоты дело обстоит несколько сложнее. Нужно было ехать в глубь страны, в места, удаленные от железной дороги и шоссе, где нет иного способа передвижения, как только пешком или в гамаке, который несут туземцы на бамбуковых палках, положенных на голову. Дороги нет, а имеются только тропинки, очень узкие и нередко едва проходимые.

При содействии прикомандированного губернатором чиновника [были] организованы отряды охотников-туземцев, проведено несколько охот на шимпанзе с сетями, сделанными специально по моему заказу в Париже, организован приемный пункт для пойманных обезьян [...], откуда они могли бы транспортироваться сначала автомобилем, а затем по железной дороге в Конакри.

Несмотря на массу затраченного времени, энергии, основная задача далеко еще не разрешена. Охотники, материально весьма заинтересованные добывать взрослых шимпанзе, за которых им назначено 1000 франков, тем не менее предпочитают добывать молодняк, оплачиваемый значительно дешевле. Добыть взрослую обезьяну, особенно самца, живьем и без ранений весьма непросто, и такая охота сопряжена с большим риском. Имеется уже несколько случаев тяжелых ранений и смерти среди охотников, пытавшихся овладеть крупными экземплярами без помощи сетей, к которым туземцы фуаа еще не привыкли.

Доставка взрослых обезьян шимпанзе из глубины лесов на приемный пункт представляет также серьезные затруднения. Пойманная обезьяна привязывается в растянутом состоянии за все четыре конечности к длинным жердям, на которых животное путешествует в течение иногда нескольких суток. Нередко раньше, чем дойти до пункта, обезьяны погибают. Доставленные и помещенные в клетку более или менее

взрослые шимпанзе первые дни энергично стараются разломать клетку и уйти, что им и удается сделать при малейшем недосмотре. Такой случай уже имел место и кончился искалечением двух туземцев, пытавшихся овладеть обезьяной, взобравшейся на верхушку высокого дерева, и смертью обезьяны, в порыве дикой ярости прыгнувшей на землю с высоты и сломавшей себе спину. Пока до сих пор я не имел ни одной обезьяны шимпанзе в зрелом возрасте, пойманной в Танта-Дуалму.

Все, что поступило оттуда, представляло собой подростков или молодежь. Нужно время, чтобы туземцы привыкли к новым приемам охоты (с сетями). Пока реальным достижением является то, что практиковавшиеся здесь раньше варварские способы охоты на шимпанзе, так называемые «баттю», запрещены специально изданным законом, благодаря чему добываемые обезьяны, как правило, свободны от поранений и калечения, тогда как раньше большой процент доставленных обезьян погибал от перенесенных ожогов и побоев.

Около двух месяцев назад я достал, наконец, двух самок шимпанзе в возрасте за десять лет. Эти самки добыты в Катэ д'Жур и пойманы были одним французским охотником, по-видимому, богатым спортсменом, занятым охотой на крупную дичь и поимкой шимпанзе и других видов обезьян для научных учреждений. От этого охотника я должен получить еще трех-четыре взрослых самок шимпанзе.

Доставить взрослых самцов он не считает возможным. Взрослые самцы, по его словам, обладают такой колоссальной силой, яростью, проворством и смелостью, что охота для поимки их живыми является совершенно безнадежным предприятием. Поимку самок взрослых он считает делом тоже крайне трудным, неверным и требующим хорошо обученных охотников [и] соответственно богатого снаряжения и удачи.

Находящиеся в данное время у меня в обезьяннике взрослые самки обе обнаружили признаки менструации и, следовательно, холосты. Та и другая уже поступили под опыт искусственного осеменения.

Работать с ними в условиях здешней обстановки довольно трудно и далеко небезопасно. Туземцы сусу совершенно не умеют обращаться с шимпанзе, бояться их чрезвычайно и не без основания. Самки опытные очень сильны и при ловле их проявляют бешеную ярость и сопротивление. В самый критический момент черные в панике разбегаются, оставляя меня с сыном находить выход из положения. В результате мой сын серьезно пострадал. В данный момент он лежит в госпитале, где после наложения швов на рану ему сделана инъекция антититанической сыворотки ввиду серьезной опасности заразиться столбняком, весьма распространенным в данной местности.

Работа с шимпанзе связана и со значительным риском и для здоровья. Эти обезьяны в неволе легко заболевают инфекционными болезнями, зародыши которых они нередко носят в себе, живя в лесах.

Эти болезни не только уносят значительный процент пойманных обезьян (на станции в Кандии, как мне передавали, около 50%), но не-

редко передаются ухаживающему персоналу и лицам, имеющим соприкосновение с обезьянами. [...]

Опыты реципрокного скрещивания³ пока не могли быть начаты, так как найти за плату женщин-туземок до сих пор не оказалось возможным.

Здесь в силу специфических бытовых и социальных условий нет женщин, брошенных на произвол судьбы, пока женщина не вышла замуж, она находится на иждивении родителей или ближайших родственников. Если она овдовела, то переходит в качестве жены к ближайшему родственнику умершего. Религиозные и бытовые условия таковы, что женщина ни в коем случае не захочет добровольно подвергнуться опыту.

Ввиду этого, я сговаривался и получил согласие врача поставить опыты в госпитале, что было бы легко сделать, используя метод искусственного осеменения сперматозоидами в искусственной среде, когда нет необходимости иметь самца живым: достаточно обладать testes животного, убитого и затем быстро кастрированного после смерти.

Губернатор, без ведома которого опыты в госпитале не могли быть поставлены, заявил, что он принципиально не возражает при условии, если опыты будут ставиться с согласия больных.

Это условие сделало постановку данных опытов, в основе уже налаженных, чрезвычайно трудной. Вот почему я придаю большое значение присылке пигмеев из Габона, так как с ними указанных затруднений быть не должно.

Для того чтобы я имел возможность продолжить и расширить опыты, необходимо остаться хотя бы до первых чисел июля с тем, чтобы вернуться в СССР к первому августа с.г.

Несомненно было бы целесообразнее задержаться здесь до конца, дождавшись тех или иных результатов. Однако я не настаиваю на этом в данное время. Условия здешней жизни значительно расшатали мое здоровье, и я едва ли мог бы вынести более долгое пребывание в тропиках. Устройство на Кавказе обезьянника позволяет надеяться, что если удастся перевезти живыми опытных обезьян в этот обезьянник, не исключена возможность проследить там результаты искусственного осеменения и, может быть, продолжить опыты, встретившие здесь ряд серьезных препятствий.

Деньги на продолжение опытов пока имею и прошу только дать мне возможность закончить то немногое, что удалось и, может быть, удастся еще сделать, несмотря на исключительно неблагоприятно сложившиеся условия.

На основании вышеизложенного прошу Конференцию Академии наук не отказать срок моей командировки продолжить до 1 августа с.г.

И. Иванов

24 марта 1927 г

³ Реципрокное скрещивание – тип скрещивания одних и тех же исходных групп животных или растений, которые отличаются лишь по половой принадлежности родительских пар.

Отзыв академика П.П. Сушкина об этой докладной записке был категоричен: по многим причинам, в том числе этическим, нецелесообразно «поддерживать ходатайство о дальнейших ассигнованиях на продолжение опытов профессора Иванова в тропиках».

Между тем в кровное дело Ильи Ивановича пытаются внедриться энтузиасты со стороны:

31 мая 27 года

Беспокоя Вас, я хотел бы узнать относительно оплодотворения обезьян, пойманных профессором Ивановым.

По газетным данным, оплодотворение должно производиться искусственно, за неимением желающего мужчины для естественного.

Если Ваше будет согласие на естественное оплодотворение, у меня есть человек, всем здоровый – предлагает свои услуги.

Но прежде хочет узнать условия.

1) Будет сохранена за ним его служба

2) Какое вознаграждение

3) За чей счет поездка в Западную Африку

4) Каковой срок

5) Будет ли его имя не оглашено (нрзб), действительно производиться под псевдонимом.

Покорнейшая просьба ответить по адресу...

Между тем академик П.П. Сушкин от имени Комиссии по содействию работам Академии наук заключил: командировка И.И. Иванова могла бы быть продолжена до 1 августа с.г., «но для дальнейшего продолжения его опытов за границей с особым на то ассигнованием научных оснований не имеется».

Отрицательный отзыв академика Сушкина был отослан И.И. Иванову и вызвал его гневную отповедь. Он признал, что в тяжелейших обстоятельствах допустил некоторые ошибки, но считал неверным и немотивированным решение прекратить финансирование столь важного предприятия.

«— Сказано в заповеди тринадцатой: не входи без доклада к ближнему твоему, — прошамкал люстриновый и пролетел по воздуху, взмахивая лапами крылатки... — Я и не вхожу, не вхожу-с, а бумажку все-таки подброшу...»

[Михаил Булгаков. Дьяволиада]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ – РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ

Иванов рассказывает свою версию

Неясно, что конкретно побудило отделение физико-математических наук собраться 14 декабря 1927 года снова по вопросу о профессоре Иванове. Но заседание состоялось, состоялось и решение:

«XIX заседание.

§ 715. Академик-секретарь доложил о желательности иметь суждение о зоологических работах профессора И.И. Иванова в Африке.

Положено: просить И.И. Иванова представить письменный доклад и образовать для рассмотрения его Особую комиссию».

Как разъяснил в своем письме от 19 декабря 1927 года «глубокоуважаемому Илье Ивановичу» академик Ферсман, Особая комиссия будет состоять из специалистов.

13 марта 1928 года из Совнаркома поступил просимый академией «письменный доклад» на 43 страницах большого формата.

14 июля 1928 года Отдел научных учреждений при СНК СССР «просит ускорить присылку заключения» по пересланному отчету проф. И.И. Иванова о командировке в Западную Африку.

31 июля академия направляет «ускоренный ответ» Совнаркому:

«В ответ на Ваше отношение от 14 сего июля по поводу отчета проф. И.И. Иванова о его командировке в Западную Африку сообщаю, что вопрос этот со всеми предложениями проф. И.И. Иванова был на обсуждении физико-математического отделения Академии наук, которое постановило, согласно с заключениями докладчика по этому вопросу академика Н.В. Насонова, ввиду крайней сложности высказанных в отчете проф. И.И. Иванова предположений, созвать для их подробного рассмотрения Особую комиссию из специалистов под председательством неперменного секретаря академика С.Ф. Ольденбурга. В означенную комиссию по выбору физико-математического отделения вошли, кроме неперменного секретаря, академики: Н.В. Насонов, А.Н. Северцов, П.П. Сушкин и В.Л. Комаров и директор Зоологического музея АН А.А. Бялыницкий-Бируля.

Однако ввиду отъезда академика Н.В. Насонова в научную командировку в Японию, из которой он возвратится лишь осенью текуще-

го года, и затем болезни академика С.Ф. Ольденбурга, созыв выше-названной Комиссии задержался и собрать ее окажется возможным предположительно лишь в конце сентября, то есть когда ожидается возвращение в Ленинград акад. С.Ф. Ольденбурга, Н.В. Насонова и П.П. Сушкина.

О заключении комиссии по настоящему делу Академия наук не замедлит уведомить Отдел научных учреждений.

*За неперменного секретаря
академик Сушкин».*

Больше бумаг в этой папке не оказалось.

Приведем отчет профессора И.И. Иванова в сокращенном для журнальной публикации виде. В нем отражен его взгляд на события, рассказ о которых до этого представал преимущественно как бы «с другой стороны»...

*«В Совнарком СССР
председателю Комиссии по содействию работам
Академии наук СССР*

*Отчет
по командировке в Западную Африку
профессора И.И. Иванова.*

Основной задачей моей командировки являлось провести ряд опытов гибридизации путем искусственного осеменения между антропоморфными обезьянами (шимпанзе, орангутанг, горилла, гиббон), а также между последними и человеком.

Работа эта была задумана мною много лет назад. В 1910 году в своем докладе на Международном съезде зоологов в Граце я указал на возможность постановки такого рода экспериментов, пользуясь методом искусственного осеменения, позволяющим осуществлять эти опыты в условиях полного разобщения самца и самки.

Искусственное осеменение, как показали мои опыты, может быть с успехом проведено даже в том случае, когда получить от самца его семенную жидкость невозможно, или ввиду его крайней дикости и силы, или ввиду трудностей, связанных с поимкой его живым. В этом случае, самец может быть подстрелен и затем кастрирован. [...] Таким образом путем искусственного осеменения можно вызвать зачатие от отца, который к моменту осеменения не только уже умер, но и вообще больше не существует в природе. Так, например [...], когда самец, выполнявший эти семенные клетки, уже был съеден. [...]

[...] Можно ожидать, что, скрещивая двух антропоморфных обезьян двух различных видов, мы получим гибрида, происходящего своих родителей по силе, выносливости, устойчивости. Не исключена возмож-

ность, что и в смысле психики такого рода гибрид может оказаться более развитым, чем его родители. [...]

Опыт искусственного осеменения самок антропоморфных обезьян семенем человека и обратно — человека семенем обезьян в смысле вероятности положительных результатов значительно уступает вышеупомянутым опытам. Однако необходимость и своевременность постановки их от этого нисколько не уменьшается, эксперименты в этом направлении, независимо от характера их результатов, имеют исключительный интерес, как один из подходов к экспериментальному выяснению степени родства между человеком и его ближайшими родичами в животном мире.

Относительно возможности получения гибридной формы путем естественного скрещивания человека с антропоморфными обезьянами, с давних пор существует немало рассказов, основанных на непроверенных слухах о похищении женщин самцами антропоморфных обезьян и о прижитии с ними детей.

Случаи, правда редкие, изнасилования туземных женщин обезьянами, по-видимому, имеют место. В Африке мне приходилось слышать о необыкновенной половой агрессивности циноцевалов и о случаях изнасилования ими женщин. Достоверность изнасилования черных женщин гориллой была подтверждена мне генерал-губернатором Западной Африки г-ном Кардеа, много лет проведенным в Конго. Жертвы такого насилия, по словам г-на Кардеа, обычно погибают в объятиях обезьяны и при вскрытии у них неизменно оказывалась раздавленной грудная клетка. О случаях изнасилования черных женщин самцами шимпанзе я не слышал.

Что касается получения гибридов между человеком и антропоморфными обезьянами, то до сих пор, как известно, не было отмечено ни одного достоверного факта. Негры относятся к обезьянам, и особенно к шимпанзе, как к низшей человеческой расе. Женщины, изнасилованные обезьянами, считаются оскверненными. Такие женщины третируются как парии, социально погибшие и, как мне передавали, обычно бесследно исчезают. [...]

[...] Серьезным тормозом для постановки [...] экспериментальной работы являлись также предрассудки религиозного и морального характера. В дореволюционной России было совершенно невозможно не только что-либо сделать, но и писать в этом направлении. Такого рода опыты были недопустимы как грозящие подорвать основы религиозного учения о божественном происхождении человека. [...]

Я знал и знаю некоторых крупных биологов на Западе, которые с большим интересом относились к намеченной мною работе и в своих предположениях о возможном успехе шли дальше, чем я сам. Однако когда заходил вопрос об открытом выступлении для поддержки плана этой работы, ни один из них не решился выступить, опасаясь уронить себя в глазах общественного мнения и встретить категорическое осуждение в академических кругах. [...]

Только в самые последние годы наметилась возможность поставить наши опыты без особо значительных затрат и без опасений встретить запрет со стороны церкви. [...]

По нашим вычислениям нужно было около 15 000 долларов.

Первоначально я обратился в Наркомпрос с просьбой прийти на помощь, но получил отказ за недостатком средств.

В дальнейшем мое вторичное ходатайство, представленное председателю комиссии по содействию работам Академии наук Н.П. Горбунову, было передано на рассмотрение физико-математического отделения Академии наук. 26 сентября 1925 года я получил от неперменного секретаря Академии наук приглашение прибыть 30 сентября для доклада в физико-математическое отделение Академии наук о проектируемой мной экспедиции в Западную Африку. 30 сентября мой доклад был заслушан, и физ. мат. отделение Академии наук, согласно полученной мной выписке из протокола заседания, признало «намеченную проф. Ивановым работу заслуживающей большого внимания и полной поддержки» и «положило: поддержать необходимость работ проф. Иванова, признав за ними большое научное значение, о чем довести до сведения управляющего делами Совнаркома СССР, прося об оказании поддержки этому начинанию как путем отпуска соответствующих ассигнований, так и облегчением проф. Иванову всех сопряженных с экспедицией формальностей».

[...] Ввиду ряда обстоятельств, от меня не зависящих и связанных с прохождением и отпуском кредитов, выехать за границу я мог только 4 февраля 1926 года.

Из Парижа в Конакри я выехал вместе со своим сыном [...].

Прежде всего предстояло подготовить помещения для обезьян и организовать охоту для добывания взрослых шимпанзе.

Ко второй половине января (1927 года. — Г.Ф.) обезьянник наконец был закончен [...].

30/XII 1926 года мы (я, мой сын и три черных) выехали по железной дороге [...] от Конакри в глубь страны. Оттуда дальше на автомобиле в негритянский поселок Бомболи. [...]

В Бомболи, при содействии прикомандированного к нам губернатором чиновника, был организован специальный отряд охотников-профессионалов, опытных в выслеживании и облаивании шимпанзе. Им поручалась ловля шимпанзе и их доставка на приемный пункт. Эти же охотники отвечали за то, чтобы старые приемы ловли шимпанзе (оглушение дубинками, одурманивание дымом и т.п.) не применялись. Охотники были заинтересованы материально, так как кроме месячной платы, назначенной им администрацией, за каждую взрослую пойманную шимпанзе я назначил премию в 1000 франков. [...] Уступая требованию не бить и не калечить шимпанзе, негры предпочитают ловить обезьян, набрасываясь на них скопом, с голыми руками, без сетей.

В результате при попытке овладеть взрослым самцом один охотник убит и два искалечены. После такой неудачи охотники перестали ловить взрослых шимпанзе, несмотря на назначенную мною премию в 1000 франков и довольствовались ловлей подростков. [...]

Закаленные в колонию гиббон, шимпанзе и пигмеи доставлены не были. От постановки опытов реципрокного скрещивания пришлось отказаться, ввиду ряда встретившихся затруднений, о которых я в свое время уже сообщал. Оставалась единственная надежда добыть, сверх уже имевшихся 2-х, половозрелых самок шимпанзе из [...], у охотника г. N.

В начале марта с.г. (1927 года. — Г.Ф.) я получил предложение из Института экспериментальной эндокринологии Наркомздрава доставить 10—15 шимпанзе для Сухумского питомника. Как только были переведены деньги на закупку этих обезьян и получено разрешение на продление моей командировки, я выехал 4/VI с первым пароходом из Конакри на Слоновый Берег [...] где согласно письма [...] были заготовлены 7 взрослых обезьян (5 самок и 2 самца). Это путешествие в период дождей в местности неблагоприятной в смысле таких болезней, как желтая лихорадка, сонная болезнь и т.п., было одно из самых трудных и тяжелых. Пришлось ехать ночами среди тропического леса, ночью переправляться через реки с ценным грузом на примитивных паромах. Малейшее промедление в пути грозило нам опозданием на пароход, а пароходы в дождливый сезон ходят раз в три недели, и потому надо было путь в 800 км проделать без остановок для отдыха.

После того как в наш обезьянник было доставлено 5 новых самок шимпанзе, из которых одна была уже матерью и одна, еще не совсем достигшая половой зрелости, — опытный материал для нашей работы значительно увеличился. Вместе с двумя прежними, мы имели уже 6 самок, на которых можно было ставить опыты.

Самое правильное было бы остаться в Африке, по крайней мере на два года, для того, чтобы использовать до конца с таким трудом созданные возможности. Однако, судя по имевшейся у меня переписке, рассчитывать на дальнейшее продление командировки я не мог. Кроме того, состояние моего здоровья, особенно пошатнувшееся после путешествия на Слоновый Берег, не позволяло мне отстаивать эту необходимость.

Учитывая также указания, полученные мною от Н.П. Горбунова и акад. А.Е. Ферсмана, по возможности перенести всю работу в «соответствующую нашу обстановку», я решил выехать 1/VII с пароходом, отправляющимся на Марсель.

Как мною уже было указано, 28/II 1927 г. искусственному осеменению спермой человека были подвергнуты 2 половозрелых самки шимпанзе, раньше поступившие ко мне. Протокольные записи этих трех опытов искусственного осеменения самок шимпанзе привожу ниже. [...]

Впрыскивание делалось под видом лечения и проходило при очень неудобных условиях. Обезьяны ловились в клетке в сети, так как заказанная в Париже клетка для усыпления обезьян не была еще доставлена. Для поимки обезьяны внутри большой клетки с двумя половинами сеть подвешивалась в одной половине так, что когда в эту часть перегонялась обезьяна, она попадала как бы в мешок из сети, оба конца которого были наруже [так в оригинале. — Г.Ф.] и могли быть быстро закручены. Обезьяна, стянутая сеткой, вытягивалась наполовину из дверцы клетки. Впрыскивание в шейку матки при этих условиях было невозможно. [...]

25/VI утром, около 8 часов под видом лечения, обезьяна № 25 перенесена в клетку для усыпления. Усыпление ведется хлорэтилом. После того как кран баллона был открыт, обезьяна приблизительно через 2—3 минуты была уже неподвижна. Вытащена из клетки. Не дышит. Искусственное дыхание в течение 2-х минут. Дыхание восстановилось. Спит. Негры, считавшие обезьяну уже мертвой, поражены. Впрыскивание спермы через эластичный катетер [...]. Операция искусственного осеменения проводилась на земле, причем половина туловища обезьяны оставалась в клетке [...].

Таким образом, к отъезду я имел 3-х самок, уже подвергнутых искусственному осеменению и 3-х, предназначенных для опытов. Имелись еще 2 самки, близкие к половозрелости. [...] Кроме того, имелись 2 самца молодые, но половозрелые. Кроме этих обезьян у меня было еще 3 молодых шимпанзе.

Всех этих обезьян предполагалось доставить в Сухумский питомник с тем, чтобы там продолжить и расширить начатые опыты и поставить опыты реципрокного скрещивания.

Во избежание заноса в Сухумский питомник паразитов и в целях сохранения возможно большего числа обезьян при перевозке я считал необходимым после двухнедельного путешествия морем дать шимпанзе отдых во Франции и в Париже самым тщательным образом обследовать их кишечник и кровь на паразитов.

С этой целью я списался с проф. Кальметтом, который немедленно сделал распоряжение приготовить для наших обезьян несколько клеток в обезьяннике Пастеровского института. И, кроме того, помог удешевить провоз обезьян из Конакри до Марселя почти на 50%.

Транспорт обезьян до Марселя, благодаря исключительному уходу и удобным клеткам, прошел сравнительно очень благополучно. Из 13 шимпанзе в Марсель прибыло 11 шимпанзе. Обычно при доставке шимпанзе из Африки во Францию потери исчисляются не меньше 50%, нередко доходят до 80—90%, а иногда гибнет вся партия. Шимпанзе во время морского путешествия страдают от качки, но главная опасность лежит в назойливом желании пассажиров кормить обезьян. Негры очень часто являются носителями туберкулеза, пневмонии, дизентерии, и потому надо особенно тщательно ограждать обезьян

от непрошенных кормильцев. Только благодаря строго поставленному надзору, нам удалось уберечь наших обезьян от заражения дизентерией, несмотря на то, что среди черных солдат, ехавших с нами в числе 700 человек, были смертные случаи от этой болезни и нам угрожал в Марселе карантин.

В Марселе на пароходе я получил от имени Наркомздрава распоряжение — обезьян в Париж не возить, а оставить их в Марселе. Помещение для обезьян заготовлено не было. Пришлось его искать, как только мы сошли на сушу. После долгих хлопот обезьян удалось устроить сравнительно сносно в Городском Зоологическом Саду. Инструктировав надлежащим образом служителя, специально приставленного к нашим обезьянам, и поручив ветеринарно-санитарный надзор за ними ветврачу (он же медик) зоосада, а общий контроль по уходу агенту Со-вторгфлота, имевшему полномочия от представителя Наркомздрава в Париже, я выехал в Париж для выяснения дальнейшего плана действий и исполнения ряда формальностей, связанных с дальнейшей отправкой обезьян из Марселя в Сухуми.

В Париже я серьезно и опасно заболел на почве тяжелого переутомления сердца. Мой сотрудник страдал тяжелыми приступами малярии, полученной в Африке. Транспортировать обезьян в Сухуми взял на себя представитель Наркомздрава во Франции д-р Рубакин. Я должен был выехать [...] на курорт для лечения сердца, где оставался до начала сентября.

За время моей болезни и лечения из 11 шимпанзе в Марселе пало 7, а из 4-х погруженных д-ром Рубакиным на корабль — 2 погибли в море, а два были доставлены в Сухуми. Эти последние прожили здесь не больше 1—1 1/2 месяца и также погибли.

По заключению ветврача Зоосада в Марселе причиной смерти был туберкулез. Вскрытие двух трупов в Сухуми и подробное исследование внутренних органов установило сильно выраженное заражение [...]. На основании этих данных проф. Скрябин пришел к заключению, что именно в инвазии паразитарной надо искать причину гибели обезьян, а не в туберкулезе.

Остается только пожалеть, что обезьяны были задержаны в Марселе и мне не было дано возможности использовать для обследования обезьян знание и опыт первоклассных специалистов в Париже. Весьма возможно, что в Пастеровском институте удалось бы не только определить истинную причину заболеваний, но и остановить развитие болезни...».

Поразительно, что о гибели многолетних усилий Илья Иванович рассказывает «академическим» тоном... То, во что вложены огромные усилия, здоровье, — рушится. Профессор Иванов и в этот момент не желает сдаться, он предлагает вариант продолжения работы.

«Вскрытие двух опытных обезьян (одной в Марселе, а другой в Сухуми) показало, что зачатие у них не наступило. Третья из опытных обезьян, выброшенная доктором Рубакиным в море без вскрытия при переезде из Марселя в Сухуми, еще в Конакри обнаружила явные признаки менстрации [...]. Повторное искусственное осеменение ей не было сделано, так как обезьяна была не совсем здорова. Таким образом, и эта самка осталась, по-видимому, холостой.

Таким образом, поставленные нами опыты гибридизации между шимпанзе и человеком пока дали ответ отрицательный. Опыты эти, как слишком немногочисленные, разумеется, не могут претендовать на окончательное решение поставленного вопроса.

Необходимо не только увеличить число опытов искусственного осеменения самок шимпанзе спермой человека, но и поставить опыты реципрокного скрещивания. Последние организовать в Африке гораздо труднее и сложнее, чем в Европе или у нас. Женщин, желающих подвергнуться опыту, несравненно легче найти в Европе, чем в Африке. Для этого рода опытов достаточно иметь 2—3 взрослых самцов антропоморфных обезьян.

Для этого необходимо организовать обезьянник с взрослыми шимпанзе, орангутангами и гиббонами, например во Французской Гвинее или в Камеруне, где кроме шимпанзе водятся и гориллы. Организация такого обезьянника без затраты значительных средств немыслима. Ввиду этого, опыты гибридизации на антропоморфных обезьянах необходимо связать с задачей более крупного масштаба, которая могла бы заинтересовать широкий круг исследователей — всестороннего изучения антропоморфных обезьян с точки зрения биологии, психологии, гельминтологии, патологии, как видов, заведомо обреченных на угасание и вместе с тем исключительно интересных по своей близости к человеку [...].

[...] Подводя итоги нашей экспедиции, считаю необходимым отметить. Уже сам по себе факт отправки нашей экспедиции в Западную Африку от имени таких высокоавторитетных научных учреждений, как Академия наук СССР и парижский Пастеровский институт, является в истории науки крупным актом, раз навсегда устанавливающим права гражданства за выдвинутой нами на очередь научной проблемой и предложенным для ее разрешения методом, до того времени остававшимся в глазах огромного большинства, даже биологов, каким-то «табу». Появление в текущей прессе сообщений об отъезде нашей экспедиции в Западную Африку в Германии вызвало на страницах научной печати ряд заметок и отзывов, в общем, благоприятных [...]. В Америке, как я уже указывал, тоже известие вызвало со стороны прогрессивной печати сочувствие и желание пойти навстречу даже материальными средствами, а со стороны фашистов во главе с ку-клукс-кланом бурю негодования, угроз и брани. И то и другое служит только подтверждением того исключительного

интереса, и не только научного, но и общественного, с которым связана поставленная нами работа.

На пути к осуществлению намеченной работы мы встретились с рядом затруднений, предвидеть которые было вне нашей возможности, как, например, катастрофическое падение французского франка, вызвавшее приостановку всех строительных и подготовительных работ на Пастеровской станции в Киндии, снятие этой станции с бюджета Пастеровского института и т.п. Кроме того, на Пастеровской станции в Киндии не оказалось ни взрослых обезьян, нужных для опытов, ни помещений для жилья. Таким образом, та основная материальная база, на которой строилась программа опытов, рухнула.

Однако, несмотря на такое безвыходное положение, выход был найден. В окрестностях Конакри был устроен обезьянник, организована походная лаборатория, добыты необходимые для опытов шимпанзе, и опыты искусственного осеменения самок шимпанзе [...] спермой человека были поставлены.

Все это было сделано приблизительно в семимесячный срок и в обстановке довольно трудной.

Опыты эти являются первыми в истории науки. Ими впервые доказана возможность вопроса о степени близости человека к антропоморфным обезьянам перенести из области теоретических и косвенных доказательств на строго научную экспериментальную почву.

По ряду причин объективных и частью субъективных (состояние здоровья членов экспедиции), а также согласно полученным указаниям из Академии наук и от председателя Комиссии по содействию работам Академии наук СССР начатые опыты продолжать в Африке оказалось невозможным, и работа должна была быть перенесена в СССР. Так как обезьяны не выдержали дальнейшей перевозки и погибли, то работа наша оборвалась. Результаты, полученные нами при опытах искусственного осеменения самок шимпанзе спермой человека, считать за окончательный ответ на поставленный вопрос пока преждевременно. Число опытов для этого слишком недостаточно, и потому наши опыты должны рассматриваться как первый вклад в имеющий быть накопленным опытный материал по данному вопросу.

Опыт нашей экспедиции подтверждает раньше высказанное нами положение (см. наш доклад Академии наук от 30/IX 1925 г.), что постановка опытов гибридизации на антропоморфных обезьянах требует специальной обстановки и едва ли может быть осуществлена вне тропической зоны, родины антропоморфных обезьян, перевозка последних в страны более умеренного климата сопряжена с риском потери обезьян, а затем с угасанием их половой потенции.

Что касается искусственного осеменения человека спермой антропоморфных обезьян, то эти опыты, как это выяснено нами, в силу ряда местных условий имеют большие шансы быть проведенными в Европе,

и в частности — у нас в СССР, чем в Западной Африке». [...]

«План ближайших дальнейших действий для продолжения начатых экспериментов мыслю таким образом [...] эта работа может быть проведена только в тропической зоне и при условии создания соответствующей обстановки, что потребует затраты средств, для нас непосильных.

Вот почему считаю необходимым и своевременным выдвинуть на очередь в научной прессе у нас и за границей вопрос о необходимости создания Международной тропической сухопутной станции, где можно было бы широко поставить всестороннее изучение антропоморфных обезьян и связанных с ними биологических вопросов, в частности, исследования по гибридизации. Позволяю себе надеяться, что эта мысль найдет активную поддержку со стороны Академии наук...»

Заключительный этап жизни Ильи Ивановича оказался трагическим.

«...В декабре 1930 года по ложному обвинению Иванов был арестован.

После освобождения от ареста в июне 1931 года он поселился в Алма-Ате и занял должность профессора кафедры физиологии животных в Казахском ветеринарно-зоотехническом институте.

20 марта 1932 года на 63-м году жизни Илья Иванович Иванов скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг. Он был похоронен в Алма-Ате. Позднее урну с его прахом замуровали в Колумбарии Московского крематория»⁴.

Академик Иван Павлов, при содействии которого некролог на смерть Иванова был напечатан в журнале «Природа» № 5—6 за 1933 год, писал вдове ученого: «Нельзя не скорбеть о преждевременной смерти такого деятеля науки и практики, как Илья Иванович».

Думается, сама история биологических опытов профессора Иванова, рассказанный здесь фрагмент его жизни — удивительно богатый материал для сценария, в котором тема может быть повернута комической стороной: если в результате скрещивания человека и обезьяны появится на свет некое добродушное и симпатичное существо, попадающее в водоворот неожиданных перипетий и невероятных приключений.

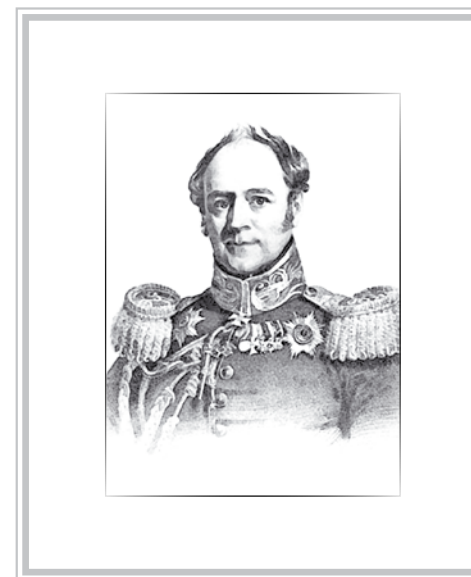
Хотя, если следовать сегодняшним реалиям, более актуален для нас поворот трагический: эксперимент «безумного профессора» приводит к тому, что соединение людской злобы и звериных инстинктов порождает страшных чудовищ, которые овладевают миром, — своего

⁴ Скаткин П.Н. И.И. Иванов — выдающийся биолог. М.: Наука, 1964.

рода парафраз «Роковых яиц» Михаила Булгакова. Кстати, в одном из вариантов повести финал выглядел крайне пессимистическим: пустая Москва, и на соборе Василия Блаженного – огромный змей...

Что же, как видим, реальность и фантастика не разделены непреодолимым барьером, жизнь непредсказуемо их сближает как в прошлом, так и в наши дни.

«Искусство кино», 1991, № 7, 8, 9, 10. Журнальный вариант.

MISERABLE

Пьеса для чтения. Вслух

Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844 гг.) – шеф жандармов.
Николай I поручил ему контроль за А.С. Пушкиным. После гибели поэта, ему и начальнику штаба корпуса жандармов Леонтию Васильевичу Дубельту был поручен «посмертный обыск» – разбор бумаг Пушкина.

Он враг отечества, он сеятель разврата!

А. Пушкин. К Жуковскому, 1816 год

Мизерабль (с фр.):

не только:

несчастный; жалкий, бедный, убогий;

но и:

презренный, негодяй, мерзавец.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Бенкендорф
Дубельт
Ракеев
Писец
Долгоруков
Полевой
Смирнов
Смирнова
Оленина
Жуковский
Юзефович
Карамзина С.
Горчаков
Трубецкой
Карамзина Е.
Фикельмон

Время действия – ночь с 14 на 15 марта 1837 года.

Место действия – замок в парке на окраине Петербурга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Огромная нежилая комната, обшитая по стенам красным и белым. Нет стола, но много кресел из разных гарнитуров. Есть и легкомысленные диванчики из женских спален. Все это поставлено в явном беспорядке. Несколько высоких глухих шкафов у стен. Несколько дверей.

Но нет окон за тяжелыми шторами.

Свет, который дают люстра и кенкеты по стенам, — неровный, с провалами темноты — тревожный.

Мелькание каких-то лиц в тени...

Бросается в глаза, что, за исключением Бенкендорфа и Дубельта, все присутствующие одеты по-разному: кто в бальных костюмах, кто в домашнем.

Бенкендорф (*стоя, не приглашая садиться*): Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам следующее.

Государю Императору благоугодно было приказать произвести срочные, секретные и беспристрастные розыски, дабы раскрыть существенные обстоятельства печального события, послужившего причиной нашей с вами встречи в столь неурочное время.

Результаты розысков должны быть препровождены Государю лично завтра, в три часа пополудни.

К сведению вашему должен сообщить, что военно-судное дело о дуэли поэта Пушкина с бароном Геккерном закончено и материалы оно переданы следственной комиссией Его Императорскому Величеству на утверждение.

Прежде чем принять решение, Его Императорское Величество повелеть соизволил, дабы я и генерал Дубельт собрали друзей Пушкина и побеседовали с ними.

Это ярко рисует отношение Императора Николая Первого, в лице Пушкина, к русской литературе и составит умильную страницу в биографии сего Великого Государя, который выступил во всей красоте своего благородства и величия в тяжкий смертный час кончины Пушкина.

Я буду далек от какого бы то ни было преувеличения, если позволю себе утверждать, что наибольшую медицинскую помощь оказал на первых же порах не Арендт и не другой кто из врачей, а именно сам Царь, сливший с ним свою душу в общем сознании братства перед смертью и в чувстве ответственности перед единым высшим нравственным законом.

Император Николай Павлович оценил по достоинству все то высокое и чистое, что лежало в основании поведения Пушкина, без малейшего колебания, по первому зову, предстал перед ним с тем нравственным лекарством, в котором сраженный поэт так сильно нуждался...

Обязанности мои не позволяют мне присутствовать здесь все время, вследствие чего беседы с вами проведет Дубельт Леонтий Васильевич, заслуги которого перед отечеством во время войны с Бонапартом широко известны.

Теперь прощайте, мне пора идти к Государю.

Прошу, генерал.

Бенкендорф уходит. Дубельт жестом приглашает всех садиться. Все
рассаживаются.

Дубельт начинает говорить сидя.

Дубельт: Господа! Срочность и безотлагательность дела позволили собрать именно вас и только на одну ночь.

Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить покойному, в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на возможные предметы.

Вас не будут спрашивать, довольны ли вы составом суда, ибо это не суд.

Вы не будете приносить судейской присяги, хотя и должны говорить только то, что истинно, не оскверняя ложью себя и своего покойного друга-поэта.

Вы не будете допрошены, а лишь будете соучастниками бесед, и потому то, что вы скажете, не записывается, и не является показаниями в полном значении этого слова.

Вменяю себе в обязанность еще раз предупредить вас о секретности наших бесед, так что все неприятности, коим вы можете подвергнуться, в случае нарушения сказанного условия, должны быть приписаны собственному вашему поведению.

Каждый из вас вправе не согласиться остаться здесь и покинуть этот дом.

Но память о человеке, имя которого собрало нас всех под одной крышей, как мне кажется, не разрешит вам уклониться.

В подтверждение слов графа ознакомлю вас с текстом записки Государя Василию Андреевичу Жуковскому, данной им на второй день после кончины Пушкина.

Его Императорское Величество повелеть соизволил:

1. Заплатить долги Пушкина, которые составили по данным опеки, около 140 тыс. рублей.

2. Заложенное имение отца очистить от долга.

3. Вдове выделить пенсию и дочерям по замужеству.

4. Сыновей отдать в пажи и по 1500 рублей на воспитание каждого по вступлении на службу.

5. Сочинения Пушкина издать на казенный счет в пользу вдовы и детей.

6. Единовременно на похороны и прочее 10 тысяч рублей.

Теперь я хотел бы ознакомить присутствующих с порядком ведения наших бесед.

Я попрошу вас, господа, разойтись по предназначенным для вас комнатам.

Ротмистр Ракеев ответит каждого из вас.

По мере окончания бесед со мной и графом вас доставят домой.

Мы помещаем вас в разные комнаты для того только, чтоб свидетельства каждого были свободны от влияния другого. В чистом виде, если так можно выразиться...

Ротмистр Ракеев!

Появляется ротмистр.

Отведите господ в предназначенные им покои.

Дубельт задерживает Долгорукова.

Долгоруков. Наскучив жить двенадцать лет в столице, где по тщетным стараниям и усилиям получить должность, соответственную летам моим, я вынужден был столицу покинуть и принять оную в Кишиневе.

Жаль Пушкина. Стигнул почти молодым человеком. А ведь он был с дарованиями. Но рассудок так и не имел приличного ему места в сей пылкой головушке, а нравственности и требовать было нечего!

Может ли человек, отвергающий правила веры и общественного порядка, быть истинно добродетелен?..

Дубельт. Не думаю.

Долгоруков. И я тоже. В глуши надобно уметь пользоваться тем, что есть. Ведь он был прислан туда, просто сказать, жить под присмотром?

Дубельт. Конечно.

Долгоруков. Он перестал писать стихи. Хорошо! Но этого мало. Ему надобно было переделать себя в отношении к осторожности, внушаемой настоящим положением, а это усилие, встречая беспрепятственный отпор со стороны его свойства — живого и пылкого, едва ли когда ему удалось. Разве токмо по прошествии молодости.

Дубельт. Вы абсолютно правы, Павел Иванович. И в дальнейшие его годы, как показало время, не удалось совершенно.

Долгоруков. Я, правда, не всегда мог присутствовать там, где бывал Пушкин.

Желудок часто велел сидеть дома, и я ему повиновался.

Дубельт. Здоровье всему голова.

Долгоруков. Вместо того, чтобы придти в себя и восчувствовать, сколь мало правила, им принятые, терпимы быть могут в обществе, он всегда готов был у наместника ли, на улице ли, на площади, всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России...

Дубельт. У нас есть данные, подтверждающие справедливость ваших слов.

Но, продолжайте, пожалуйста.

Долгоруков. Любимый разговор его был основан почти всегда на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивалась в ироническую улыбку. Пушкин часто разгорался, бесился и выходил из терпения. От него летели тогда ругательства на все сословия. Штатские чиновники – подлецы и воры! Генералы – скоты большею частью! Один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал. Их надобно всех повесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли!

Нравственность его была в самом жалком положении. Не было в нем ни к кому ни уважения, ни почтения...

Дубельт. Как глубоко вы его проникли, уважаемый Павел Иванович. А скажите, не замечали ли вы принадлежности его к демагогам? К тайному обществу или что-то вроде...

Долгоруков. Я полагаю, что свобода мыслить не может и не должна быть запрещена законом! Вредны общества, секты, направляемые свободой мыслей, и мудрое правительство обязано искоренять таковые. Не прикасаясь, однако, к частным лицам, коих мнения не сходятся с внушительными понятиями...

Дубельт. Вы глубокий и оригинальный мыслитель, Павел Иванович. Я рад, что обстоятельства свели нас, и я имею огромное удовольствие от беседы с вами. Мне бы хотелось обязательно ее продолжить. Но те же обстоятельства торопят нас, и не в нашей с вами власти изменить их. Так я повторяю. Не принадлежал ли Пушкин в Кишиневе к какой-либо партии? Как по-вашему?..

Долгоруков. Меня всегда упрекали в излишней заботливости насчет здоровья. Но я думаю, что сама природа устроила таким образом нашу волю и желания к сохранению себя. Поэтому, когда желудок велел сидеть дома, я ему повиновался. И часто в обществе бывать не мог себе позволить. Было очень кстати именно там беречь свое здоровье, ибо...

Дубельт. Огромная вам благодарность и извинения за причиненное беспокойство. Не нуждаетесь ли в деньгах, Павел Иванович? Рубликов триста, а? Тридцать червончиков, не угодно ли?

Долгоруков. Премного благодарен, но...

Дубельт. Ну, раз нет, так и нет.

Ракеев! Карету господину Долгорукову!

Ракеев. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Долгоруков и Ракеев уходят.

Дубельт звонит при помощи ленты с узлом.

Входит чиновник-писец.

Дубельт. Как слышно? Все успел записать?

Писец молча кивает.

Дубельт. Вот и отлично. Пошел.

Писец исчезает.

Ракеев вводит Полевого.

Дубельт. Нашлись люди, которые усиливались представить меня каким-то ненавистником нашего великого поэта. И чуть не клеветником нравственной его жизни... Никто более меня не уважает памяти Пушкина, никто не ценит более высоко чудесного его дарования.

Хотелось бы знать ваше мнение относительно встречи Пушкина с Императором?

Полевой. Несомненно, что разговор с Императором Николаем Павловичем оставил сильное впечатление в Пушкине и если не совершенно изменил прежний образ его мыслей, то заставил его принять новое направление, которому остался он верен до конца жизни.

На смертном одре, в часы последних страданий перед кончиной, он просил уверить Императора, что «весь был бы его», если бы остался жив.

Он, конечно, в эту торжественную минуту лишь высказал то, что было в душе его. Как человек высокого ума, до зрелых лет мужества оставшийся либералом и по образу мыслей, и в поэтических излияниях своей души.

Дубельт. По-вашему, он перестал быть либералистом?

Полевой. Он не мог вдруг отказаться от своих убеждений. Но, раздавши слово следовать указанному ему новому направлению, он хотел исполнить это и благоговейно отзывался о наставлениях, данных ему Императором.

Перенесенный в Москву, он был уже не тот Пушкин, что в Михайловском...

Дубельт. Считается, что каждый великий поэт еще при жизни знает о себе много, и понимает место свое писательское среди других.

И не только современников. Какого мнения был Пушкин о своем писательстве?

Полевой. Нельзя было оскорбить Пушкина более, как рекомендую его «знаменитым поэтом».

Я готов согласиться, что Пушкин, человек высокого ума, никогда не был глубоко убежден в том, что проповедовал так громко о русском аристократстве и знатности своего рода. Но он играл эту роль постоянно, по крайней мере, с тех пор, как я стал знать его лично. Он соображал свое обхождение не с личностью человека, а с положением его в свете и поэтому-то признавал своим собратом самого ничтожного барича и оскорблялся, когда в обществе встречали его как писателя, а не как аристократа.

Дубельт. Весьма любопытные и глубокие мысли ваши находят отклик и у меня в душе. Мне тоже кажется, что внешний успех наш поэт предпочитал общению с серьезными людьми. Ветреник. Таким и остался до кончины?..

Полевой. Уже в 1828 году Пушкин был далеко не юноша, тем более что после бурных годов первой молодости и тяжелых болезней он казался по наружности истощенным, увядшим; резкие морщины виднелись на его лице; но он все же хотел казаться юношею.

Дубельт. Женщины?..

Полевой. И женщины, вероятно. Но меня в нем поразило другое.

Известно, что он вел довольно сильную игру и чаще всего продувался в пух! Жалко было смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью!..

Ракеев (*появляясь*). Карета подана, ваше превосходительство!

Дубельт. Премного благодарен вам. Думаю, что наша встреча не последняя. Ротмистр вас проводит.

Входят Смирновы.

Дубельт. Прошу вас, господа. Мы вас не задержим долго. Это не в наших и ваших интересах. Было бы любопытно услышать от вас мнение ваше касательно того, как Пушкин отнесся к милостям Его Императорского Величества?

Ведь вы оба были довольно близки ему и семье его?..

Смирнов Николай Михайлович. По приезде в Москву Пушкин был введен прямо в кабинет Государя; дверь замкнулась, и, когда снова отворилась, Пушкин вышел со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. Государь его принял, как отец сына. Все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое, и быть единственным цензором всех его сочинений.

Вниманием не одаривают тех, которых отвозят на плаху правосудия!

Дубельт. Совершенно справедливо. Продолжайте, пожалуйста, Николай Михайлович!..

Смирнов. Пожалуй, с конца 1825-го до 1831 года была самая счастливая эпоха в жизни Пушкина. Он жил в Петербурге, ласкаемый царем; три четверти общества носили его на руках. Говорю «три четверти», ибо одна часть высшего круга никогда не простила Пушкину его вольных стихов, его сатир. И, невзирая на милости царя, на уверения его друзей, не переставала Пушкина считать человеком злым, опасным и вольнодумцем.

Дубельт. Но Пушкин был утешен в несправедливой ненависти немногих фанатической дружбою друзей своих.

И любовью России!

Смирнов. Да, это так и было!

Вы понимаете тех, кто любил его всегда, несмотря ни на что?

Дубельт. Скажу вам больше. После неумеренных похвал и лестных приемов значительное число людей в свете охладели к Пушкину.

Начали даже клеветать на него. Возводить на него обвинения в ласкательстве и наущничестве, даже и шпионстве перед Государем!..

Смирнова. Какая низость!

Дубельт. Извините, что прервал вас...

Смирнов. В 1831 году он женился на Гончаровой, хотя думали все, что он влюблен в Ушакову.

Смирнова. Женильба была его несчастьем! Все близкие друзья сожалели, что он женился.

Смирнов. Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий. Тем более что, не имея еще собственного имениа, живя произведениями своего пера и жениась на девушке, не принесшей ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы...

Смирнова. Так и случилось.

Смирнов. С первого года Пушкин узнал нужду, и, хотя никто не слышал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто лицо его. Домашние нужды имели большое влияние на нрав его.

Приходя к нам, он печально ходил по комнате, надув губы и опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторял: «Грустно! Тоска!».

Дубельт. Простите, я опять вынужден прервать вас. Говоря о нраве Пушкина последних лет, не имеете ли вы в виду его наскоки на людей почтенных?

Все эти вызовы на дуэли?..

Смирнов. Я уверен, что беспокойствия о будущей судьбе семейства, долги и вечные заботы о существовании были главною причиною той раздражительности, которую он показал в происшествиях, бывших причиною его смерти.

Дубельт. Правильно ли я вас истолкую, если буду считать, что вызов Дантеса на дуэль Пушкиным, первым не был никак не спровоцирован?

Или, может, дело не в Дантесе и Пушкине, а в жене Пушкина?

Смирнов. Дантес! Дантес, а не Пушкин и жена его всему причиной!..

Бедная Наталия Николаевна, возможно, из неосторожного кокетства, принимала волокитство Дантеса с удовольствием! Муж это заметил, были домашние объяснения. Но дамы легко забывают на балах обещания, данные супругам, и Наталия Николаевна снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы...

Да будет трижды проклято его имя!

Дубельт. Спасибо, Николай Михайлович! Благодарствуйте...

Возможно, жена ваша, подруга Наталии Николаевны, что-нибудь имеет добавить?..

Смирнова. Напротив, жена его ревновала ко мне.

Сколько раз я ей говорила: «Что ты ревнуешь ко мне? Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев. Разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня».

«Я это очень хорошо вижу, — отвечает она, — да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает».

Дубельт (*кивает*). Да, да...

Смирнова. В Царском Селе Пушкин каждое утро ходил купаться. После чая ложился у себя в комнате и начинал потеть.

По утрам я заходила к нему. Жена его так уж и знала, что я не к ней иду.

— Ведь ты не ко мне, а к мужу пришла, ну и поди к нему.

— Конечно, не к тебе, а к мужу. Пошли узнать: можно ли войти?

— Можно!..

Дубельт. Ничего от женского глаза скрыться не может. Необыкновенная наблюдательность... И память какая!..

Дергает звонок.

В дверях возникает Ракеев.

Дубельт. Ротмистр! Будьте так любезны, проводите наших гостей до кареты.

Счастливого вам пути!

Гости и Ракеев уходят.

Ракеев вводит Оленину.

Дубельт усаживает ее.

Дубельт. Прощу вас!..

Оленина Анна Алексеевна. Однажды на балу у графини

Тизенгаузен-Хитровой я увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин. Он только что вернулся из шестилетней ссылки.

Все — мужчины и женщины — старались оказывать ему внимание, которое питают к гению. Одни делали это ради моды, другие — чтобы иметь прелестные стихи и приобрести благодаря этому репутацию. Иные, наконец, вследствие истинного почтения к гению.

Но большинство — потому, что он был в милости у Государя Николая Павловича...

Дубельт. Милость Императора к своему поэту общеизвестна и поучительна. Но не могли бы вы, Анна Алексеевна, рассказать о личном вашем впечатлении от Пушкина?

Оленина. Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его.

Арапской профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отмечал своей любовью.

Странность нрава природного и неограниченное самолюбие — вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия.

Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно все знать.

Что он распутный человек, но впрочем, вся молодежь почти так-ва...

Входит Ракеев.

Ракеев. Тайный советник Жуковский прибыли и просят их принять.

Дубельт. Пригласи. Он не помешает нам. Вы ведь с ним знакомы?

Входит Жуковский.

Оленина. Да, да, конечно.

Я, впрочем, кончаю уже. Все, что я могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он был умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен...

Дубельт. Очень вам признателен. Извините за беспокойство. Рад был познакомиться.

Дергает шнур звонка.

Появляется Ракеев.

Дубельт. Ротмистр, проводите даму. Она, кажется, в своей карете?

Ракеев и Оленина уходят.

Дубельт (Жуковскому). Это о ней ваш протеже Пушкин сказал: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам».

Не сладил, видно...

Жуковский. Возможно. Но я тороплюсь, генерал...

Дубельт. Граф будет с минуты на минуту. Он сам хотел говорить с вами.

Входит Бенкендорф.

Дубельт и Жуковский встают.

Бенкендорф. Извините, господа! Служба!

Все садятся.

Бенкендорф. Прошу вас. Я слушаю.

Жуковский. Генерал Дубельт донес, и я, со своей стороны, почитаю обязанностью также донести вашему сиятельству, что мы кончили дело, на нас возложенное, и что бумаги Пушкина все разобраны.

Письма партикулярные прочтены одним генералом Дубельтом и отданы мне для рассылки по принадлежности...

Всем нашим действиям был веден протокол, извлечение из коего, содержащее в себе полный реестр бумагам Пушкина, генерал Дубельт представил вашему сиятельству.

Бенкендорф. Генерал уже докладывал мне об этом.

Жуковский. Манускрипты Пушкина прошу позволения у себя оставить, с обязательством не выпускать их из своих рук, и не позволять списывать ничего, кроме, единственно того, что будет выбрано мною самим для помещения в «Современнике». И в полном издании сочинений Пушкина, с одобрения цензуры.

Сии манускрипты, занумерованные, записанные в протокол и в особый реестр, всегда будут у меня налицо, и я всякую минуту буду готов представить их на рассмотрение правительства.

Пауза.

Бенкендорф и Дубельт переглядываются. Молчат.

Молчит некоторое время и Жуковский.

Затем продолжает.

Хотя я теперь, после внимательного разбора, вполне убежден, что между рукописями ничего предосудительного памяти Пушкина и вредного обществу не находится, но, для собственной безопасности, наперед протестую перед вашим сиятельством против всего, что может со временем, как то бывало часто и прежде, распушено быть в манускриптах под именем Пушкина.

Все, противное этому, один раз и навсегда отвергаю.

Бенкендорф и Дубельт снова некоторое время молча переглядываются.

Дубельт. Три пакета были вынесены вами, Василий Андреевич, из горницы Пушкина до его смерти?

Бенкендорф. Узнано это было от лица доверенного. Скажу более – лица высокого полета! Что вы имеете сказать по этому поводу?

Жуковский. Обвинение такое невероятно, ваша светлость! При малейшем рассмотрении обстоятельств...

Пушкин был привезен в шесть часов после обеда домой 27-го числа января. 28-го в десять часов утра Государь Император благоволил поручить мне запечатать кабинет Пушкина, предоставив мне самому сжечь все, что найду предосудительного в бумагах.

Или мне самому надлежало сделаться похитителем, вопреки повелению Государя и моей совести?..

Но это было бы не нужно, ибо все вверено было мне. И я имел позволение сжечь все то, что нашел бы предосудительным.

На что же похищать то, что уже мне отдано?

Во-вторых. Невозможно, если бы я был на это способен, ибо, чтобы взять бумаги, надобно знать, где лежат они.

Это мог сказать один только Пушкин, а Пушкин умирал.

Я бы первый исполнил его желание, если бы он сам поручил мне отыскать какую бы то ни было бумагу, ее уничтожить или кому-нибудь доставить.

Бенкендорф. Вопреки повелению Императора?

Жуковский. Разумеется, прежде, нежели я получил повеление, данное Государем, опечатать бумаги.

Кто же подобных поручений умирающего не исполнит свято, как завещание?

Это даже и случилось. Он велел доктору Спасскому вынуть какую-то, его рукою написанную, бумагу из ближнего ящика, и ее сожгли перед его глазами...

А Данзасу велел найти какой-то ящичек и взять из него находившуюся в нем цепочку...

Бенкендорф. Бог с ней, с цепочкой.

Доктор Спасский сжег бумагу еще вечером 27-го? Или – позже?

Он читал ее до того, как сжег, кому-нибудь?

Жуковский. Нет. Никому. Это было 27-го вечером. Мне кажется, что и сам доктор не читал ее, а просто взял верхнюю...

Дубельт. Это мы проверим.

Жуковский. Более никаких распоряжений Пушкин не делал. (С горечью.) Да и не мог делать!.. Какие бумаги где лежали, узнать тогда было и не можно, и некогда...

Вы упомянули, ваше сиятельство, что относительно якобы похищенных бумаг узнано было от лица доверенного. Лица, как вы изволили выразиться, высокого полета?

Я тотчас догадался, в чем дело.

Это доверенное лицо могло подсмотреть за мною только в гостиной, а не в передней, в которую вела запечатанная дверь из кабинета Пушкина, где стоял гроб его... И где бы мне трудно было действовать без свидетелей...

В гостиной же, точно, в шляпе моей можно было подметить не три пакета, а пять. Жаль только, что неизвестное мне «доверенное лицо» не подумало если не объясниться со мною лично...

Дубельт. Помилуйте, Василий Андреевич! Как можно?

Жуковский. Конечно. Не в его роли.

...То хотя для себя узнать какие-нибудь подробности.

Зато поспешило так жадно убедиться в похищении и обрадовалось случаю выставить перед правительством свою зоркую наблюдательность насчет моей чести и своей совести.

Эти пять пакетов были просто оригинальные письма Пушкина, написанные им к жене его, которые она сама вызвалась дать мне прочитать.

Я их привел в порядок, сшил в тетради и возвратил ей.

Пакетов же, к счастью, не разорвал, и они могут теперь служить убедительными свидетельствами всего сказанного мною.

Само по себе разумеется, что они не могли принадлежать к тем бумагам, кои мне приказано было рассмотреть.

Бенкендорф. Почему же?

Жуковский. Хотя бы потому, что все они были читаны вами!

Бенкендорф. От чего вы это заключили?

Жуковский. Между ними нашлось и то письмо, из которого, за год перед тем, некоторые места были представлены Государю Императору.

И навлекли гнев Его Величества на Пушкина.

А все потому, что в отдельности своей, «некоторые места» выбранные недоброй рукой, представляли совсем не тот смысл, какой имели в самом письме, в совокупности с целым.

Этот случай мне особенно памятен потому, что мне была показана вашим сиятельством эта выписка...

Помните?

Я тогда объяснил ее наугад, а теперь, по прочтении самого письма, вижу, что догадка моя меня не обманула.

Пауза. Жуковский встает.

Жуковский. Не имею нужды уверять ваше сиятельство в том уважении, которое, несмотря на многое, мне лично горестное, я имею к вашему благородному характеру.

Новым доказательством моего к вам чувства пускай послужит та искренность, с которою говорю с вами.

Такому человеку, как вы, она ни оскорбительна, ни даже неприятной быть не может.

Я должен откланяться, господа.

Но я вернусь еще этой ночью. У меня есть еще, что сказать вам.

Примите уверения в моем совершенном к вам почтении.

Уходит.

Дубельт (вслед). Ракеев! Карету господина тайного советника! Бенкендорф. Генерал, вызовите доктора Спасского. Допросите по форме, с протоколом! Сегодня же утром.

Дубельт. Слушаюсь, ваше сиятельство!

Разрешите повеселить?

Бенкендорф. Только в рамках.

Дубельт. Как можно, ваше сиятельство.

Звонит. Появляется Ракеев.

Дубельт. Ротмистр! Писца сюда и папку с копиями писем!

Ракеев вводит писца с папкой.

Дубельт. Представляю вам, ваше сиятельство, девятое чудо света.

Бенкендорф. Вы имеете в виду ротмистра?

Дубельт. Его тоже. Но чудо — писец. Известно, что глухие почти всегда немые, а немые — глухи.

Так вот этот молодец нем как рыба — в буквальном смысле. А слух у него!..

Все записал?

Писец кивает.

Ракеев. Так точно, ваше превосходительство! Сам проверял.

Дубельт. Папку мне. Свободны.

Писец и Ракеев исчезают. Дубельт читает.

Дубельт. До приезда нашего, нечистого на руку, поэта была тут Оленина, девятнадцать лет.

Пушкин и к ней сватался. Все не мог выбрать!

Есть отрывок из ее письма к подруге. Вот: «Что-то будет со мною эту зиму? Не знаю. Я дорого бы дала, чтобы знать, чем кончится моя девственная карьера...».

Бенкендорф. Генерал, довольно чудес и шуток. Я, надеюсь, в ваших глазах, не девственница?..

Дубельт. Что вы, ваше сиятельство.

Я просто открыл не ту страницу. Поторопился. Поэты народ нервный, и мы становимся...

Вот. Рекомендую. Чиновник областного правления, живший с Пушкиным в одно время в Кишиневе.

Из письма его другу в Москву.

«Я бы эдакого Пушкина держал в ежовых рукавицах. В ежовых, что называется... Сорви-голова, а что он значит, например?..»

Мальчишка, да и только.

Велика важность – стишки кропает, а туда же – слова не даст выговорить. Не понимает того, что тут и поопытнее его есть, да и не глупее. Молокосос.

А наряд на нем: фрак, а на стриженной голове молдавская шапочка. Так себе и погуливает.

Ни на что не похоже...»

Бенкендорф. Не густо, генерал. Про девственность у вас лучше получилось.

Дубельт. Курочка по зернышку, ваше сиятельство.

Есть и погуше. В другой папочке...

Бенкендорф. Потом! Сам просмотрю, по окончании бесед.

Помнится мне, что были донесения Воронцова? Из Одессы?

Дубельт. Так точно, ваше сиятельство, есть! Они уже доставлены вашему секретарю Миллеру.

Здесь же у меня есть приказ Нессельроде-Воронцову. Желаете послушать?

Бенкендорф. Пожалуй.

Дубельт. «Нессельроде-Воронцову. 11 июля 1824 года.

Я подавал на рассмотрение Императора письма, которые ваше сиятельство прислали мне, по поводу коллежского секретаря Пушкина.

Его Величество вполне согласился с вашим предложением об удалении его из Одессы, после рассмотрения тех основательных доводов, на которых вы основываете ваши предположения, и подкрепленные в это время другими сведениями, полученными Его Величеством об этом молодом человеке.

Все доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами, так глубоко выразившимися при первом вступлении его на общественное поприще...

Впрочем, Его Величество не соглашается оставить его совершенно без надзора на том основании, что, пользуясь своим независимым положением, он будет, без сомнения, все более и более распространять те вредные идеи, которых он держался. И вынудит начальство употребить против него самые строгие меры.

Чтобы отдалить, по возможности, такие последствия, Император думает, что в этом случае нельзя ограничиться только его отставкою. Но находит необходимым удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства».

Бенкендорф. Хорошо. Это тоже в папку, к Миллеру. Я во дворец. Продолжайте, генерал. (*Уходит*).

Дубельт (*один, вслед Бенкендорфу*). Брань на вороту не виснет, ваше сиятельство. А ежели сам не прокричишь о трудах своих да об усталости, так, пожалуй, иной и не догадается. Да и не поверит, пожалуй.

(*В воздух*). Не для протокола говорю, любезный! Записывать надлежит лишь беседы, а не монологи начальства! Ракеев!

Появляется Ракеев.

Дубельт. Давай следующего!

Ракеев вводит Юзефовича.

Дубельт. Вы изволили знать Александра Пушкина еще в Одессе?

Юзефович. В Одессе, в одно время с ним жил старший из Раевских – Александр. Он был тогда настоящим «демоном» Пушкина.

Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел!

Этот Раевский действительно имел в себе что-то такое, что придавливало душу других. Сила его обаяния заключалась в резком и язвительном отрицании.

Пушкин, в Одессе, хаживал к нему обыкновенно по вечерам, имея позволение тушить свечи, чтобы разговаривать с ним свободно впотьмах.

Пушкин мне сам рассказывал, что он подходил «из подлости» к ручке, к его девке.

Дубельт. А что-нибудь еще, особенное?

Например, его отношение к фамилиям, составившим славу Отечества?

Юзефович. Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимого в развитии всех народов.

Я же щеголял тогда демократизмом. Пушкин, наконец, с жаром воскликнул: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками? Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных».

Тут Раевский обдал его, как ушатом воды:

«Есть чем хвастать!»

Пушкин как в воду окунулся и больше ни гу-гу.

Против насмешки он оказывался всегда почти безоружным и безответным...

Дубельт. Ну а что-нибудь не столь высокое?

Женщины, например. Сказывают, он большой шалун был в молодости по этой части?

Юзефович. К нравственным требованиям он относился даже с пуританской строгостью.

Я спросил Пушкина про одну книгу. «Это, — отвечал он, — одно из замечательных произведений развращенной французской фантазии. В ней самое отвратительное сладострастие представлено до того увлекательно, что, читая ее, я чувствовал, что сам начинаю увлекаться...

И бросил книгу не дочитавши. Советую и вам ее не читать».

Я послушался совета и никогда не брал этой книги в руки.

Дубельт. Какая книга?

Дубельт звонит. Появляется Ракеев.

Юзефович. «Жюстина, или Злоключения добродетели».

Дубельт. Будьте любезны, ротмистр, принесите папку с материалами.

Ракеев. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Ракеев уходит. Возвращается с папкой.

Дубельт. Прочтите первый листок раздела два. Вслух.

Ракеев *(без всякого выражения)*.

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страшая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Дубельт. Спасибо. Свободны.

Ракеев уходит.

Дубельт. Что скажете на это, господин... Юзефович?

Юзефович. Стихи мне незнакомы.

Но, ежели в нем еще иногда прорывались наружу неумеренные страсти, то мировоззрение его изменилось уже вполне и бесповоротно. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий...

Дубельт. Вы полагаете?

Юзефович. Я совершенно в том уверен.

Дубельт. Вероятно, вы имеете в виду последний год жизни Пушкина?

Юзефович. Конечно, ваше превосходительство. Разве я этого не сказал?

Дубельт звонит. Появляется Ракеев.

Дубельт. Чрезвычайно вам признателен. Прощайте.

Уходит Юзефович.

Дубельт. Прибыли ли Карамзины?

Ракеев. Вдова князя велела сказать, что будет позже. Вероятно, вместе с Жуковским.

Они во дворце. Дочь — Софья Николаевна — здесь.

Дубельт. Пригласите ее, ротмистр. Со всеми знаками почтения, разумеется.

С женщинами как-то приятнее разговаривать о Пушкине. Они более понятливы, гораздо наблюдательнее мужчин, и память их не забита подробностями службы и мыслями о том, где взять денег. Не так ли?

Ракеев. Точно так, ваше превосходительство.

Дубельт. Зовите.

Ракеев выходит. Входит Софья Карамзина.

Дубельт идет ей навстречу.

Дубельт. Вы очаровательны!..

Благоволите принять, сударыня, выражение моей благодарности и совершенного уважения. В столь поздний час...

Софья Карамзина. Это наш долг перед поэтом, генерал. Княгиня также будет к вашим услугам...

Ближе людей у Пушкина не было. Поэтому мы хотели бы всем, чем можем, быть ему полезными, хотя бы и после смерти...

Дубельт. Непереносимая утрата...

Но, прошу вас, присаживайтесь. И хотя дело, сведшее нас, весьма срочное, я не хочу торопить вас. Соберитесь с мыслями и постарайтесь припомнить, сударыня, то, что вы можете, о последнем годе...

О Дантесе и жене Пушкина. И о нем самом, разумеется...

Воспоминания ваши для исполнения нами воли Его Императорского Величества, не могут быть переоценены.

Я, в свою очередь, не буду перебивать вас.

Хорошо?

Софья Карамзина. Я постараюсь, генерал, быть вам полезна. Мне только нужно немного остыть от бала и сосредоточиться.

Дубельт. Прощу вас.

Они садятся друг напротив друга.

Софья Карамзина. Веселый, забавный Дантес... Прекрасная Натали... Угрюмый, озлобленный неудачами Пушкин...

По-видимому, сердце всегда немножко привыкает к тем, кого видишь ежедневно.

Тяжко сознавать, что какой-то Булгарин, или кто-то из его компании, стремясь излить свой яд на Пушкина, не мог ничем более уязвить его, как говоря правду.

Летом прошлого года, когда вышел второй номер «Современника», все говорили, что князь мысли стал рабом толпы и выпускает тяжелые книжки сухого и скучного журнала...

Дубельт. Извините, княжна. Но вы одна из немногих женщин, которая может очень много сказать об истории дуэли.

Простите за невольный каламбур.

Дантес и Натали. Дантес и Пушкин. Пушкин и Натали. Вот рамки нашей беседы. Не до литературы...

Люди для нас главное. Император должен знать все, прежде чем примет свое решение. Милости его к Пушкину и его семейству многочисленны и постоянны. Но правда — о том, что произошло, должна уже сегодня быть известна Его Императорскому Величеству.

Он, доверительно скажу вам, не большой любитель философии. Он человек дела.

А вы известны в свете не только в качестве дочери знаменитого историографа. Самая остроумная и наблюдательная женщина наших дней — так о вас говорят.

Софья Карамзина. Жаль, что не самая прекрасная. Ведь я женщина, а не... литератор. Ну, довольно обо мне.

Я постараюсь, генерал, более не отвлекаться...

Дантес, злой гений этой истории. Он всегда забавлял меня свои-

ми шутками, своей веселостью и даже смешными припадками своих чувств.

Как всегда — к прекрасной Натали, а не к остроумной Софии...

Кстати сказать, все три сестры Гончаровы всегда были ослепительны, изящны, красивы. С невообразимыми талиями.

Но уже с лета прошлого года Пушкин все время грустен, задумчив и постоянно чем-то озабочен. Он своей тоской и на меня тоску наводил.

Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливался на его жене и на Дантесе. А тот продолжает свои вечные штучки — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды Натали. И, конечно, в конце концов, танцует с ней мазурку.

Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий...

Боже мой, как все это глупо!

С октября, когда возобновились наши вечера, они все снова заняли свои привычные места. Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова и Александрина...

И, конечно, Пушкин...

Дубельт. К слову, раз вы заговорили об осени. Не вспомните ли, какова была реакция Пушкина на статьи Чаадаева?

Он что-нибудь говорил вам об этом?

Софья Карамзина. Пушкин говорил о цензуре, когда вышел тот номер журнала «Телескоп». Он сравнивал ее с пугливой лошастью, которая ни за что, хоть убейте ее, не перепрыгнет через белый платок, подобный запрещенным словам вроде слов «свобода», «революция» и прочее, но которая бросится через ров, потому что он черный, и ломает себе шею...

Не правда ли, очень хорошо сказано?

Дубельт. Совершенно с вами согласен. Остроумно...

Но, вернемся к нашим...

Софья Карамзина. Баранам, хотите вы сказать?

Дубельт. Героям. Так будет милосерднее. Итак, Дантес?..

Софья Карамзина. Осенью Дантес, молодой, красивый, дерзкий, богатый Дантес, удивил всех без исключения.

Кто смотрит на посредственную живопись, если рядом — мадонна Рафаэля?

А вот нашелся охотник до этой живописи, возможно, потому, что ее дешевле можно было приобрести...

Дубельт. Ну и язычок у вас!

Софья Карамзина. Что вы, генерал. Это все так говорили.

В ноябре стало известно, что Дантес женится на Екатерине Гончаровой.

А Натали все звали — «мадонна». Даже ее муж.

Самое замечательное и непонятное для всех заключалось в том,

что Дантес, клянусь вам, я сама это неоднократно наблюдала, выглядел очень довольным. Он даже был одержим какой-то лихорадочной веселостью и легкомыслием...

Дубельт. А Пушкин?

Софья Карамзина. Насколько я могу вспомнить, Натали в тот момент стала нервна, замкнута, и, когда при ней говорили о замужестве сестры, чуть не плакала. А когда говорила об этом сама, то голос у нее дрожал и прерывался.

Публика удивляется.

Катрин ликует. От счастья не чувствует земли под ногами и, как она тогда говорила, не смеет еще поверить, что все это не сон.

Дубельт. Сон оказался явью. Вы оказались здесь. А Пушкин на том свете. Почему же?

Софья Карамзина. В те дни один только Пушкин своим взволнованным видом, своими загадочными восклицаниями, обращениями к каждому встречному, и своей манерой обрывать Дантеса и избегать его в обществе добился того, что возбудил еще больше подозрений и всевозможные догадки.

Я и теперь многое не могу понять во всем этом. Скажу только, что Пушкин в то время и в самых близких друзьях не нашел сочувствия своим поведением.

Князь Вяземский говорил тогда, что «он (Пушкин), выглядит обиженным за жену, так как Дантес больше за ней не ухаживает».

Дубельт. Князь, как всегда, проницателен и остроумен.

Софья Карамзина. Темой всех разговоров тогда была история о неистовствах Пушкина и о внезапной любви Дантеса к своей невесте.

То же самое продолжалось и зимой.

Мы все были ослеплены изяществом квартиры молодых.

Дантес говорил о Катрин и обращался к ней с чувством несомненного удовлетворения. Более того, явно ее любит и балует папаша Геккерн.

Пушкин, с другой стороны, продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом. Он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на тему о предстоящей свадьбе, что делает весьма охотно.

Всегда радуется любому, кто готов слушать его злости по этому поводу. Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения.

Дубельт. Может быть, в ревнивом муже возобладал поэт?

Софья Карамзина. Возможно. Но и ревнивый муж давал о себе знать. Он упорно заявлял, что никогда не позволит жене ни присутствовать на свадьбе, ни принимать у себя замужнюю сестру.

Я пыталась убедить Натали, чтобы она заставила его отказаться от этого нелепого решения, которое вновь приведет в движение все языки города...

Она, со своей стороны, вела себя не очень прямодушно: в присутствии Пушкина делала вид, что не кланяется с Дантесом и даже не смотрит на него.

А когда мужа нет, опять принималась за прежнее кокетство: потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре...

Да и Дантес подыгрывал ей в этом. Стоя против нее, устремлял к ней долгие взгляды и совсем забывал о своей невесте, которая менялась в лице и мучилась ревностью.

Словом, какая-то непрестанная комедия, смысл которой никому хорошенько не был понятен...

На пороге комнаты внезапно возникает Ракеев.

Дубельт (*с раздражением*). Что вам, ротмистр?!

Ракеев. Извините, ваше превосходительство, срочное, безотлагательное дело.

Дубельт. Простите, сударыня. У нас так не может, чтобы что-нибудь не случилось. Ротмистр проводит вас. Но наш разговор не окончен.

Ротмистр уводит С. Карамзину. Возвращается.

Дубельт. Ну, что там у вас?

Ракеев сквозь занавеску вталкивает Писца. Тот почему-то в длинном халате с голой грудью и мокрыми всклокоченными волосами. Мычит.

Ракеев. Упился как зюзя, ваше превосходительство. Потому я и осмелился прервать...

Дубельт. Правильно, что осмелился! Учудило, девятое чудо света. Когда успел?

Ракеев. Пока я гостей провожал. С собой было... Я послал за двумя писцами. Этого берусь привести в чувство за полчаса.

Дубельт. Каким образом?

Ракеев. К проруби свезут. Макнут! В две минуты очухается. Через полчаса — как стеклышко. Метода испробована. Осечек не дает.

Дубельт. Так, может, это он у вас в руках от страха голоса навсегда лишился? А я думал, чудо?

Ракеев. Никак нет, ваше превосходительство. В мои руки он немой попал.

Дубельт. Хорошо, ротмистр. Писцов доставить на всякий случай, но в секретную комнату пока не вводить.

Этого в прорубь. Только вытащить обратно живым и не бить его по ушам. Слышать он должен. И писать тоже.

Что граф?

Ракеев. Его сиятельство прислали сказать, что скоро будут. Разрешите исполнять?

Дубельт. Исполняйте. Да, кстати, кроме Софи Карамзиной кто еще есть?

Ракеев. Отставной майор Горчаков Владимир Петрович.

Дубельт. Хорошо. Софи оставить до появления ушей и рук. А Горчакова, этого не то мистика, не то юродивого, давайте сюда. Ему протокол не нужен.

Ракеев. Слушаюсь!

Уходит. Затем появляется с Горчаковым.

Дубельт. Рад познакомиться, Владимир Петрович. Воочию, так сказать, увидеть «душу души моей», как сказал о вас поэт в своих стихах.

Горчаков. Благодарю вас, генерал.

Дубельт. Вы человек почтенный и всеми уважаемый. Надеюсь, мы с вами найдем общий язык.

Горчаков. Не осмеливаюсь принять все это на свой счет безоговорочно, скажу только — я был любим некоторыми, и этого, по моему образу мыслей, достаточно.

Дубельт. Если я не ошибаюсь, вы были знакомы со многими великими, и с Пушкиным, еще с Кишинева?

Горчаков. В те славные времена так много было чего-то великого, что и в данном случае сомнение не должно иметь места.

Есть такие эпохи в жизни, когда верится невероятному.

Странное действие производит иногда воспоминание, оживляя во всем блеске и силе первоначальные впечатления прошедшего.

При известии, что его нет на свете, мне стало жаль Пушкина как родного...

Дубельт. Скажите, Владимир Петрович. Вам нравится все, что выходило из-под пера его? В том числе и вызывавшее гнев покойного Императора?

Горчаков. Сколько выходило и до сих пор выходит под его именем таких произведений, которые по содержанию и изложению недостойны поэта.

Конечно, не стану спорить, что в первоначальные дни поэтической его жизни Пушкин, под влиянием современных умозрений, под влиянием общества разгульной молодежи, писал много кой-чего такого, которое по звучности стиха и могло быть увлекательно, но по изложению, цели и последовательности не могло выдерживать достойной критики.

Словом, было ярко, но... неблагоприятно... для жизни слова...

Важна благотворность направления, а не та жгучесть, которая по часту только что разрушает.

При воспоминании о Пушкине невольно возникает вопрос — были ли он таким в действительности, каким казался некоторым, готовым на порицание?

О, конечно, нет!..

Дубельт. А каким же он был?

Ходили слухи, что, живя в Кишиневе, проказил невероятно. По всему видно, что он не дорожил кишиневским обществом, которое вынуждено было терпеть его «шалости».

Говорили, что Пушкин уже тогда преувеличивал свое значение в русской поэзии. И вымещал досаду за свое пребывание там на мирных людях.

Бесконечные истории с женщинами, дуэлями, картами?..

Горчаков. Конечно, не им началась речь русская, но Пушкина юная муза своим увлекательным словом дала ей права гражданства в быту общественном и простотою наряда заставила русских домашних маркизов смотреть равнодушнее на пудру и фижмы.

Поллюбить повязку Людмилы, подивиться отваге Руслана...

Игру Пушкин любил как удалство, заключая в ней что-то особенно привлекательное. И тем как бы оправдывая полноту свойств русского, для которого удалство вообще есть лучший элемент существования...

Танцы любил, как общественный проводник сердечных восторжений. Да и верно, с каждого вечера Пушкин собирал новые восторги и делался новым поклонником новых, хотя мнимых, богинь своего сердца.

— Что за прелесть! Жить без нее не могу! — а назавтра подобную прелесть заменяли другие.

Что делать — таков юноша, таков поэт: его душа по призванию ищет любви...

Дубельт. Вот я и говорю. Можно, конечно, нам с вами оправдывать его волокитство служением музам, но что было делать жертвам такого его «служения»?

Горчаков. Пушкин, хотя и был поклонником красоты, но никогда волокитою не был, потому именно, что он, постоянно уважая собственное достоинство, уважал и ценил достоинство и доброе имя женщины.

Это уважение вполне соответствовало возвышенным свойствам прекрасной души его, чуждой холодного разврата и обольщений — этих двух неотлучных спутников волокитства, как мы его понимаем.

Пушкин любил дамское общество. Вместе с тем, в том же обществе он был застенчив...

Дубельт. Простите (*звонит*).

Входит Ракеев.

Дубельт. Ротмистр. Будьте любезны, прочтите стишок про Аглаю.

Ракеев. Слушаюсь!

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги – понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон – умом ее страшая,
Дамис – за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Дубельт. Оставьте папку, пожалуйста.

Ракеев уходит.

Горчаков. Это стихотворение ходило по рукам в списках. Тогда как-то в особенности любили переписывать.

Каждый молодой человек имел две ли три тетради стихов. Дельных и не дельных, позволительных и непозволительных.

Нигде не напечатанные стихотворения как-то в особенности уважались некоторыми, несмотря на то, что хотя бы стихи, сами по себе, и не заслуживали внимания. Как по цели, так равно и по изложению.

В подобных альбомах или тетрадях не раз мне случалось встречать стихи Пушкина и нередко в безобразном искажении...

Дубельт. В искажении?..

Тогда позвольте спросить вас. А кто автор богохульной, кощунственной поэмы «Гавриилиада»? Не застенчивый ли Пушкин?

Горчаков. Это говорит юноша. Он заговаривается, и это неудивительно, сердце его еще дымит, рассудок в угаре...

Дубельт. Так вы подтверждаете, что это написал Пушкин? Вы вспомнили стихи?

Горчаков. Это не доказательство.

Вы пускаетесь в предсудительное предположение, а не располагаете фактами. Мы думаем, что никто, при здоровой памяти, не может помнить того, чего не было.

Дубельт. А не припомните ли вы этого:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал... и так далее.

Мерзость!

Горчаков. В таком гениальном человеке, каким был Пушкин,

понятны и некоторые уклонения от настоящей стези поэта.

Существуют в рукописи такого рода сочинения Пушкина, которые не могли и не должны быть напечатаны.

Не только по запрещению, но и по искреннему желанию самого автора, еще при жизни им самим не раз выраженному.

Как не любил Пушкин, чтоб ему напоминали об его же сочинениях подобного рода!

Дубельт. Писать такое не следовало, а не морщиться и сокрушаться при напоминании об написанном!

Не ребенок он уже тогда был. А пакостник и негодяй порядочный, если хотите знать! Гадивший в собственном гнезде!

А вы – гений!

Горчаков. Отозвавшись так несправедливо и непристойно о Пушкине, вы вдруг восклицаете, будто вы его любите... Воля ваша, сомневаемся в последнем... Этого мы решительно не понимаем...

Ведь нельзя же безнаказанно так говорить о людях потому только, что уже нет их на свете? Все ваши показания о Пушкине взяты из мира вымыслов. Мы говорим это потому, что все обстоятельства того времени знаем наверно.

Дубельт. Оставим стихи. Правда ли, что был такой случай?

Старик извозчик по прозвищу Береза пришел к нему утром с просьбою денег. Пушкин брился в то время. Увидя «дерзкого» извозчика у себя в комнате, он бросился на старика с бритвою в руках. Бедняга едва успел спастись...

Горчаков. Так называемая публика, всегда готовая к превратным толкам, распустила с чего-то подобные слухи. Все это, насколько нам известно, не имеет и тени достоверности.

Возводить подобную небывальщину на кого бы то ни было ведь очень нехорошо... И еще хуже, если клевета относится до умершего.

Пушкин в показаниях ваших является каким-то сорванцом-забиякою, не проявляя ничего прекрасного, то есть того именно, что составляло, по преимуществу, сущность нашего великого поэта.

Вы извините нас, нам что-то не верится, мы даже убеждены, что ваши показания не что иное, как непонятная мистификация...

Дубельт. Воля ваша, Владимир Петрович, считать Пушкина святым. Но не можете же вы не согласиться хоть с таким фактом.

Пушкин пил вино как воду, и вино не действовало на него. Уж это-то я знаю наверно. Знавшие его люди говорили...

Горчаков. Беда беду родит. А у вас, позвольте сказать, одна неправда родит другую, и так плодится, что никакая персидская ромашка не поможет.

Вы описали Пушкина каким-то сорванцом-шалопаем, которому все трын-трава и дудки. Но, по счастью, не таков был поэт наш.

Дубельт. Хорошо. Не будем об этом.

Вы сами все время повторяете – поэт, поэт... Как всякий поэт,

Пушкин жаждал успеха. И, когда просвещенная публика отвернулась от него, он так заметно злился и завидовал, что об этом говорили буквально все.

Как ни далек я от изящной словесности, но и до меня дошли слухи, что слава журнала Сеньковского возбудила в нем жгучую зависть и желание основать свой журнал.

Согласитесь, ведь «Современнику» Пушкина далеко до «Библиотеки для чтения»?

Горчаков. С чего вы, например, вздумали уверять нас, что Пушкин был завистлив, когда зависть постоянно чужда душе возвышенной. Это достояние по преимуществу душ мелких, пресмыкающихся в сферах низших, но не той высокой области, в которую само провидение поставило нашего поэта.

Как обыкновенно бывает во всем и всегда, где нет положительного права, кто переспорит другого или, как говорит пословица: кто раньше встал и палку взял, тот и капрал?

Из рассказа нашего ясно, кажется, видна вся несправедливость подобных толков.

Позвольте несколько отдохнуть нам от рассказов ваших о тех событиях, которые до мельчайшей подробности совершились не в Бессарабской области, а в области вашего воображения, и при этом позвольте нам сделать некоторые замечания.

Объяснения всему тому, что вы слышали от недоброжелателей поэта, на наш взгляд, простое желание возвысить на счет великого поэта некоторых современных знаменитостей. Или, при удобном случае, — напомнить о себе забывшей публике.

Авторы подобных статей о Пушкине ошибаются на каждом шагу в изложении, так сказать, материальных обстоятельств жизни поэта. Не усомнятся, однако же, описывать тайные побуждения и чувства Александра Сергеевича Пушкина, как будто люди ему близкие, коротко знавшие все его задушевные помышления.

Такая смелость может невольно ввести в заблуждение не только потомство, но и современников. В особенности же иностранцев, тщательно собирающих все подробности о жизни Пушкина.

Следует положить конец дальнейшим опытам — распространять превратные о нем понятия. При виде таких явлений что удивительно, если мы почитаем святым долгом вести постоянную борьбу против подобного направления, пока в нас достанет сил?

Нет славы в такой битве, но смеем думать, есть польза!

Дубельт. Bravo, майор! Но, хотите вы этого или не хотите, наш долг в ближайшие часы составить какое-то мнение о жизни и делах господина Пушкина...

Горчаков. Не нам с вами выносить приговор, генерал...

Дубельт. Да, его вынесет Государь Император!

Горчаков. Осмелюсь все же заметить, что его вынесет Время!

Дубельт. Напрасно вы так, майор. До встречи.
Горчаков. Бог милостив. Даст Бог, не встретимся боле...

Уходит.

Дубельт (*тихо*). Раке-ев...

Появляется ротмистр.

Дубельт. Как наш писец?

Ракеев. Как стеклышко. Готов служить.

Дубельт. Прекрасно. Беседу с Горчаковым не фиксировать в протоколе. То, что записано, уничтожить. Открыть специальное следствие по делу майора в отставке Горчакова Владимира Петровича. Наблюдать круглосуточно. Через неделю все материалы ко мне на стол.

Ракеев. Так точно! Будет исполнено!

Дубельт. Скажите графу, что я жду его в буфетной. Послужим животу нашему после неустанных трудов на благо Отечества.

Комната на сцене угасает.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В дверях «красной комнаты» появляются Бенкендорф и Дубельт с папкой. Проходят и садятся.

Дубельт (*продолжая*). ...Только враги Отечества могут утверждать, что Государь до просвещения не охотник. Будто бы только политика и военное дело внушают ему живой интерес...

Бенкендорф. Совершенно правильно, Леонтий Васильевич. Государь любит просвещение. Но только не любит, чтобы его употребляли как вредное орудие для развращения неопытных софизмами и остроумными блесками, скрывающими яд под позолотой.

Дубельт. Могу только позавидовать изяществу выражения вашего, Александр Христофорович.

Я продолжаю. Беседы, уже проведенные мною, только подтвердили наши с вами предположения. Есть, конечно, исключения, но не они определяют истинное лицо Пушкина.

Достоверно о нем известно следующее: «Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как

никогда еще не бывало юношеское сердце», — директор Лицея Энгельгардт».

Сам Пушкин о себе: «Без шума никто еще не выходил из толпы».

Граф Каподистрия, чуть позже: «Нет той крайности, в которую бы не впал этот несчастный молодой человек...».

Из письма Вяземского 1822 года: «Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником. Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты...».

Ходили упорные слухи, что он неоднократно бил родителя своего...

Любителем был, по его же словам, «поповесничать и в язычки постучать».

Сенат признал сочинения господина Пушкина «соблазнительными», служившими к распространению в неблагонамеренных людях того пагубного духа, который правительство обнаружило во всем его пространстве.

Из письма Жуковского, друга и благодетеля его:

«Я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности...».

В бумагах *каждого* из «действовавших» находятся стихи твои.

Это худой способ подружиться с правительством».

Еще в лицейско-гусарском кругу он начал петь вино, любовь и свободу и *допелся* до высылки из Петербурга.

«Опасный и вредный для общества вольнодумец, рассеивающий яд свободомыслия в оболстительной поэтической форме».

«Человек политически неблагонадежный и зловерный»...

Бенкендорф. Всегда была обильна доносами земля русская, а в наше время доносительство достигло степеней чрезвычайных.

Не правда ли, генерал?

Дубельт. Совершенная правда, ваше сиятельство.

Но все способы хороши для отрубления голов гидре революции и остаткам вольного духа!

Не правда ли, граф?

Бенкендорф. Не слишком ли сильные выражения в применении к герою занятий наших?

Дубельт. Нет, не слишком. Достойные веры особы удостоверяют, что «известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин... и ныне, при буйном и развратном поведении, открыто проповедует безбожие и неповиновение властям».

По получении горестнейшего для всей России известия о кончине Государя Императора Александра Павловича он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова:

«Наконец не стало тирана, да и оставшийся род его недолго в живых останется».

Учитывая вышеизложенное, смотреть на него во все периоды его жизни надобно не как на ветреного мальчика, а как на опасного вольнодумца. Почему люди, которые обязаны быть прозорливыми, всегда его опасались...

Бенкендорф. Полноте, Леонтий Васильевич. Не меня же вам убеждать в этом.

Дубельт. Извините, граф, увлекся. Хочу только спросить разрешения вашего на то, чтобы в материалы, поданные вам, была также вложена следующая «поэтическая вольность» двадцатилетнего шалуна:

Мы добрых граждан позабудем
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Бенкендорф. Все, что вы считаете нужным, должно сегодня же быть у меня на столе.

В дверях появляется Ракеев.

Ракеев. Ваше сиятельство, доставлен князь Трубецкой. Прямо с бала, как велел генерал Дубельт. Разрешите представить?

Бенкендорф. Погодите, ротмистр.

Ракеев. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Бенкендорф. Насколько мне известно, Леонтий Васильевич, князь Трубецкой не принадлежал к близким друзьям поэта при жизни его.

Стал им уже после смерти?

Дубельт. Никак нет, Александр Христофорович!

Бенкендорф. Более того, если мне не изменяет память, князь большой друг Дантеса и его однополчанин? Он ведь тоже кавалергард?

Дубельт. Точно так, Александр Христофорович!

Бенкендорф. Тогда почему же?..

Дубельт. Граф! Если мы хотим знать подлинные обстоятельства дела, а не иконописать Пушкина, не сочинять его «житие», на что и без нас с вами найдутся охотники, и довольно скоро, давайте послушаем и Трубецкого. Он, кстати сказать, к поэту Пушкину относится вполне лояльно.

Согласитесь, что не корыстью какой-то объясняется мое приглашение, а только заботой о пользе дела, порученного нам Государем Императором. Как мне кажется, наша задача — проникнуть в сердца и людские помыслы и тем содействовать искоренению зла.

Ваша чистая душа и светлый ум, граф, не допустят поклепа и несправедливости даже в отношении такой, с моей точки зрения, сомнительной для пользы Отечества фигуры, какой был сочинитель Пушкин.

В свое время вы сами, ваше сиятельство, обещали всех троих друзей — Дельвига, Пушкина и Вяземского — упрятать в Сибирь...

Бенкендорф. Убедили, Леонтий Васильевич.

Давайте сюда князя. Он хоть и молод, но далеко не глуп. Послушаем.

Дубельт. Ракеев! Зовите князя!

Идет к двери, чтобы встретить Трубецкого.

Рекомендую: князь Трубецкой Александр Васильевич. Штаб-ротмистр Кавалергардского полка, однополчанин печально знаменитого Дантеса-Геккера.

Князь любезно согласился помочь следствию своими соображениями относительно известного происшествия.

Бенкендорф. Весьма признателен.

Хотелось бы услышать ответы на следующие вопросы. Чем была вызвана ссора? Где бесчестие, смыаемое только кровью?

Трубецкой. Три года назад Его Величество Император Николай Павлович собрал однажды офицеров Кавалергардского полка и, подводя к нам за руку юношу, сказал: «Вот вам товарищ. Примите его в свою семью, любите его...»

Он был статен, красив; на вид ему было в то время лет двадцать, много двадцать два года. Как иностранец, он был пообразованнее нас, пажей, и, как француз, — остроумен, жив и весел. Он был отличный товарищ и образцовый офицер.

И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой, впрочем, мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном или Геккерн жил с ним... В то время в высшем обществе было развито бугрство...

Он был очень красив, и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он вообще относился к дамам как иностранец — смелее, развязнее, чем мы, русские. А как избалованный ими — требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем было принято даже в нашем обществе...

Дубельт. Было ли какое-либо предпочтение с его стороны по отношению именно к жене Пушкина?

Трубецкой. Он ухаживал за Наташей, как и за всеми красавицами, а она была красавица. Но вовсе не особенно «приударял», как мы тогда выражались, за нею. Частые записочки, приносимые Лизой, горничной Пушкиной, ничего не значили: в наше время это было в обычае.

Пушкин хорошо знал, что Дантес не приударяет за его женою. Он вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, Дантес ему был противен своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержанным, чем следовало с дамами, как полагал Пушкин.

Дубельт. Правильно ли я истолкую ваши слова, князь, если скажу, что Пушкин имел довольно скверный характер?

Ведь Дантес, насколько мне известно, пользовался в обществе всеобщей любовью, по крайней мере, приязнью?

Трубецкой. Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он все как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают.

Мы, конечно, боготворили его музу, а он считал, что мы мало перед ним преклоняемся.

Манера Дантеса просто оскорбляла его. Пушкин не раз высказывал желание отделаться от его посещений... закрыть ему двери своего дома...

Дубельт. А как относилась жена Пушкина ко всему происходящему?

Трубецкой. Натали не противоречила ему в этом, быть может, даже соглашалась с мужем. Но, как набитая дура, не умела прекратить свои невинные свидания с Дантесом. Быть может, ей льстило, что блестящий кавалергард всегда у ее ног.

Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствии мужа, Дантес, как повеса, хотел слышать в этом как бы поощрение к своему ухаживанию. Если бы Натали не была так непроходимо глупа, если бы Дантес не был так избалован, все кончилось бы ничем, так как в то время, по крайней мере, ничего, собственно, и не было: рукопожатия, обнимания, поцелуи, но не больше...

А это, в наше время, вещи обыденные...

Тогда же Пушкин получил письмо, подобное тем, что рассылались многим мужьям-рогоносцам...

Дубельт. Это письмо и послужило, по-вашему, причиной дуэли?

Трубецкой. Думаю, что нет. Не причиной, а предлогом!

В другое время Пушкин не обратил бы внимания на подобную шутку... Во всяком случае, отнесся бы к нему как к шутке. Но теперь он увидел в письме прекрасный предлог и воспользовался им по своему.

Дубельт. Вы можете чем-нибудь подтвердить ваши соображения, князь? Письмо? Слухи?

Трубецкой. Могу. Со мной самим был случай. На святках был бал у португальского посланника, большого охотника. Во время танцев я зашел в кабинет, все стены которого были увешаны рогами различных животных, убитых хозяином.

Вошел Пушкин.

«Вы зачем здесь? Кавалергарду, да еще неженатому, здесь не место. Вы видите? — он указал на рога. — Эта комната для женатых, для мужей, для нашего брата».

«Полноте, Пушкин, вы и на бал притащили свою желчь. Вот уж ей здесь не место», — отвечал я ему...

Дубельт. Но в чем же причина дуэли, если письмо – только предлог, князь?

Трубецкой. Мне кажется, что причина не в Натали, а в Александрине, сестре ее.

Александрина была очень некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина с Натали Александрина знала наизусть все стихотворения своего будущего зятя и была влюблена в него заочно.

Вскоре после брака Пушкин сошелся с Александрinou и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению, Александрина сознавалась в этом госпоже Полетике.

Если Пушкину и не нравились посещения Дантеса, то вовсе не потому, что Дантес балагурил с его женою, а потому, что, посещая дом Пушкиных, Дантес встречался с Александрinou. Влюбленный в Александрину, Пушкин опасался, чтобы блестящий кавалергард не увлек ее.

Вот почему Пушкин вполне успокоился, узнав от жены, что Дантес бывает для Катерины и просит ее руки. Вот почему после брака Дантеса с Катрин, Пушкин стал относиться к Дантесу даже дружелюбно.

Повторяю, однако, связь Пушкина с Александрinou мало кому была известна. Едва ли многим известно следующее обстоятельство, довольно, по-видимому, ничтожное, но, в конце концов, отнявшее у нас Пушкина.

Вскоре после брака... Дантес с молодой женой задумали отправиться за границу к родным мужа.

В то время сборы за границу были несколько продолжительнее нынешних, и во время этих-то сборов, в ноябре или в декабре, оказалось, что с ними собирается ехать и Александрина. Вот что окончательно взорвало Пушкина, и он решил во что бы то ни стало воспрепятствовать их отъезду.

Он опять стал придираться к Дантесу, начал повсюду бранить его, намекая на его ухаживания, но не за Александрinou, о чем он должен был прималчивать, а за Натали.

В это время Пушкин стал действительно невыносим...

Он все настойчивее искал случая поссориться с Дантесом, чтобы помешать отъезду Александрinou. Случай скоро представился...

Остальное, думаю, вам известно.

Дубельт. Благодарю вас, князь. Вы нам очень помогли. У вас нет вопросов к князю, ваше сиятельство?

Бенкендорф. Нет. Вопросов у меня нет.

Князь, я также считаю ваше добровольное и добросердечное участие полезным и буду говорить о вас у Императора.

Прощайте!

Дубельт, провожая Трубецкого к дверям...

Дубельт. Может быть, вы нуждаетесь в нашей помощи, князь? Рубликов триста или три тысячи?... Молодость, женщины, карты...

Трубецкой. Разве я давал повод, генерал?

Дубельт. Ну, как знаете.

Князь уходит. Дубельт возвращается.

Дубельт. Коротко говоря, о Пушкине утвердительно известно, что человек он был слабый, коему некоторые успехи в словесности и еще более лесть совершенно вскружили голову.

Бенкендорф. Вы так считаете, генерал?

Дубельт. Более того, ваше сиятельство. Хотите, я перечислю самые замечательные качества нашего «великого поэта», извлеченные мною из его переписки и из бесед с людьми, хорошо его знавшими?

Бенкендорф. Сделайте одолжение.

Дубельт. Во-первых, либералист и демагог, бунтовщик и республиканец. Во всяком случае, друг всех без исключения заговорщиков. Этого не сможет отрицать никто!

Развратник до мозга костей и матерщинник. Дурной сын, дурной отец и жаден до денег. Неблагодарный и неблагородный. Антипатриот и циник! Безбожник! С дурным характером и дурной внешностью...

Бенкендорф. Извините меня, Леонтий Васильевич, что я позволил себе возражать и сомневаться. Вы должны понять меня.

Через несколько часов я должен буду предстать перед Его Величеством и изложить ему абсолютно правдивую, объективную картину всего происшедшего.

Я не имею права полагаться на свои личные пристрастия и антипатии.

Такова воля Императора. Он примет решение по этому прискорбному делу только после моего доклада. Это решение мгновенно станет известно не только в России, но и в Европе. Император не ошибается!

Вот потому я и позволил себе так мучить вас недоверием, генерал.

Сам я, как вам известно, человек к литературе вообще недоброжелательный.

Я полагаю, что усердие и безусловная покорность несравненно выше всех добродетелей и всех талантов.

Благодарю вас, генерал!

Дубельт. Весьма тронут, ваше сиятельство!

Наибольшее, что можно мне поставить в упрек, это излишнее усердие и боязнь не предотвратить опасность, грозящую Отечеству и Государю Императору!

Бенкендорф. Хочу воспользоваться случаем и передать вам, Леонтий Васильевич, слова Государя Императора о вас, сказанные им мне совсем недавно:

«Нет такого количества денег, — сказал он, — за которые можно было бы подкупить генерала Дубельта».

Дубельт. Так и сказал?

Бенкендорф. Так и сказал! Император суров, но справедлив!

Теперь прощайте, мне пора идти к Государю!

Бенкендорф стремительно уходит мимо вскочившего Дубельта.

Дубельт. Примите, сударыня, выражение моего уважения и совершенной преданности вам и вашему семейству...

Ракеев!

В дверях появляется Ракеев.

Дубельт. Писца водворить на место и после того пригласить сюда Софью Николаевну Карамзину.

Ракеев уходит.

Дубельт. Чистая душа, светлый ум. Дай бог, чтобы на наш век хватило и того и другого.

В дверях Софья Николаевна Карамзина.

Дубельт идет ей навстречу.

Дубельт. Прошу вас, сударыня. Извините, что заставил ждать. Что поделаешь, дела графа Александра Христофоровича важнее наших с вами. Но теперь я снова к вашим услугам...

Софья Николаевна. Скорее я к вашим, генерал.

Дубельт. Конечно, конечно. Но то благородное дело, которое мы с вами осуществляем, для меня имеет неожиданный плюс. Я имел счастье поближе познакомиться с самой умной женщиной света.

Софья Николаевна. Вы так любезны, генерал. Так на чем мы остановились?

Дубельт. Мы остановились на свадьбе Дантеса, так удивившей всех.

Но сначала я хотел задать вам один вопрос. Вы не знакомы с текстом письма Пушкина старику Геккерну?

Софья Николаевна. В общих чертах.

Дубельт. Меня все время смущает одна подробность. В своем письме Пушкин пишет, что Дантес болен сифилисом. И в то же время Пушкин дал согласие на брак Екатерины Гончаровой с Дантесом.

Что-то тут не так, вы не находите? Благородный человек должен был помешать этому браку!..

Софья Николаевна. Этого не может быть. Дантес был болен,

и болезнь его ужасно изменила. Но это было воспаление в боку... Он сильно похудел, был бледен. Но от этого стал только еще более интересен. И он был в то время так нежен со всеми нами, так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может, очень несчастен...

Дубельт. Очень несчастен, говорите вы? Тогда понятно. Воспаление в боку... Очень нежен...

Продолжайте, пожалуйста. Я постараюсь больше вас не перебивать. Истинное удовольствие слышать вас...

Софья Николаевна. Я помню, как сейчас. Он пришел к нам со своей нареченной, такой бледный и нежный. Но плохо было, что он пришел вместе с Пушкиным.

Снова начались кривляния ярости и поэтического гнева. Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими ироническими словами и демоническим смехом.

Это было ужасно! А ведь тогда же вышла из печати его замечательная «Капитанская дочка». Все находили ее восхитительной...

Дубельт. А что вы думаете относительно самой свадьбы Дантеса и Екатерины? Она не кажется вам загадочной?

Из прошлых слов ваших я понял так, что Дантес откровенно ухаживал за Натальей, женой Пушкина. И вдруг женился на свояченице?

Софья Николаевна. Все это и сегодня для меня загадочно и необъяснимо.

Пушкин, так тот бился об заклад с многими, что эта свадьба — один обман и никогда не состоится. Но она состоялась. И все прошло наилучшим образом. Нельзя было представить себе лиц безмятежнее и веселее, чем лица жениха и невесты. Не может быть, чтобы все это было притворством: для этого понадобилась бы нечеловеческая скрытность. И притом, такую игру им пришлось бы вести всю жизнь. Непонятно...

Дубельт. А не мог Дантес испугаться угроз Пушкина?

Софья Николаевна. Вряд ли. Он не трус. Да и состоявшаяся дуэль говорит за то, что здесь были иные причины. Но какие?

Дубельт. Ну, раз этого не знаете вы, вряд ли узнает кто-либо еще...

Софья Николаевна. Интересно, что сентиментальная досвадебная комедия продолжалась и после свадьбы.

Наталья опускала глаза и краснела под жаркими взглядами своего зятя, Катрин ревновала, а Пушкин, скрежеща зубами, принимал свое всегдашнее выражение тигра.

Это становилось чем-то большим обыкновенной безнравственности.

Дубельт. Вы упомянули не всех, Софья Николаевна. А Александрина?

Софья Николаевна. Как я могла забыть!

Александрин по всем правилам искусства кокетничала с Пушкиным, который явно был в нее серьезно влюблен. И, если жену свою он ревновал из принципа, то свояченицу – по чувству.

Дядюшка Вяземский сказал по этому поводу, что он закрывает лицо свое и отвращает его от дома Пушкиных.

Дубельт. Князь Вяземский известен, и справедливо, за невоздержанность языка и пера своего. Но сердце Вяземского совсем не злое.

Софья Николаевна. Дядюшка потом раскаивался в своих словах.

Бедный, бедный Пушкин! Не глупо ли было жертвовать своей прекрасной жизнью? И для чего?

Дубельт. Софья Николаевна, постарайтесь не поддаваться чувствам. Очень важно, чтобы вы поточнее вспомнили все, касающееся до несчастной дуэли...

Софья Николаевна. Сказать, что в точности вызвало дуэль, когда женитьба Дантеса, казалось, сделала ее невозможной?..

Об этом, мне кажется, никто точно ничего не знает.

Бедный Пушкин! Сколько должен был он выстрадать за эти три месяца, с тех пор как получил гнусное анонимное письмо!..

Считают, что раздражение Пушкина дошло до предела на балу у Воронцовых, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом.

А эта неосторожная не побоялась встретиться с ним опять в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских!

Тогда Пушкин и отправил свое оскорбительное письмо Геккерн-отцу. В ответ Дантес послал к нему своего секунданта, и в тот вечер я видела Пушкина в последний раз. Он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил. Он несколько судорожно сжал мне руку, прощаясь, но я не обратила внимания на это...

Если бы я знала!..

Уже после дуэли, смертельно раненый, он сказал Данзасу:

«Я жить не хочу!»

Я рада, что Дантес не пострадал и что, раз уж Пушкину суждено было стать жертвой, он стал жертвой единственной!..

Ему выпала самая прекрасная роль, и те, кто осмеливаются теперь на него нападать, сильно походят на палачей!..

Возникает на пороге Ракеев.

Ракеев. Осмелюсь доложить, прибыла княгиня Екатерина Андреевна Карамзина.

Софья Николаевна. Маман!

Дубельт. Просите немедленно, ротмистр!

Ракеев. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Входит Екатерина Андреевна Карамзина.

Дубельт встречает ее и усаживает в кресло.

Дубельт. Примите, сударыня, выражение моего уважения и совершенной преданности вам и семейству вашему.

Екатерина Андреевна. Извините, генерал, я не могла уехать прежде других. Располагайте мной по своему усмотрению...

Россия потеряла Пушкина, и сердце и душа заполнились тоской и горечью.

Закатилась звезда светлая!

Дубельт. Мы все скорбим, княгиня. И долг наш помочь Его Величеству, чем сможем...

Трудно переоценить важность участия в этом деле вас и дочери вашей!..

Екатерина Андреевна. Я готова, генерал, ответить на ваши вопросы.

Дубельт. Мы с Софьей Николаевной беседовали сейчас о несчастной дуэли!..

Екатерина Андреевна. Да, да. Я хорошо помню: он дрался в среду на дуэли с Дантесом, и тот прострелил его насквозь!..

Пушкин, бессмертный, жил два дни, а в пятницу отлетел от нас.

Я имела горькую сладость проститься с ним в четверг – он сам этого пожелал. Он всегда был жаркий почитатель мужа моего и нас всех неизменный друг, почти двадцать лет.

Дубельт. Не припомните ли вы каких-либо слов Пушкина, относящихся до Государя?

Екатерина Андреевна. Государь вел себя по отношению к Пушкину и ко всему его семейству как ангел.

После истории со своей первой дуэлью Пушкин обещал Государю больше не драться ни под каким предлогом, и теперь, когда был он смертельно ранен, послал доброго Жуковского просить прощения у Государя в том, что он не сдержал слова.

И Государь написал ему записку!..

Когда же добрейший Василий Андреевич просил Государя отнестись к Пушкину, как он был для Карамзина, Государь сказал ему:

«Послушай, братец, я все сделаю для Пушкина, что могу, но писать как к Карамзину не стану!.. Пушкина мы заставили умереть как христианина, а Карамзин жил и умер как ангел».

Как ангел умер и жил, как ангел, мой муж!..

Что может быть справедливее, тоньше, благороднее по мысли и по чувству, чем та ступень, которую поставил Государь Император между этими двумя людьми?!

Дубельт. Изумительно! Так проникнуть в тонкость и суть!

Поистине Бог милостив, что у нас есть такой Царь! (*Пауза.*)

Ваш муж, сударыня, был почти совершенным, потому что в этом мире нет полного совершенства.

Но обратимся к событиям после дуэли. Ваше мнение, Софья Николаевна?

Софья Николаевна. Сразу после смерти Пушкина я видела несчастную Натали. Взгляд ее блуждал, выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли. Она тотчас же меня спросила:

«Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение... Лоб его был спокоен, улыбка такая добрая! Не правда ли? Это было выражение счастья, удовлетворенности?! Он увидел, что там хорошо...».

Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаюсь при этом. Бедное, жалкое творенье!

И как хороша она была даже в этом состоянии!

Екатерина Андреевна. Мы не оставили госпожу Пушкину своими попечениями. Я была у нее почти ежедневно.

Но уже тогда я была убеждена, что если первое время она почти убита горем, то это не будет ни длительно, ни глубоко.

Софья Николаевна. Через несколько дней она уже не была похожа на призрак. Гораздо спокойнее, хотя по-прежнему много говорила о муже. Не было более безумного взгляда...

Екатерина Андреевна. Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную понять его и более подходящую его уровню.

Бедный, бедный Пушкин! Жертва легкомыслия, неосторожности, опрометчивого поведения своей молодой красавицы жены, которая, сама того не подозревая, поставила на карту его жизнь против нескольких часов кокетства.

Софья Николаевна. Бедная жертва собственного легкомыслия и людской злобы!..

Когда я провожала ее, она уже не была достаточно печальной — слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной. Она была рада, что уезжает, это естественно; но было бы естественным, также, выказать раздирающее душу волнение...

И — ничего подобного, даже меньше грусти, чем до тех пор! Нет, эта женщина не будет неутешной — подумала я тогда.

Затем она сказала мне нечто невообразимое, нечто такое, что, по моему мнению, является ключом всего ее поведения в этой истории. Того легкомыслия, той непоследовательности, которые позволили ей поставить на карту прекрасную жизнь Пушкина, даже не против чувства, но против жалкого соблазна кокетства и тщеславия.

Она мне сказала буквально следующее:

«Я совсем не жалею о Петербурге, меня огорчает только разлука

с Карамзиными и Вяземскими, но что до самого Петербурга, балов, праздников — это мне безразлично».

О! Я окаменела!

Я смотрела на нее большими глазами, мне казалось, что она сошла с ума. Но — ничуть не бывало. Она просто бестолковая, как всегда!..

Дубельт. Бедный, бедный Пушкин. Она никогда его не понимала... Не глупо ли было жертвовать своей прекрасной жизнью? И для чего? Для кого?..

Екатерина Андреевна. Я от всей души желала Натали утешения, но не думала, что мои пожелания так быстро исполнятся...

В то же время ее я не виню. Ведь нельзя же винить детей, когда они причиняют зло по неведению и необдуманности...

Дубельт. А что ее сестры?

Софья Николаевна. Катрин во время прощания с Натали, быть может, что-то поняла. Она поплакала. Но до той минуты была спокойна, весела, смеялась.

И всем, кто у них с Дантесом бывал, говорила только о своем счастье.

Вот уж чурбан и дура!

А что будет с бедным Дантесом? Говорят, что он будет разжалован и выслан?

Дубельт. Не могу знать решения, которое примет Его Величество, до того как оно будет принято, сударыня.

Екатерина Андреевна. Все возможно в этом мире всяческих невероятностей.

Дубельт. Примите, сударыни, уверения в моем глубоком уважении и неизменной привязанности...

Дубельт звонит. Появляется Ракеев.

Дубельт провожает дам до дверей гостиной.

Дубельт. Буду надеяться, что встречи наши продолжатся в дальнейшем и не по таким грустным поводам, как нынче. Премного благодарен...

Обе дамы. Прощайте, генерал! Вы так любезны... Бедный Пушкин!

Дамы и Ракеев уходят.

Дубельт остается один.

Дубельт. Скажи, прекрасная Адель,
За что же муж тебя имел?..

Ракеев! Папку с письмами.

Ракеев приносит папку.

Дубельт. Фиксировать только то, что будет сказано мною с уда-
рением, громко! Проверьте сами, ротмистр!

Ракеев. Слушаюсь!

Уходит.

Дубельт. Так. Брюллов о Пушкине: не мог равнодушно говорить
о том, что Пушкин не был за границей. Подумаешь.

Из письма его к другу (*скороговоркой, для себя*): «Соблюдение пу-
стых формальностей всегда предпочитают у нас самому делу. Ака-
демия художеств каждый год бросает деньги на отправку за границу
живописцев, скульпторов, архитекторов, зная наперед, что из них
ничего не выйдет. Это считается необходимым.

А для развития настоящего таланта никто ничего не сделает.

Пример налицо – Пушкин.

Что он был талант – это все знали. Здравый смысл подсказывал,
что его непременно следовало отправить за границу. А ему-то и не
удалось там побывать, и только потому, что его талант был всеми при-
знан»...

Софист, господин живописец. Не надо нам этих ваших рассужде-
ний.

К сведению вашему, Пушкин просился за границу, но Государь
не пустил его – боялся его пылкой природы. Вообще же был с ним
чрезвычайно обходителен. На мой взгляд, даже слишком обходи-
телен.

Да и долги господина Пушкина не пускали его в Париж... Так было
дело! «С поэтом нельзя быть милостивым!»...

Но вот это мы, пожалуй, и зафиксируем. В протокол, ротмистр!

Читает громко.

Дубельт. «Пушкин как-то назвал меня к себе ужинать. Я был не в
духе, не хотел идти и долго отказывался. Но Пушкин меня переубедил
и утащил с собой. Дети Пушкина уже спали, но он их будил и выносил
ко мне поодиночке на руках.

Не шло это к нему.

Было грустно смотреть мне на картину натянутого семейного сча-
стья, и я его спросил:

«На кой черт ты женился?»

Он мне отвечал:

«Я хотел ехать за границу, меня не пустили. Я попал в такое положе-
ние, что не знал, что мне делать, – и женился».

Все! Успели?

Ракеев в дверях.

Ракеев. Успели, ваше превосходительство!

Дубельт. Прекрасно! Ротмистр, читайте дальше вслух!

Ракеев. Выписка из письма Никитенко Александра Васильевича,
другу в Москву.

Дубельт. Пометить. Никитенко – цензор и профессор универси-
тета. Продолжайте!

Ракеев. «Пушкин сделался большим аристократом. Как обидно,
что он так мало ценит себя как человека и поэта и стучится в один
замкнутый кружок общества, тогда как он мог бы безраздельно ца-
рить над всем обществом. Он хочет прежде всего быть баринном, но
ведь у нас барин тот, у кого больше дохода.

К нему так не идет этот жеманный тон, эта утонченная спесь в об-
ращении, которую завтра же может безвозвратно сбить опала. А ведь
он умный человек помимо своего таланта...»

Дубельт. В чем эти господа ученые видели ум этого человека,
ротмистр?

Ракеев. Не могу знать, ваше превосходительство!

Дубельт. Часто, не смысла, как привести собственные дела в по-
рядок, и состоя большею частью в нижних чинах, мнили они управ-
лять государством.

Советы Императору давал в стихах...

Где же здесь ум?..

Продолжайте!

Ракеев. «Сегодня был у министра. Он очень занят укрощением
громких воплей по случаю смерти Пушкина. Он, между прочим, не-
доволен пышною похвалою, напечатанною в «Литературных прибав-
лениях» к «Русскому инвалиду».

Дубельт. Итак. Уваров и мертвому Пушкину не простил эпи-
грамму на него...

Дальше!

Ракеев. «Получил предписание председателя Цензурного коми-
тета не позволять ничего печатать о Пушкине, не представив сначала
статьи ему или министру...»

Дубельт. О министре и цензуре из протокола убрать. Дальше!

Ракеев. «Похороны Пушкина были действительно народными
похоронами...»

Дубельт. Так, так. Фиксировать! Дальше, ротмистр! Не так бы-
стро, пожалуйста! С выражением!

Ракеев. «Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербур-
ге, – все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в
Конюшенной.

Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней –
ни одного тулупа или зипуна.

Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический кор-

пус присутствовал. Впустили в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетами...

Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, — так было означено и на билетах, а между тем тело было вынесено из квартиры ночью, тайком и поставлено в Конюшенной церкви.

В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях...»

Дубельт. Сдается мне, ротмистр, что господин профессор, он же цензор, не одобряет мер безопасности, предпринятых правительством? Но — дальше, дальше!..

Ракеев. «Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено.

Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему.

Попечитель мне сказал, что студенты могли бы собраться в корпорации нести гроб Пушкина — могли бы «пересолить», как он выразился...»

Дубельт. Господин профессор явно не одобряет случившееся. Но своим письмом как нельзя лучше подтверждает правильность и своевременность предпринятых мер.

Мои слова также все фиксировать! Дальше!

Ракеев. «Церемония кончилась в половине первого. Я поехал на лекцию. Но вместо очередной лекции я читал студентам о заслугах Пушкина.

Будь что будет!..»

Дубельт. Будет десять суток гауптвахты, господин цензор. А за что — найдем. И это, я думаю, еще не все, что будет. Дальше!

Ракеев. «Греч и Краевский имели неприятности от Бенкендорфа за слова о Пушкине, напечатанные в газете и журнале.

И все это делалось среди всеобщего участия к умершему. Среди всеобщего глубокого сожаления. Боялись — но чего?»

Дубельт. Кто доставил список письма господина Никитенко?

Ракеев. Писатель и переводчик. Фамилию можно найти в секретном архиве.

Дубельт. Наградить творческого человека тридцатью червонцами за усердие. Объявите ему о милости нашей лично.

Ракеев. Слушаюсь! Читать дальше?

Дубельт. Прошу, ротмистр. Необычайно интересный материал представляет это письмо. В бумагах, что будут переданы Миллеру для графа, поместить его в самом начале, до разговоров и бесед сегодняшних.

Продолжайте!

Ракеев. «Дня через три после отпевания Пушкина увезли тайком в его деревню.

Жена моя возвращалась из Могилева, и на одной из станций увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суежились на почтовом дворе, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

«Что это такое?» — спросила она у крестьянина.

«А бог его знает что! Вишь... какой-то Пушкин убит и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости Господи... как собаку».

Мера запрещения писать о Пушкине продолжается».

Все!

Дубельт. Спасибо, ротмистр. Можете идти. Папку оставьте здесь.

Ракеев уходит.

Дубельт. Для протокола! Только одна чернь и проявляла энтузиазм.

Общество, в котором Пушкин жил, имело более прав судить его. И оно его осудило...

Входит Ракеев.

Дубельт. Пушкин писал изящные стихи. Это правда.

Но его популярность произошла только от его сатир против правительства...

Входит Бенкендорф.

Бенкендорф. Как успехи, генерал?

Дубельт. Работаем без усталости, ваше сиятельство.

В ожидании приезда Жуковского разбираем письма, до Пушкина касающиеся.

Жду я еще одну даму, но не уверен...

Желаете послушать, ваше сиятельство?

Бенкендорф. Пожалуй. Насколько я знаю, Жуковский будет довольно скоро...

Дубельт. Есть несколько выписок из писем Нащокина Павла Воиновича, тридцати шести лет, отставник, богач. Лучший друг Пушкина.

Бенкендорф. Прошу вас.

Дубельт. «На Пушкина много сочиняют и про него выдумывают. Говорят про него, что был скуп. Совершенная неправда. Пушкин был великодушен, щедр на деньги. Бедному он не подавал меньше двадцати пяти рублей. Но любил показать, что он скуп.

И венчался и похоронен был в моем фраке.
Любил шутов, острые слова и карты. Хотя играл в них дурно, от-
чего почти всегда был в проигрыше».

Бенкендорф. Значит, везло в любви?

Дубельт. Амуры у того всегда на уме были. Но до добра они его
не довели...

Дубельт. «При дворе была одна дама, друг Императрицы, стояв-
шая на высокой степени светского значения. Муж был гораздо стар-
ше ее, и, несмотря на то, ее младые лета не были опозорены молвою.
Она была безукоризненна в общем мнении света.

Эта блистательная безукоризненная дама наконец поддалась обая-
ниям поэта и назначила ему свидание в своем доме.

Вечером Пушкин пробрался в ее великолепный дворец и залег под
диван в гостиной. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело
было уже невозможно. Вернуться назад — опасно...

Наконец, хозяйка приехала, а сопровождавшие ее — ушли.

— Вы здесь?

И Пушкин оказался перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была
заперта, густые роскошные гардины задернуты. Начались восторги сла-
докрастия. Они играли, веселились. Перед камином была разостлана
пышная полость из медвежьего меха. Они разделись донага, вылили на
себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех...»

Бенкендорф. И тут входит муж?

Дубельт. Лучше... «Они так увлеклись, что не заметили, как про-
шла и ночь и утро. Белый день на дворе.

И когда Пушкин уходил, он встретил дворецкого, итальянца».

Тот, как вы сами понимаете, ваше сиятельство, приехал в Россию
заработать себе на маленькую лавочку в Милане.

Мои люди помогают ему в этом. Так что могу засвидетельствовать
правдивость всего описанного милейшим Павлом Воиновичем.

Все вышесказанное — чистая правда!

Правда и то, что с Пушкина этот дворецкий на следующий день
также получил кругленькую сумму.

Бенкендорф. Генерал, мне иногда кажется, что для вас в Петер-
бурге просто нет тайн.

Дубельт. И не только в Петербурге, ваше сиятельство. Наши ин-
тересы не ограничиваются столицей.

Но до совершенства еще далеко.

Тот же Пушкин... но я продолжу, с вашего разрешения.

Бенкендорф. Охотно разрешаю, генерал.

Дубельт. «На другой же день Пушкин принудил взять дворецко-
го 1000 рублей золотом, чтобы он молчал.

Таким образом, все дело осталось тайною...»

Вот видите, ваше сиятельство, я оказался прав. А Нащокин ошиб-
ся. Тайное стало явным...

Бенкендорф. Вижу, генерал.

Дубельт. Продолжаю.

«Женку Пушкин называл Бен... кх-кх... Это можно пропустить...

Листает страницы дальше.

Бенкендорф. Полноте, Леонтий Васильевич. Не скромничайте,
читайте все подряд.

Дубельт. «Женку Пушкин называл... Бенкендорфом, потому что
она, подобно ему, имеет полицейское усмиряющее и приводящее все
в порядок влияние на желудок...»

Бенкендорф (*хохочет*). Мы люди военные, генерал, как-нибудь
да промаячимся!..

На пороге Ракеев.

Ракеев. Ваше сиятельство, подъехали две кареты. Его сиятель-
ство Жуковский и...

Дубельт. Хорошо, ротмистр, идите!

Ракеев уходит.

Дубельт. Ваше сиятельство, это как раз та женщина. Мне кажется,
ее надо принять до поэта. Он мужчина, может и подождать.

Бенкендорф. Что за женщина?

Дубельт. Графиня Долли, ваше сиятельство. Героиня воспоми-
наний лучшего друга Пушкина. Жена австрийского посланника. Гра-
финю Фикельмон, Ракеев! Жуковского попросите обождать. Мы его
тоже долго ждали.

Бенкендорф. Вам виднее, генерал.

Ракеев (*за сценой*). Слушаюсь!

На пороге комнаты графиня Фикельмон в роскошном бальном платье.

Бенкендорф и Дубельт встречают ее стоя.

Бенкендорф. Примите, сударыня, уверение в моем глубочай-
шем уважении и неизменной привязанности...

Фикельмон. И вы, граф...

Дубельт. Благоволите, графиня, принять выражение моей огром-
ной благодарности и совершенного уважения...

Фикельмон. Благодарю, генерал. Но у меня безумно мало вре-
мени. Я сочла своим долгом приехать и рассказать вам все, что я знаю
и думаю об этом прискорбном для всей России случае, но...

Дубельт. Конечно, графиня. Присаживайтесь, пожалуйста. Мы
готовы вас слушать.

Фикельмон. Спасибо... Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы!

Дубельт. Да, да, огромный талант!..

Фикельмон. Мы видели, как эта роковая история начиналась среди нас подобно стольким другим кокетствам...

Александр Пушкин, вопреки советам своих друзей, пять лет тому назад вступил в брак, женившись на Наталье Гончаровой. Совсем юной, без состояния и необыкновенно красивой. С очень поэтической внешностью, но с заурядным умом и характером, она казалась счастливой в своей семейной жизни.

Госпожа Пушкина, жена поэта, пользовалась самым большим успехом. Невозможно было быть прекраснее. А между тем, у нее не много ума и даже, кажется, мало воображения...

Дубельт. Простите, Дарья Федоровна, как вам кажется, госпожа Пушкина действительно влюбилась в Дантеса?

Фикельмон. То ли одно тщеславие госпожи Пушкиной было польщено и возбуждено, то ли Дантес действительно тронул и смутил ее сердце, как бы то ни было, она не могла больше отвергать или оставив проявление этой необузданной любви.

Дантес, забывая всякую деликатность, восхищался ею открыто, совершенно недопустимо по отношению к замужней женщине. Казалось при этом, что она бледнеет и трепещет под его взглдом. Но было очевидно, что она совершенно потеряла способность обуздывать этого человека, а он был решителен в намерении довести ее до крайности...

Бенкендорф. Пушкин знал, что жена ему изменяет?

Фикельмон. Доверие Пушкина к жене было безгранично, тем более что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса.

Дубельт. Какая неосторожность с ее стороны...

Фикельмон. Пушкин, глубоко оскорбленный, понял, что, как бы он лично ни был уверен и убежден в невинности своей жены, она была виновна в глазах общества, которому его имя дорого и ценно!

Большой свет видел все и мог считать, что само поведение Дантеса было верным доказательством невинности госпожи Пушкиной.

Бенкендорф. У меня создалось обратное мнение...

Фикельмон. Какая женщина посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому что все мы находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили... Все мы часто бываем неосторожны и играем с сердцами в эту ужасную и безрассудную игру!

Никогда петербургский свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму.

Вскоре Дантес, хотя и женатый, возобновил прежние приемы, прежние преследования. Чаша переполнилась. Пушкин понял, что нет иного средства остановить несчастье. Он дрался. И был смертельно ранен...

Дубельт. Графиня, вы были одним из самых близких друзей покойного. По крайней мере, из женщин. Не могли бы вы что-нибудь сказать об отношении Пушкина к Его Величеству.

Прежний Государь Император был отмечен им — в эпиграммах! Поэт неоднократно вызывал неудовольствие Императора Александра. Ссылки и т.п. Но то — дело прошлое...

Николай Павлович обласкал Пушкина. Вернул его из ссылки, облагодетельствовал. Помог семье его после дуэли...

Вы видите, мы ничего не записываем. Все, что вы посчитаете нужным сказать, останется между нами. Слово офицера!

Вы поняли меня?

Фикельмон. Я поняла вас, генерал.

Вот мое мнение.

Император, всегда великодушный и благородный в тех случаях, где нужно сердце, написал ему драгоценные строки:

«Я тебя прощаю. Если нам не суждено больше увидеться на этой земле, утешь меня, умри христианином и исполни свой последний долг.

Что касается твоей жены и детей, будь спокоен — они будут моими».

Пушкин, которого так часто упрекали в либерализме, в революционном духе, поцеловал это письмо Императора и велел ему сказать, что он умирает с сожалением, т.к. хотел бы жить, чтобы быть его поэтом и историком!

Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние.

Император был великолепен во всем, что он сделал для этой несчастной семьи!..

Бенкендорф. Спасибо, графиня. Вы сделали все, что могли для сохранения в памяти Пушкина таким, каким он был на самом деле.

Дубельт звонит. Появляется Ракеев.

Дубельт. Ротмистр, проводите графиню.

Фикельмон и Ракеев уходят.

Бенкендорф. Сюрприз не удался, генерал. Бабы сплетни, не более того...

Дубельт. Вам виднее, ваше сиятельство. Но ведь, курочка по зернышку...

Или, как говорится у любимого мною Гоголя: и веревочка согдится...

Бенкендорф. Чертов арап! Хотя из благодарности должен был, кажется, стать человеком уважаемым, а не подозрительным для пра-

вительства. Своим творчеством, раз уж господь наградил тебя талантом, способствуй правительству, дабы внушить правила чистой нравственности и преданности к монарху за оказанное благодеяние!..

Дубельт. Как волка не корми, все в лес смотрит.

Бенкендорф. И тут я с вами не согласен, Леонтий Васильевич!

Иноземная холера это, называемая ошибочно — «дух времени». Слабый умственный желудок людишек, подобных Пушкину, не сваривал сочинений иностранных писателей, от чего все просвещение их было мишурное и зловредное!

Дубельт. Всякое общество состоит из благонамеренных и недовольных. По счастью, первых всегда гораздо больше. На том и стоим.

А некоторые из недовольных привыкли болтать то, чего не понимают. Вот и носятся со своим Пушкиным, как с писаной торбой.

Бенкендорф. Ну, хорошо. Раз Государь Император велел, наше дело — исполнять. Я думаю, что разговором с Жуковским мы и завершим дознание.

Дубельт. И я того же мнения. Срочность и спешность поручения не позволяют нам далее углубляться в подробности интимной жизни знаменитого своими происхождениями камер-юнкера Александра Пушкина. На том и покончим.

Ракеев! Зовите тайного советника! Попробуем на зуб тайного советника. Дабы все тайное стало явным...

Дубельт и Бенкендорф в креслах.

На пороге комнаты появляется Жуковский.

Дубельт. Ваше сиятельство, Василий Андреевич, извините нас с графом за то, что вынуждены были вас ждать заставить. Вежливость тому виною.

Графиня Фикельмон, прибывшая с вами одновременно, просила срочно принять ее и отпустить. Мы не могли отказать даме. Зато теперь мы к вашим услугам.

Вы, насколько мне известно, также не торопитесь. Граф и я готовы терпеливо и доброжелательно выслушать все, что вы намеревались нам сказать.

Жуковский. Хочу снова уверить вас генерал и вас, ваше сиятельство, Александр Христофорович, в том уважении, которое, несмотря на многое, мне лично горестное, я имею к вашему благородному характеру. В этом вы сами должно быть неоднократно убеждались.

Новым доказательством моего к вам чувства пускай послужит та искренность, с которою говорю с вами.

Такому человеку, как вы, она ни оскорбительна, ни даже неприятна быть не может.

Бенкендорф. Благодарю вас, ваше сиятельство. Я всегда был

уверен в неизменном вашем добром ко мне отношении...

Жуковский. Относительно вас, Леонтий Васильевич, мнение мое было выражено в стихах, вероятно, вам известных?

Быть может, он не всем угоден,

Ведь это общий наш удел,

Но добр он, честен, благороден,

— Вот перечень его всех дел.

Дубельт. Скажи, прелестная Адель...

Бенкендорф. Простите, генерал?

Дубельт. Нет, нет, ничего. Я так тронут стихами Василия Андреевича, что чуть сам не согрешил. Спасибо, сердечное, ваше сиятельство!

Бенкендорф. Могу добавить, Василий Андреевич, Государь называет Леонтия Васильевич Дон-Кихотом...

Дубельт. Граф, вы заставляете меня краснеть и сбиваться с рыси...

Бенкендорф. Ничего, ничего. Быль молодцу не в укор.

Впрочем, речь не о нас с вами, генерал.

Жуковский. Я, собственно, к слову привел стихи свои. Мне бы хотелось, чтобы то, что я буду иметь честь сказать здесь вам, было правильно понято.

Бенкендорф. Прошу вас.

Жуковский. Сперва буду говорить о самом Пушкине.

Смерть его ясно обнаружила то несчастное предубеждение, которое давило пылкую душу его до самого гроба...

Предубеждение, которое теперь должно, к несчастью, слишком поздно, уничтожиться перед явною очевидностью.

Мы с генералом Дубельтом разобрали все его бумаги, Полагали, что в них найдется много нового, писанного в духе враждебном против правительства и вредного нравственности.

Бенкендорф. Отчего же, полагали? И кто такое полагал?..

Жуковский. Многие, ваше сиятельство... А, вместо того, нашли бумаги, разительно доказывающие совсем иной образ мыслей. Это особенно выразилось в его письме к Чаадаеву, которое он, по видимому, хотел послать не по почте, но не послал, вероятно, по той причине, что не желал своими опровержениями оскорблять приятеля, уже испытавшего заслуженный гнев Государя...

Одним словом, нового предосудительного не нашлось ничего и не могло быть найдено.

Старое, писанное в первой молодости, то именно, около чего вертелись все предубеждения, на нем лежавшие, как видно, было им самим уничтожено, сколько можно судить теперь. В бумагах Пушкина не осталось и черновых рукописей.

Он сам про себя осудил свою молодость и произвольно истребил для самого себя все несчастные следы ее.

Дубельт. Ваше сиятельство, я позволю себе прервать вас ненадолго. Я нашел выписку, сделанную мною как раз из письма Пушкина – Чаадаеву. Вы имели в виду письмо от октября месяца 1836 года?

Жуковский. Да, да, конца 36 года...

Дубельт. Так вот, ваш любимец написал там следующее:

«... многое в вашем послании глубоко верно!.. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние.

Вы хорошо сделали, что сказали это громко...»

Бенкендорф. Что же из этого следует заключить? Не то ли, что Пушкин в последние годы свои был совершенно не тот, каким видели его впервые?

Жуковский. Да, но таково ли было об нем ваше мнение, ваше сиятельство? Я перечитал все письма, им от вашего сиятельства полученные. Во всех них, должен сказать, выражается благое намерение.

Но сердце мое сжималось при этом чтении.

Во все двенадцать лет, прошедшие с той минуты, в которую Государь так великодушно его присвоил, его положение не переменилось!

Он все был как буйный мальчик, которому страшишься дать волю... Под строгим, мучительным надзором! Все формы этого надзора были благородные: ибо от вас оно не могло быть иначе...

Но надзор, все надзор!..

Дубельт. Не так плохо, что был надзор, Василий Андреевич. Вот я вам сейчас зачитаю надзорную записку начала 27-го года:

«Поэт Пушкин ведет себя отлично, хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть...»

Пушкин сказал: «Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более – свободу. Виват!»

А вы жалуетесь на надзор!

Жуковский. Я не жалею, генерал. Я просто горюю... Пушкина ведь нет. И надзор не помог...

Бенкендорф. Все удивляются нынешнему положению вещей. Прежде не было помину о Государе в беседах. Если и говорили, то двусмысленно.

Ныне поют куплеты и повторяют их с восторгом.

Но, продолжайте, Василий Андреевич, у вас ведь есть еще что сказать?..

Жуковский. Есть, ваше сиятельство... Шли годы. Годы проходили, Пушкин созревал: ум его остепенился.

А прежнее против него предубеждение было тоже и тоже.

Он написал «Годунова», «Полтаву», свои оды «К клеветникам России», «На взятие Варшавы», то есть все свое лучшее, принадлежащее нынешнему царствованию.

А в суждении об нем все указывали на его оду «К свободе» и «Кинжал», написанный в 1820 году.

В 36-летнем Пушкине видели все 22-летнего.

Ссылаюсь на вас самих, ваше сиятельство. Такое положение могло ли не быть огорчительным?

Бенкендорф. К несчастью, оно и не могло быть иначе.

Жуковский. Вы, на своем месте, не могли следовать за тем, что делалось внутри души его.

Подумайте сами. Каково было бы вам, когда бы вы, в зрелых летах, были обременены такою сетью, видели каждый шаг ваш истолкованным предубеждением?

Не имели бы возможности произвольно переменить место без навлечения на себя подозрения или укора.

В письмах ваших, ваше сиятельство, нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзрум...

Но какое же это преступление?

Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано. Под тем видом, что он служил. В действительности, потому, что не верили...

Дубельт. Ежели каждый начнет ездить, то что же это получится?

Жуковский. Но в чем была его служба? В том, единственно, что он был причислен к иностранной коллегии.

Какое могло быть ему дело до иностранной коллегии?

Его служба была – его перо. Его «Петр Великий», его поэмы, его произведения, коими бы ознаменовалось нынешнее славное время!..

Для такой службы нужно уединение. Свободное уединение.

Дубельт. Извините, что прерываю вас, ваше сиятельство. Но должен заметить, что никто не мешал Пушкину исчезнуть и уединиться.

Еще в 1834 году Пушкин писал графу, Александру Христофоровичу, что он «по обстоятельствам для него интересным, имеет надобность отправиться в Москву и должен оставить службу», но просил дозволить ему продолжать посещение архивов.

На это ему ответили, что... (*листает папку*)... Вот:

«Его Величество не желает никого удерживать против воли, но что на посещение государственных архивов Его Величества не изъявил соизволения, так как *право это может принадлежать только людям, пользующимся особенною доверенностью начальства*».

Так было дело.

Бенкендорф. А Пушкин, надо вам сказать, будучи уже 35 лет, а не 22-х, был человек не чиновный, и не проявивший себя на государственной службе.

Во всяком случае с положительной стороны.

У него появились к тому времени мотивы, позволяющие надеяться, что это заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу.

Но — *только на пути* к оному.

Постоянное и неизменное милостивое внимание к нему со стороны Его Величества, милости, оказываемые этому недостойному человеку, общеизвестны.

И материальные, и моральные!

Жуковский. Государь Император назвал себя его цензором. Милость великая, особенно драгоценная потому, что в ней обнаруживалось все личное благоволение к нему Государя.

Но, скажу откровенно, эта милость поставила Пушкина в самое затруднительное положение. Легко ли было ему беспокоить Государя всякой мелочью, написанною им для помещения в каком-нибудь журнале?..

На многое, замеченное Государем, не имел он возможности делать объяснений. До того ли Государю, чтобы их выслушивать? И мог ли Пушкин решиться на то?..

А если какие-нибудь мелкие стихи его являлись напечатанными в альманахе, разумеется с ведома цензуры, это ставилось ему в вину. В этом виделось непослушание и буйство.

Ваше сиятельство делали ему словесные или письменные выговоры. Кроме того, весьма часто ему было приписываемо чужое, как бы оно, впрочем, ни было нелепо...

Злонамереннее стихов к Лукуллу, он не написал ничего, с тех пор как Государь Император так благодетельно обратил на него свое внимание.

Но что же эти стихи к Лукуллу? Злая эпиграмма на лицо, даже не пасквиль, ибо здесь нет имени. Но тут еще нет ничего возмутительного против правительства!

И какое дело правительству до эпиграммы на лица?

Острота ума не есть государственное преступление!

Бенкендорф. Я твердо уверен, что неразумное умничанье и необузданная болтовня играют большую роль в так называемом «русском либерализме».

Жуковский. Наконец, в одном из писем вашего сиятельства нахожу выговор за то, что Пушкин в некоторых обществах читал свою трагедию «Борис Годунов» прежде, нежели она была одобрена.

Да что же это за преступление?

Кто из писателей не сообщает друзьям своим произведений своих, чтобы слышать их критику?

Неужели же он должен до тех пор, пока его произведение еще не позволено официально, сам считать его непозволенным?

Чтение ближним есть одно из величайших наслаждений для писателя.

Оно есть дело семейное. То же, что разговор, что переписка...

Запрещать его есть то же, что запрещать мыслить!

Но мыслить запретить нельзя!

Дубельт. Непосредственное знакомство с рукописями покойного, к сожалению, не внушило мне большего уважения к творениям «великого» поэта.

Довольно этой дряни, сочинений-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано было, чтобы продолжать еще и распространять их устно!..

Жуковский. Смею заметить, что такие запрещения вредны потому именно, что они раздражительны и бесполезны, ибо никогда исполнены быть не могут!..

Дубельт. Вы, впрочем, давали обязательства не способствовать этому...

Жуковский. Обещание мое, генерал, касалось к нераспространению бумаг Пушкина, доверенных мне Его Величеством...

Но не обо мне речь сейчас.

Какого было положение Пушкина под гнетом подобных запрещений?

Не должен ли был он необходимо прийти в отчаяние, видя, что ни годы, ни самый изменившийся дух его произведений ничего не изменили в том предубеждении, которое раз навсегда на него упало и уничтожило все его будущее?

Дубельт. Слишком уж низко над землей летала его муза.

Бенкендорф. Пушкин соединял в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти.

Осыпанный благодеяниями Государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев. Он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества.

Дубельт. Талант — особенно не закупоренный печатью истинного образования, скоро очень выдыхается. И тогда есть два пути: пьянство или демагогические писания, дабы не дать забыть о себе прежним почитателям.

Жуковский. Вы называете его и теперь демагогическим писателем?

По каким же его произведениям даете вы ему такое имя?

По старым или по новым?

И какие произведения его знаете вы, кроме тех, на кои указывала вам полиция и некоторые из литературных врагов Пушкина, клеветавших на него тайно?

Ведь вы, ваше сиятельство, не имеете времени заниматься русскою литературою и должны в этом случае полагаться на мнение других.

А истинно то, что Пушкин никогда не бывал демагогическим писателем!

Если судить по пьесам, ходившим в рукописях, то они все относятся ко времени до 1826 года.

Это просто грехи молодости, сначала необузданной, потом раздраженной заслуженным несчастьем.

Но демагогического, то есть, написанного с намерением волновать общество, ничего не было между ними и тогда.

Заговорщики против Александра пользовались, может быть, некоторыми вольными стихами Пушкина. Но в их смысле, в смысле бунта, он не написал ничего, и они ему были чужды.

Это, однако, не помешало, без всяких доказательств, причислить его к героям 14 декабря и назвать его замышлявшим на жизнь Александра.

За его же напечатанные сочинения, и, в особенности, за его новые, написанные под благотворным влиянием нынешнего Государя, его уже никак нельзя назвать демагогом...

Дубельт. В публике эти частности и местности литературные мало известны.

Жуковский... Что же касается до политических мнений, которые имел он в последнее время, то смею спросить ваше сиятельство, благоволили ли вы взять на себя труд когда-нибудь с ним говорить о предметах политических?

Бенкендорф смотрит на Жуковского с недоумением.

Жуковский. Правда и то, что вы на своем месте осуждены думать, что с вами не может быть никакой искренности.

Вы осуждены видеть притворство в том мнении, которое излагает вам человек, против которого поднято ваше предубеждение, как бы он ни был прямодушен.

Вам нечего другого делать, как принимать за истину то, что будут говорить вам о нем другие...

Одним словом, вместо оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда неверными и весьма часто испорченными, злонамеренных переводчиков.

И я имею несчастье принадлежать к тем оригиналам, которые известны вам по одним лишь ошибочным переводам.

Я сообщу вашему сиятельству в немногих словах политические мнения Пушкина, хотя знаю наперед, что и мне вы не поверите.

Первое. Я уже не один раз слышал и от многих, что Пушкин в Государе любил одного Николая, а не русского императора, и что ему для России надобно было совсем другое.

Уверяю вас, напротив, что Пушкин, говорю о том, что он был в последние свои годы: решительно утвердился в необходимости для России чистого, неограниченного самодержавия.

И это — не по одной любви к нынешнему Государю, а по своему внутреннему убеждению, основанному на фактах исторических.

Письменное тому свидетельство, письмо его ко мне: «Вступление на престол Государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть, Его Величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости».

Второе. Пушкин был решительным противником свободы книгопечатания. И в этом он даже доходил до излишества, ибо полагал, что свобода книгопечатания вредна и в Англии.

Разумеется, что он, в то же время, утверждал, что цензура должна быть строга, но беспристрастна; что она, служа защитой обществу от писателей, должна и писателя защищать от всякого произвола.

Третье. Пушкин был враг Июльской революции. По убеждению своему он был карлист. Он признавал короля Филиппа необходимою гарантией спокойствия Европы, но права его опровергал и непоколебимость законного наследия короны считал главнейшею опорой гражданского порядка.

Наконец, *четвертое.* Он был самый жаркий враг революции Июльской и в этом отношении, как русский, был почти фанатиком.

Таковы были главные, коренные, политические убеждения Пушкина, из коих все другие выходили как отрасли.

Они были известны мне и всем его ближним из наших частых, непринужденных разговоров.

Вам же они быть известными не могли, ибо вы с ним никогда об этих материях не говорили.

Да вы бы ему и не поверили, ибо, опять скажу: ваше положение таково, что вам нельзя верить никому из тех, кому бы ваша вера была вниманием.

Вы принуждены насчет других верить именно тем, кои недостойны вашей веры. То есть, доносчикам, которые нашу честь и наше спокойствие продают за деньги. Или светским болтунам, которые одним словом, брошенным на ветер, убивают доброе имя человека.

Как бы то ни было, но мнения политические Пушкина были в совершенной противоположности с системой буйных демагогов.

И они были таковы уже прежде 1830 года.

Пушкин мужал зрелым умом и политическим дарованием, несмотря на раздражительную тягость своего положения, которому не мог конца предвидеть.

Ибо, он мог постичь, что не изменившийся в течение десяти лет, останется таким и на целую жизнь, и что ему никогда не освободиться от того надзора, которому он, уже отец семейства, в свои лета подвержен был, как двадцатилетний шалун.

Ваше сиятельство, вы не могли не заметить этого угнетающего чувства, которое грызл и портило жизнь его!

Вы делали выговоры свои с благими намерениями, и забывали об них, переходя к другим, важнейшим вашим занятиям. У вас не было никакой свободы от них, дабы заняться только Пушкиным.

А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли целую жизнь его.

Ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу.

Ему нельзя было произвольно ездить по России!

Ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои произведения!..

Позвольте сказать искренне.

Государь хотел своим особенным покровительством остепенить Пушкина и, в то же время, дать его гению полное его развитие.

А вы, ваше сиятельство, из сего покровительства сделали надзор, который всегда притеснителен, сколь бы ни был кроток и благороден он, как все, что от вас истекает..

Бенкендорф. Я нахожу ваши мнения не только неосновательными, но даже дерзкими.

Император Николай Павлович стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления и убедился, из внезапно открытого заговора, обagrившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие.

Государь избрал меня для образования высшей полиции, которая покровительствовала бы угнетенным и наблюдала бы за злоумышленниками и людьми, к ним склонными...

Дубельт. Осмелюсь напомнить, что число защитников доброго имени графа Бенкендорфа и его человеколюбия было всегда гораздо значительнее страдавших от строгости его... Государь сказал о графе: «Он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими...».

Бенкендорф. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках, или стараясь искупить вину свою доносом, по крайней мере знают теперь, куда им обратиться.

Честные люди боялись полиции прежде, а бездельники легко осваивались с нею.

Не то теперь!

Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления.

Вы — порядочный человек?

Жуковский. Смею надеяться, ваше сиятельство. Но речь ведь не обо мне. Мне необходимо сказать вам о Пушкине!

Об этом происшествии уже не говорят; никаких печальных следствий оно не имело, толки умолкли — для чего же возобновлять прение о том, что лучше совсем изгладить из памяти?

Бенкендорф. Такова воля Государя Императора!

Если общие толки утихли, то предубеждение еще осталось. Многие благоразумные и солидные люди не шутя уверены, что было намерение воспользоваться смертью Пушкина...

Жуковский. Хорошо. Я понял вопрос так, что было ли намерение воспользоваться смертью Пушкина для взволнования умов? И что известно мне и близким поэту друзьям по этому поводу?

Бенкендорф. Совершенно правильно.

Жуковский. Я считаю своею обязанностью отразить в глазах Государя Императора то обвинение, которое на меня и на немногих друзей Пушкина падает. Сказать слово в оправдание наше, не обвиняя никого и даже не имея надежды никакой быть оправданным в ваших глазах.

Если бы Пушкин умер после долговременной болезни, о нем бы пожалели и скоро бы замолчали.

Но Пушкин умирает, убитый на дуэли. И убийца его — француз, принятый в нашу службу с отличием. Этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанес его чести, еще убил его на дуэли.

Вот обстоятельства, поразившие вдруг все общество и сделавшиеся известными во всех классах народа: от Гостиного двора до петербургских салонов.

Жертвою иноземного развратника сделался первый поэт России, известный по сочинениям своим большому и малому обществу.

Чему же тут дивиться, что общее чувство при таком трагическом происшествии вспыхнуло сильно.

Прибавить надобно к этому и то, что обстоятельства, предшествовавшие кровавой развязке, были всем известны.

Знали, какими низкими средствами старались раздражить и осрамить Пушкина: анонимные письма были многими читаны...

Разве дуэль была тайною?

Разве погиб на дуэли не Пушкин.

Чему же дивиться, что все ужаснулись, что все были опечалены и все оскорбились?

Какие же тайные агенты могли быть нужны для произведения сего неизбежного впечатления?

Весьма естественно, что во многих энтузиазм к нему как к любимому русскому поэту оживился безвременно трагическою смертью. В этом чувстве нет ничего враждебного. Оно, напротив, благородное и делает честь нации!

По слухам, дошедшим до меня после, полагаю, что блюстительная полиция подслушала там и здесь, на улицах, в Гостином дворе, что Гек-

керну угрожают.. Что не один, а весьма многие в народе ругали иноземца, который застрелил русского. Вероятно, что иные толковали, как бы хорошо было его побить, разбить стекла в его доме и тому подобное...

С другой стороны, о Пушкине говорили с живым участием. Как бы хорошо было отпрячь лошадей от гроба и донести его на руках до церкви. Как бы хорошо произнести над ним речь и в этой речи поразить его убийцу и прочее, и прочее...

До сих пор все в порядке вещей. Не так ли?

Блюстительная полиция была обязана обратить на них внимание и взять свои меры, но взять их без всякого изъявления опасения, ибо и опасности не было никакой.

Но полиция перешла за границы своей бдительности.

Из толков, не имеющих между собой никакой связи, она сделала заговор с политической целью! И в заговорщики произвела друзей Пушкина!

В то время как они окружали его страдальческую постель, и души их были наполнены глубокою скорбью, из них сделали политических заговорщиков, думающих о волновании умов в народе. Через каких-то агентов, с какою-то целию, которой никаким рассудком постигнуто быть не может!

Более десяти тысяч человек прошло в эти два дни мимо гроба Пушкина. И не было слышно ни малейшего шума, ни малейшего беспорядка: жалели о нем.

Большая часть молилась за него, молилась за Государя.

Почти никому не пришло в голову, в виду гроба упомянуть о Геккерне.

Что же тут было, кроме умиленного, кроме возвышающего душу?

И нам, друзьям Пушкина, до самого того часа, в который мы перенесли гроб его в церковь, не приходило и в голову ничего иного, кроме нашей скорби о нем, и кроме благодарности Государю, который явился нам во всей красоте своего человеколюбия и во всем величии своего царского сана.

Император утешил его смерть, призрел его сирот, уважил в нем русского поэта как русский государь и, в то же время, осудил его смерть, как судия верховный.

Какое нравственное уродство надлежало иметь, чтобы остаться нечувствительным перед таким трогательным величием и иметь свободу для каких-то замыслов, коих цели никак себе представить не можно, и кои только естественны сумасшедшим.

Начавши с ложной идеи, необходимо дойдешь и до заключений ложных.

Так здесь и случилось!

Основываясь на ложной идее, что Пушкин — глава демагогической партии, произвели и друзей его в демагоги.

Под влиянием непостижимого предубеждения все самое простое и обыкновенное представилось в каком-то таинственном, враждебном свете.

Вдруг, полиция догадывается, что должен существовать заговор!

Признались, тем самым, что правительство боится заговора, но не боится оскорблять своими нелепыми обвинениями людей, не заслуживающих и подозрения.

Назначенную для отпевания церковь, переменили.

Тело принесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею. Без факелов, почти без проводников...

В минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем.

Признаться, будучи наполнен главным своим чувством — печалью о кончине Пушкина, я в минуту выноса и не заметил того, что вокруг нас происходило.

Мы под стражею проводили тело Пушкина до церкви!

Уже после это пришло мне в голову и жестоко меня оскорбило.

Какое намерение могли в нас предполагать?..

Чего могли от нас бояться?

Этого я изъяснить не берусь!..

Бенкендорф. Я берусь! Хотя и не обязан объяснять что-либо.

Как известно, в начале сего года умер от полученной на дуэли раны наш стихотворец Пушкин.

Пушкин, как я уже говорил, соединял в себе два существа: он был великий поэт, но и великий либерал, то есть ненавистник всякой власти...

Дубельт. Позволю себе вольность, граф. Его сиятельство господин Жуковский должен понять, что либерал, в наших глазах, есть политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно, желающий ничем не ограниченной свободы народа и самоуправления — это противно закону Божьему и Государеву! Еще раз извините, граф...

Бенкендорф. Я вам только благодарен, генерал, и охотно вас извиняю.

Пушкин, как уже говорил, был поэт и был либерал, то есть, ненавистник всякой власти.

Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев. Он состоял из литераторов и из либералов всех мастей нашего общества.

И те и другие приняли самое пламенное участие в смерти Пушкина.

Собрание посетителей при теле было необыкновенное.

Отпевание намеревались делать торжественное.

Чуть не передрались за место для несения гроба.

Многие располагали следовать за гробом о самого места погребения в Псковской губернии.

Наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова.

Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину — либералу, нежели к Пушкину — поэту?..

В сем недоумении и имея в виду отзывы многих *благomyслящих* людей, что подобное, *как бы* народное, изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов — *высшее наблюдение* признало своей обязанностью мерами негласными устранить все почести. Что и было исполнено!..

Что и было исполнено.

Мне кажется, генерал, что мы можем более не задерживать его светлость, тайного советника Василия Андреевича Жуковского?

Дубельт. Совершенно согласен с вами, граф. Хочу от себя добавить, что при всем гениальном достоинстве стихотворца Пушкина, слишком много было оказано ему внимания, каковое следует только людям, принесшим великие заслуги.

А сего поэта, как это все признают, самая большая часть сочинений вольнодумна и безнравственна!..

Или, как писал на ваше имя, граф генерал-майор Волков: «редкий студент Московского университета не имеет сейчас противных правительству стихов писака Пушкина».

Честь имею, ваше сиятельство!

Жуковский. Прощайте, генерал, прощайте граф.

Дубельт. Ракеев! Проводите поэта до его кареты.

Ракеев уводит Жуковского.

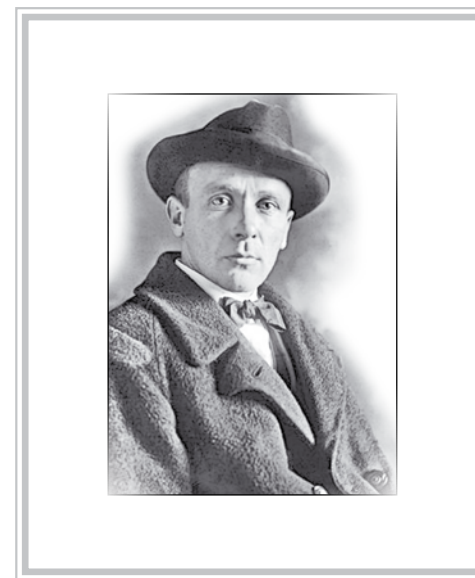
Дубельт. Скажи, прекрасная Адель,
За что же муж тебя имел?..

Бенкендорф. Что это за вирши, генерал? Вы все время их повторяете...

Дубельт. Гениальные стихи, приписываемые обществом писаке Пушкину.

Занавес.

(Пьеса *Miserable* написана более тридцати лет назад.)
Москва, 1974. Публикуется впервые.

КИНОРОМАН МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Только в тяжелой раме истории
все становится на свое место.
Гилберт Кит Честертон

Работа, предлагаемая вашему вниманию, была написана пять лет назад. Тогда для нее не нашлось места на страницах сборника, для которого она делалась.

Необходимо сказать несколько слов, как-то проясняющих форму и способ подачи нижеследующего. Сами материалы – служебная переписка, дневниковые записи и газеты тех лет – настолько красноречивы, что почти не нуждаются в комментариях. Труды высококвалифицированных специалистов также явились, с одной стороны, подспорьем, а с другой – стимулом для создания своей собственной версии обстоятельств работы Михаила Булгакова в кинематографе в середине 1930-х годов. Имеются в виду статьи М. Чудаковой «Архив М.А. Булгакова» в 37-м выпуске «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (в дальнейшем – *М. Чудакова*) и Б. Егорова «М.А. Булгаков – «переводчик» Гоголя» в «Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома» на 1976 год (в дальнейшем – *Б. Егоров*).

Мне показалось, что, привлекая новые исходные материалы, удастся раскрыть то, что ускользнуло от ученых, далеких от реального кинопроизводства, хотя бы и сегодняшнего.

К слову, если бы проблемы, с которыми сталкиваются герои «Киноромана», имели только исторический интерес... Снимите даты и фамилии, и многие серьезные писатели, наши современники, неосторожно вступившие в киномир, скажут: это про нас.

Лучше всего начинаешь понимать, как надо было снимать картину, сразу после того, как она уже снята. Так и здесь. На эссе Гилберта Честертона «Истории против историков» я наткнулся через три года, когда и надежды напечатать «Кинороман Михаила Булгакова» исчезли вполне.

Я поразился нечаянному совпадению мыслей знаменитого англичанина с тем способом, которым пользовался во время работы. Он писал: «Можно читать не историков, а историю. Попробуем год, или месяц, или две недели читать о Кромвелле только то, что писалось при его жизни... Перестаньте хоть на время читать то, что пишут живые о мертвых; читайте то, что писали о живых давно умершие люди...».

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940 гг.) – писатель и драматург. В 1934 году подписал договор с киностудией «Союзфильм» о создании сценария фильма «Мертвые души». Елена Сергеевна Булгакова – третья жена писателя и хранительница его литературного наследия; основной прототип Маргариты в романе «Мастер и Маргарита».

Не надо думать, будто я настолько наивен, что считаю свое повествование объективным и сугубо научным. Как раз наоборот. Хотя и монтирую отобранные мною материалы с максимально возможной полнотой. Поэтому я заранее благодарен всем тем, кто найдет время для уточнений и возражений. Лишь бы эти уточнения и возражения также были основаны на фактах.

Самое время перейти к герою наших заметок и предоставить слово ему самому. Используем для этого «Предисловие для слушателей», написанное М.А. Булгаковым для «Записок покойника», так как роман о театре был создан сразу после окончания «романа с кинематографом».

I

«По городу Москве распространился слух, что будто бы мною сочинен сатирический роман, в котором изображается один очень известный московский театр.

Долгом считаю сообщить слушателям, что слух этот ни на чем не основан.

В том, что сегодня я буду иметь удовольствие читать, во-первых, нет ничего сатирического. Во-вторых — это не роман. И, наконец, сочинено это не мною.

Слух же, по-видимому, родился при следующих обстоятельствах. Как-то, находясь в дурном расположении духа и желая развлечь себя, я прочитал отрывки из этих тетрадей одному из своих знакомых актеров. Выслушав предложенное, гость мой сказал:

— Угу. Ну, понятно, какой театр здесь изображен.

И при этом засмеялся тем смехом, который принято называть сатанинским. На мой тревожный вопрос о том, что ему, собственно, сделалось понятно, он ничего не ответил и удалился, так как спешил на трамвай.

Во втором случае было так. Среди моих слушателей был девятилетний мальчик. Придя как-то в выходной день в гости к своей тетушке, служащей в одном из видных московских театров, мальчик сказал ей, улыбаясь чарующей детской улыбкой и картавя:

— Слышали, слышали, как тебя в романе изобразили!

Что возьмешь с малолетнего?

Крепко надеюсь на то, что высококвалифицированные слушатели мои сегодняшние с первых же страниц разберутся в произведении и сразу поймут, что в нем и тени намёка на какой-нибудь определенный московский театр нет и быть не может, ибо дело в том, что...»

II

«9 мая [1932 года] Булгаков заключает договор с «Межрабпомфильмом» о переделке диалогов в звуковой картине «Восстание рыбаков» и 18 мая сдает переписанные диалоги 1-й части сценария».

[М. Чудакова]

«Солдат. Красавица! Мне нравятся твои глаза. Ты сколько берешь?

Мария. Печально то, что твои глаза мне не нравятся. В них видно, что денег у тебя нет.

Мария. Лоцман! Да ты не брезгуй мной, меня любили капитаны. Не веришь?

Гуль. Хороший платок.

Мария. А я? Ты погляди... Не расквасишься.

Пастор. Простите, я не постигаю, как могли вы дать обещание, которое нельзя исполнить?

Бредель. Эх, дорогой пастор. Мало ли, что мы обещаем... К примеру, ведь обещаете же вы им царствие небесное?...»

Мне кажется, что нельзя это не процитировать. Для тех, кто полюбил творчество М. Булгакова, каждая его строчка ценная.

Хотя следует учитывать, что подобная работа считалась среди писателей поденщиной. Ею занимались в то время многие — и Бабель, и Шкловский.

В том же году поступают два более солидных приглашения. Вот одно из них:

«[«Межрабпомфильм»] предлагает Вам принять заказ на сценарий комедии...».

Как славно все это начиналось...

III

27 сентября [1933 года]

Миша читал Коле Л.¹ новые главы романа о дьяволе, написанные в последние дни или вернее — ночи.

¹ Николай Лямин, друг Булгакова.

28 сентября [1933 года]

Уговоры Канторовича² дать фильм «Бубкин». Я ему как-то рассказала, что М.А. каждый вечер рассказывает Сергею истории из серии «Бубкин и его собака Конопат». Бубкин — воображаемый идеальный мальчик, храбрец, умница и рыцарь. Его приключения.

Вечером, когда Сергей укладывается, Миша его спрашивает: «Тебе какой номер рассказать? — Ну, семнадцатый. — Ага. Это значит про то, как Бубкин в Большой театр ходил с Ворошиловым. Хорошо». И начинается импровизация.

Канторович говорит, что есть чудесный мальчишка для роли Бубкина.

— Пишите!

Но М.А. занят романом да и не верит в действительность затеи.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Елена Сергеевна, помимо того что она сделала для Булгакова при его жизни и после его смерти, создала трагическую летопись — «Дневник», бесценный материал для потомков.

5 ноября [1933 года]

Журналист — узнать мнение М.А. о пьесе.

М.А., добросовестно прочитав ее, дал всякие советы для исправления ее. С. Ермолинский, бывший при конце разговора, сказал, что один начинающий сценарист притащил ему на просмотр сценарий под названием «Вопль кулацкого бессилья»...

8 ноября [1933 года]

М.А. почти целый день проспал — было много бессонных ночей. Потом работал над романом (полет Маргариты). Жалуется на головную боль.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

В начале 1930-х годов Булгаков в глазах многих окружавших его был завидным автором для кино. Но само кино с предложениями не торопилось.

Скандальная известность «Дней Турбиных», «Зойкиной квартиры» и «Багрового острова» давала себя знать.

В то же время многие самодеятельные авторы просили у него консультаций, полагая, вероятно, что ему это сам бог велел.

Здоровье писателя не блестящее. Сказываются как внешние обстоятельства, так и потрясающая интенсивность творчества.

25 декабря [1933 года]

К 4 часам заехала в Театр за М.А., поехали на Якиманку в Институт

² Журналист, приятель Булгакова.

переливания крови. Брюхоненко очень жалел, что не может показать оживления отрезанной головы у собаки — нет подходящего экземпляра. Показывал кое-какие свои достижения. Но главное — настойчиво предлагал М.А. написать пьесу — вместе с ним, — положив в основу какой-нибудь из его научных опытов.

Тут же приехал его знакомый режиссер из Союзкино с уговорами написать фильм вместо пьесы или и то и другое. Но вместе с тем было ясно, что фамилия Булгаков его пугает. Он все время бормотал, горестно вздыхая:

— Да... ведь вы же сатирик... ведь я помню ваши «Роковые яйца»... да-а... — и качал грустно головой.

Потом и он и Брюхоненко, оба в пиджаках, без пальто, несмотря на сильнейший мороз, выскочили во двор, провожая нас и приглашая еще приезжать к ним.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

IV

«31 марта 1934 г. Булгаков заключает договор с Союзфильмом на сценарий «Мертвых душ» — с обязательством сдать его не позднее 20 августа 1934 г.»

[М. Чудакова]

Газета «Кино»,
4 апреля 1934 г.

«Мосфильм»

ХПО № 1 Московского кинокомбината заключен договор с писателем Булгаковым на написание сценария «Мертвые души» по поэме Гоголя. Сценарий будет осуществлен постановкой в 1935 г. режиссером Пырьевым по окончании своей очередной картины на советском материале.

Срок представления сценария — 25 августа 1934 г. На это время М.А. Булгаков освобождается от всей остальной литературной работы и посвящает себя исключительно писанию сценария».

13 апреля [1934 года]

Вчера М.А. закончил комедию «Блаженство», на которую заключил договор с «Сатирой».

Вчера же была у нас читка, не для Театра еще, а для своих. Были: Коля Лямин, Петя Попов, который приехал на три дня из Ясной Поляны, Сергей Ермолинский и Барнет. Комедия им понравилась.

На днях приходил кинорежиссер Пырьев с предложением делать сценарий для кино по «Мертвым душам». М.А. согласился — будет делать летом.

Решили подать заявления о заграничных паспортах на август – сентябрь.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Вот как описывал И.А. Пырьев эту встречу позднее:

«Войдя в небольшую комнату с книжными шкафами и полками, я с недоумением увидел висящие на стенах аккуратно окантованные, под стеклом, самые ругательные рецензии на спектакли по булгаковским пьесам... Очевидно, хозяин хотел предупредить гостя или посетителя, чтобы тот знал, к кому попал и с кем ему придется иметь дело...

– Чем могу служить? – прервав мое обозрение рецензий, спросил, входя в кабинет, успевший переодеться хозяин.

– Я бы хотел, – назвав себя, смущенно начал я, – чтобы вы написали для меня сценарий «Мертвых душ»...

– Душ? – воскликнул Булгаков. – А каких вам нужно душ?.. И почему вы изволите их покупать?.. – лукаво улыбнувшись, заговорил он со мной языком Гоголя».

[И. Пырьев. Избранные произведения в двух томах]

1 мая [1934 года]

25 апреля М.А. читал в Сатире «Блаженство». Чтение прошло вяло. Просят переделок. Картины «в будущем» никому не понравились.

Вчера у нас ужинали Горчаков, Никитин Вас. Мих., Калинин (д-р), Поль, Дмитриев и Милютин. Встретил их М.А. лежа в постели, у него была дикая головная боль. Но потом он ожил и встал к ужину. Вечер прошел приятно. Все они надели на М.А. с просьбой переделок, согласны на длительный срок, скажем, 4 месяца. (Ведь сейчас М.А. должен работать над «Мертвыми душами» для кино.) Им грезится какая-то смешная пьеса с Иваном Грозным, с усечением будущего. Они считают, что это уже есть, как зерно, в пьесе, в первом появлении Ивана Грозного.

[Дневник Е. С. Булгаковой]

26 апреля 1934 года

«...Совсем ододела работа. Все дни, за редкими исключениями, репетирую (во МХАТе идут в это время репетиции «Мольера» и «Записок Пиквикского клуба», где Булгаков был занят в роли судьи. – Г.Ф.), а по вечерам и ночам, диктуя, закончил наконец пьесу, которую задумал давным-давно. Мечтал – допишу, сдам в театр Сатиры, с которым у меня договор, в ту же минуту о ней забуду и начну писать киносценарий по «Мертвым душам». Но не вышло так, как я думал.

Прочитал в Сатире пьесу, говорят, что начало и конец хорошие, но середина пьесы куда-то совершенно не туда. Таким образом, вместо того чтобы забыть, лежу с невралгией и думаю о том, какой я, к лешему, драматург! В голове совершеннейший салат оливье: тут уже Чичи-

ков лезет, а тут эта комедия. Бросить это дело нельзя: очень душевно отнеслись ко мне в Сатире. А поправлять все равно что новую пьесу писать. Таким образом, не видится ни конца, ни края. А между тем и конец и край этот надо найти».

[Из письма М. Булгакова В. Вересаеву]

Двумя днями позже Булгаков пишет письмо своему другу П.С. Попову:

«...25-го числа читал труппе Сатиры пьесу. Очень понравился первый акт и последний, но сцены в «Блаженстве» не приняли никак. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил. Теперь у меня большая забота. Думал сплавить пьесу с плеч и сейчас же приступить к «Мертвым душам» для кино. А теперь вопрос осложнился.

Я чувствую себя отвратительно в смысле здоровья. Переутомлен окончательно. К первому августа во что бы то ни стало надо ликвидировать всякую работу и сделать антракт до конца сентября, иначе совершенно ясно, что следующий сезон я уже не буду в состоянии тянуть.

Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август – сентябрь. Давно мне уже грезилось.

Средиземная волна и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и, словом, возможность все это видеть. Давно уж с Люсей³ разговаривали о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил незабвенный фрегат «Паллада», и как Григорович вкатился в Париж лет восемь-десять назад. Ах, если бы осуществилось! Тогда уж готовь новую главу – самую интересную.

Видел одного литератора, как-то побывавшего за границей. На голове [его] был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем этот берет купил и приехал. Ни строчки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты?

...Ах, какие письма, Павел, я тебе буду писать! А приехав осенью, обниму, но короткий хвостик покупать себе не буду. А равно также и короткие штаны до колен. А равно также и клетчатые чулки...».

А в начале письма:

«Можешь еще одну главу прибавить – 97-ю под заглавием: «О том, как из БЛАЖЕНСТВА ни черта не вышло».

³ Елена Сергеевна Булгакова.

11 мая [1934 года]

Вчера вечером Пырьев и Вайсфельд по поводу «Мертвых душ». М.А. написал экспозицию.

Пырьев: Вы бы, М.А., поехали на завод, посмотрели бы...

(Дался им этот завод!)

М.А.: Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ниццу.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«В первые дни мая он пишет экспозицию сценария и 9-го, закончив ее, дает телеграмму об этом Пырьеву — режиссеру фильма, — приглашая его на чтение. 10 мая экспозиция обсуждается с Пырьевым и Вайсфельдом, и 17 мая Булгаков пишет «Дополнение» к экспозиции.

[М. Чудакова]

«Экспозиция киносценария

«Похождения Чичикова, или Мертвые души»

по поэме Н.В. Гоголя

...«Мертвые души» — произведение... беспощадно сдергивающее покров с действительности, социальное, общественное и историческое.

Виссарион Белинский

Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего.

Николай Гоголь

Для того чтобы представить поэму Гоголя на экране, ее надлежит подвергнуть значительной ревизии в том плане, чтобы события, совершающиеся в ней, были видимы с точки зрения современного человека.

Высокохудожественное и значительное по объему произведение Гоголя должно быть усечено и прежде всего в том смысле, чтобы отпала его вторая часть, из которой должен быть извлечен для экрана лишь один, и притом важнейший, эпизод, именно арест Чичикова и последующее его освобождение из тюрьмы.

В экранизированной поэме должна быть заманчивая завязка, ясная, точная и сжатая фабула и оглушительная развязка. Действующие лица должны пройти перед зрителем не в виде неподвижных сатирических масок, а в виде реальных живых людей, хорошо ввязанных в

интригу, причем положения, в которые попадают они, должны быть смешны, по возможности, конечно, в высоком плане. Но крайне желательно введение в кинопоэму отступлений, которые бы дали возможность показать, во-первых, лирическую сторону поэмы (сцены Плюшкина — «о, моя юность, о, моя свежесть!..»), а во-вторых, исключительные по силе сатирические отступления, к которым относится баллада о капитане Копейкине. Но какие бы то ни было отступления ни в коем случае не должны нарушать строгой сюжетной линии поэмы.

Главным действующим лицом поэмы явится, конечно, Чичиков — человек исключительной энергии, мошенник, одержимый мыслью нажиться во что бы то ни стало, человек-хамелеон, обладающий искусством нравиться окружающим и совершенно голый в смысле каких-либо принципов.

Очень сжато говоря, поэма должна развернуться на экране таким образом: случайно захватив чужую идею о том, как можно нажиться, скупив у помещиков умерших, но еще не вычеркнутых из списков крестьян, Чичиков является в губернский город, представляющий собою тихое болото, и обольщает администрацию этого города и губернии. Познакомившись с окрестными помещиками, Чичиков поражает Манилова («я полагаю приобрести мертвых...»), получает мертвых от него в подарок, покупает мертвых у Собакевича и совершает крупную ошибку, сделав попытку купить их у Ноздрева. Вырвавшись из рук Ноздрева, встретив в полях губернаторскую дочку, поразившую его сердце, приобретает у Плюшкина и мертвых, и беглых, Чичиков завершает круг своих покупок. Оформив в палате уголовщину, Чичиков вступает в период славы в городе (миллионщик).

На губернаторском балу Ноздрев губит Чичикова, рассказав про мертвых. Происходят сцены смятения в городе. Чиновники доходят до состояния умоисступления, вследствие чего зарождается горячечный рассказ о капитане Копейкине. В довершение всего получается известие о назначении и внезапном приезде генерал-губернатора. Оглушительные события вызывают внезапную смерть прокурора.

Чичиков заболевает. По выздоровлении схвачен генерал-губернатором и ввергнут в тюрьму.

Но генерал-губернатор бессилен уничтожить Чичикова. Мошенники-чиновники за огромную взятку выпускают его вместе с купчими крепостными, и Чичиков отправляется в странствие по николаевской России.

10 мая 1934 г. Москва».

[Б. Егоров]

Вероятно, И. Пырьев и И. Вайсфельд попросили М. Булгакова уточнить фабульную сторону будущего сценария. В связи с этим 17 мая 1934 года было написано «Дополнение к экспозиции...».

«Дополнение к экспозиции киносценария
«Похождения Чичикова, или Мертвые души»
по поэме Н.В. Гоголя

Содержание сценария

В отдельной комнате ресторана Чичиков угощает чиновника из опекунского совета. Чичикову нужно заложить чужое разоренное имение в совете. Ресторан петербургского типа, с силуэтами блестящих гвардейских офицеров и господ. Задача Чичикова щекотлива. Многие из крестьян разоренного имения умерли. Взяточник-чиновник говорит, что это легко обойти, если умершие крестьяне еще не вычеркнуты из списков. У Чичикова рождается блестящая уголовная идея — скупить у помещиков покойных крестьян с тем, чтобы заложить их под видом живых («Ах, я, Аким-простота!..»).

Бричка Чичикова в полях. Чичиков едет скупать усопших. Крестьянское кладбище. Чичиков считает кресты.

Чичиков в губернском городе NN. В трактире расспрашивает пологого («...не было ли повальных горячек в губернии?..»).

Чичиков делает визиты губернской администрации, мимоходом показываясь то у одного, то у другого чиновника, начиная с губернатора. Всех оболстл. Узнал об окрестных помещиках.

Чичиков у Манилова. Оглушение Манилова («...я полагаю приобрести мертвых...»).

Чичиков у Ноздрева (десятитысячный жеребец за четыре тысячи, каурая кобыла, шарманка, перекрашенная бричка). Дикий скандал из-за плутовства Ноздрева во время игры в шашки. Избиение Чичикова и травля его собаками. Еле спасся.

Встреча в полях с губернаторской дочкой. Сердце Чичикова поражено.

У Собакевича. Собакевич запросил по сто рублей за мертвую душу, Чичиков давал по восьми гривен.

Разрушенное, запущенное имение Плюшкина. Фонтан, из которого появляется собирающий хлам Плюшкин. Покупка мертвых и беглых.

Круг покупок завершен. Возвращение в город. Размышления Чичикова над списком купленных. Типы беглых крестьян в наплыве.

Оформление уголовного чичиковского дела в палате.

Пир по поводу чичиковской покупки у полицмейстера.

Пир Селифана и Петрушки в подвале в трактире.

Бал у губернатора. Чичиков в зените славы. Ухаживания за губернаторской дочкой. Внезапное гибельное явление Ноздрева («Ведь вы не знаете, ваше превосходительство, он торгует мертвыми душами...»).

Бегство Чичикова с бала. Ночью, при свечке, раздеваясь, ругает балы. Заболевает.

Смятение в городе. Чиновники собираются, чтобы решить, что та-

кое мертвые души. Чудовищное вранье Ноздрева. Воспаленное воображение почтмейстера создает капитана Копейкина.

Баллада о капитане Копейкине на экране. Страх чиновников доходит до наивысшей степени («Шайка разбойников в лесах»).

В то время, когда почтмейстер создает Копейкина, по полям соседних губерний предшествуемый лихими капитан-исправниками по свежим и кое-как починенным мостам летит из Петербурга генерал-губернатор.

Один из чиновников врывается на совещание и сообщает о том, что едет генерал-губернатор. Прокурор падает и умирает от разрыва сердца.

Чичиков, отлежавшись в номере гостиницы, вздумал выйти, сразу увидел, что скандал из-за негодя Ноздрева принял гибельные размеры. Собирается укладываться, чтобы бежать из города. Негодя Ноздрев и здесь помешал.

Жандармы арестовали Чичикова.

Чичиков валяется в ногах у генерал-губернатора. Громы и молнии.

Чичиков в тюрьме. Проходящие похороны прокурора. Отчаяние Чичикова.

Чиновники за тридцать тысяч рублей дают возможность ускользнуть Чичикову вместе с купчими крепостями.

По тем же самым дорогам, по которым летел грозный, но бессильный генерал-губернатор, Чичиков уезжает продолжать свою деятельность в других местах.

Николаевская Русь. «Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки неприметно торчат среди равнин невысокие твои города... Тоскливая песня от моря до моря...» Кресты, вороны, поля. Николаевская Русь».

[Б. Егоров]

VI

К моменту обсуждения с Булгаковым «Экспозиции» Пырьев находился в довольно сложном положении.

По материалам многотиражной газеты

Московского кинокомбината

«За большевистский фильм»

«Январь 1934 года. Пырьев — «Метрополитен».

Март 1934 года. Пырьев — «Метрострой». Начало запуска 1 июня того же года.

Апрель 1934 года. «План запуска картин сорван! Годовая программа комбината под угрозой.

II квартал также не обеспечен».

«Режиссер Пырьев ориентировался все время на тему «Метро». Был заказан сценарий В. Иванову. Сценарий не удался. Данное фабрикой обязательство о выпуске фильма «Метро» к XVII годовщине Октября выполнено не будет!»

5 апреля 1934 года. «Режиссер Пырьев ориентируется на сценарий «Друзья и герои» Кудрявцева, который должен быть сдан 15 апреля.

23 апреля 1934 года. «Три режиссера — Рошаль, Пырьев и Дзиган до сих пор не обеспечены сценариями. [...] обеспечен сценарием Виноградской «Анка» режиссер М. Ромм. [...] в самом плохом положении находится режиссер Пырьев. Его последняя ориентация на «Друзья и герои» Кудрявцева — провалилась. (Сценарий забракован.) И руководство, и сам режиссер Пырьев снова берутся за тему «Метро».

29 апреля 1934 года. «Привет челюскинцам, доблестным бойцам полярного похода!

Почетная задача — сделать фильм о героическом походе челюскинцев.

В знаменательные дни, когда вся страна, весь мир с небывалым восторгом встретили известие из Уэллена о героическом подвиге советских летчиков, спасших отважных челюскинцев, — руководством нашего комбината была послана телеграмма в Уэллен писателю Семенову и журналисту Громову — участникам похода на «Челюскине» — с просьбой написать сценарий о челюскинском походе.

На днях получен ответ.

«...Москва кинокомбинат, Металлову.

Благодарим товарищеский привет приезде немедленно приступлю работе уверен общими усилиями создадим произведение достойное великого социалистического искусства тчк.

Сергей Семенов».

Фильм о героическом походе челюскинцев будет поставлен на 1-й фабрике Московского кинокомбината режиссером Пырьевым И.А.».

4 мая 1934 года. «Над чем работают режиссеры Московского кинокомбината.

...Пырьев — «Метро». Авторы: Погодин, Габрилович».

VII

«В этот же день [17 мая 1934 года], вернувшись домой после оформления документов для заграничной поездки, Булгаков диктует жене первую главу новой книги, которую он, по словам Е.С. Булгаковой, собирается писать в поездке и по возвращении...»

[М. Чудакова]

«Был май. Прекрасный месяц май. Я шел по переулку, по тому самому, где помещался Театр. [...]»

«Вот когда-нибудь крикнет так машина, а я возьму и умру», — думал я, тыча концом палки в тротуар и боясь смерти.

«Надо ускорить шаг, свернуть во двор, пройти вовнутрь Театра. Там уже не страшны машины, и весьма возможно, что я не умру».

Но свернуть во двор мне не удалось. Я увидел его. Он стоял, прислонившись к стене Театра и заложив ногу за ногу. Ноги эти были обуты в кроваво-рыжие туфли на пухлой подошве, над туфлями были толстые шерстяные чулки, а над чулками — шоколадного цвета пузырями штаны до колен. На нем не было пиджака. Вместо пиджака на нем была странная куртка, сделанная из замши, из которой некогда делали мужские кошельки. На груди — металлическая дорожка с пряжечкой, а на голове — женский берет с коротким хвостиком.

Это был молодой человек ослепительной красоты с длинными ресницами, бодрыми глазами. Перед ним стояли пять человек актеров, одна актриса и один режиссер! Они преграждали путь в ворота.

Я снял шляпу и низко поклонился молодому человеку. Он приветствовал меня странным образом. Именно — сцепил ладони обеих рук, поднял их кверху и как бы зазвонил в невидимый колокол. Он посмотрел на меня пронзительно, лихо улыбаясь необыкновенной красоты глазами. Я смутился и уронил палку.

— Как поживаете? — спросил меня молодой человек.

Я поживал хорошо, мешали мне только машины своим адским криком, я что-то мямлил и криво надел шляпу.

Тут на меня обратилось всеобщее внимание.

— А вы как поживаете? — спросил я, причем мне показалось, что у меня распух язык.

— Хорошо! — ответил молодой человек.

— Он только что приехал из-за границы, — тихо сказал мне режиссер.

— Я читал вашу пьесу, — заговорил молодой человек сурово.

«Надо было мне другим ходом, через двор, в Театр пойти», — подумал я тоскливо.

— Читал, — повторил молодой человек звучно.

— И как же вы нашли, Полиевкт Эдуардович? — спросил режиссер, не спуская глаз с молодого человека.

— Хорошо, — отрывисто сказал Полиевкт Эдуардович, — хорошо.

Третий акт надо переделать. Вторую картину из третьего акта надо выбросить, а первую перенести в четвертый акт. Тогда уж будет совсем хорошо.

— Пойдите-ка домой да и перенесите, — шепнул мне режиссер и беспокойно подмигнул.

— Ну-с, продолжаю, — заговорил Полиевкт Эдуардович. — И вот они врываются и арестовывают Ганса.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — заметил режиссер. — Его надо

арестовывать, Ганса. Только не находите ли вы, что его лучше арестовывать в предыдущей картине?

— Вздор! — ответил молодой человек. — Именно здесь его надо арестовывать и нигде больше.

«Это заграничный рассказ, — подумал я. — Но только за что он так на Ганса озверел? Я хочу слушать заграничные рассказы, умру я или не умру».

Я потянулся к молодому человеку, стараясь не проронить ни слова. Душа моя раскисла, потом что-то дрогнуло в груди, мне захотелось услышать рассказ про раскаленную Испанию. И чтоб сейчас заиграли на гитарах. Но ничего этого я не услышал. Молодой человек, терзая меня, продолжал рассказывать про несчастного Ганса. Мало того, что его арестовали, его еще и избили в участке. Но и этого мало, — его посадили в тюрьму. Мало и этого — бедная старуха мать этого Ганса была выгнана с квартиры и ночевала на бульваре под дождем.

«Господи, какие мрачные вещи он рассказывает! И где он, на горе мое, встретился с этим Гансом за границей? И пройти в ворота нельзя, пока он не кончит про Ганса, потому что это невежливо — на самом интересном месте...»

Чем дальше в лес, тем больше дров. Ганса приговорили к каторжным работам, а мать его простудилась на бульваре и умерла. Мне хотелось нарзану, сердце замирало и падало, машины хлопали и рывкали. Выяснилось, что на самом деле никакого Ганса не было, и молодой человек его не встречал, а просто он рассказывал третий акт своей пьесы. В четвертом акте мать перед смертью произнесла проклятые палачам, погубившим Ганса, и умерла. Мне показалось, что померкло солнце, я почувствовал себя несчастным...

И исчез май».

VIII

Газета «За большевистский фильм»,
19 июня 1934 года

«Исключая Булгакова и О. Форш, темплан 1934 года строится на писателях и сценаристах 1934 года. Новые кадры не привлечены».

В том же номере:

«...режиссер Пырьев с 1 июня (срок запуска «Метро». — Г.Ф.) — в простое. Имея либретто Габриловича «Герой», которое нравится руководству и фабрики и комбината, но не удовлетворяет режиссера, резервным сценарием он также не обеспечен...

Сценарный портфель комбината на сегодня. Имеются договора для режиссеров.

1-я фабрика.

Пом. директора Вайсфельд.

Пырьев, С. Семенов — «Челюскин» — имеется телеграфное согласие. Булгаков — «Мертвые души» — либретто, 15 сентября».

В жизни Булгакова июнь 1934 года полон событиями неординарными.

Его мечта поехать с женой во Францию, где жили два его родных брата, и в Италию и написать об этой поездке книгу разрушена.

«...Самые трезвые люди на свете — это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дожди не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру — катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта раскрыть, как я уже взялся за сердце.

Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку — М.А. Булгакову отказано.

Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавета Воробей! О ней нечего и разговаривать!

Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильной всего все происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перегон — и под откос!

Выбрался я из-под обломков в таком виде, что неприятно было глядеть на меня. [...]

Перед отъездом я написал генсеку письмо, в котором изложил все происшедшее, сообщил, что за границей не останусь, а вернусь в срок, и просил пересмотреть дело... Ответа нет. Впрочем, поручиться, что мое письмо дошло по назначению, я не могу. [...]

[М. Булгаков — В. Вересаеву.
11 июля 1934 года]

«7 июня после напряженной многомесячной непрерывной работы и неожиданной отмены ожидаемой поездки Булгаков заболевает и почти на месяц лишается возможности работать.

11 июня он отправляет письмо Сталину, но ответа не получает.

13 июня вместе с женой он уезжает на гастроли МХАТа в Ленинград, где 20 июня с большим успехом проходит 500-й спектакль «Дней Турбиных».

[М. Чудакова]

«...После всего происшедшего не только я, но и хозяйка моя, к великому моему ужасу, расхворалась. Начались дьявольские мигрени, потом боль поползла дальше, бессонница и прочее. Обоим пришлось лечиться аккуратно и всерьез. Каждый день нам делают электризацию. И вот мы начинаем становиться на ноги.

Ну-с, здесь совершился пятисотый спектакль... — это было двадцатого... Я получил два поздравления: одно из Москвы, а другое — от Сахановского, как от заместителя директора. Оба меня очень обрадовали, потому что оба написаны тепло, нарядно.

И Немирович прислал поздравление Театру. Повертев его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я, очевидно, недостаточно светский человек...

Я пишу «Мертвые души» для экрана и привезу с собой готовую вещь. Потом начнется возня с «Блаженством». Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита и кот и полеты...

Люся прозвала меня Капитаном Копейкиным. Оцени эту остроту, полагаю, что она первоклассная...»

[М. Булгаков — П. Попову.
26 июня 1934 года]

IX

«...Найди Илью Вениаминовича Вайсфельда и попроси его, чтобы он срочно прислал мне в «Асторию» адрес, по которому ему можно будет выслать мой сценарий и по которому я ему смогу писать. Но добавь, что, возможно, сценарий я привезу лично в начале июля. Адрес мне нужен на тот случай, если я задержусь. Скажи, что сценарий я уже заканчиваю.

Также мне нужно знать, сколько времени он и режиссер Пырьев будут в Москве...»

[Продолжение письма М. Булгакова П. Попову.
27 июня 1934 года]

Несмотря ни на что, Булгаков ухитрился вместо либретто, которое он должен был представить 15 сентября, написать к началу июля — сценарий!

«Если тебе не трудно, позвони Вайсфельду... и спроси: «Вы увезли оба экземпляра сценария?» Пусть срочно телеграфирует ответ.

Дело в том, что я обыскал весь номер, нет второго экземпляра. Знает, увезли оба вместо одного.

А сейчас сижу над обдумыванием его переделки.

Люся утверждает, что сценарий вышел замечательный.

Я им показывал его в черновом виде и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди Ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имени Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, — все это подверглось полному разгрому! Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но — боже! — до чего мне жаль Рима!

Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, так что они даже изумились...»

[М. Булгаков — П. Попову.
10 июля 1934 года]

«Фокус с Римом» не прошел у Булгакова вторично. В свое время не принял этот замысел и К.С. Станиславский.

19-го вернулись. Заботы. Звонки телефонные. М.А. диктует мне второй вариант «Мертвых» для кино. Первый делал в Ленинграде, и Пырьев попросил переделать.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«Вторая редакция сценария «Мертвые души» была, по-видимому, завершена 24 июля, сразу по возвращении из Ленинграда».

[М. Чудакова]

Приехал, наконец, Станиславский. Глухо слышно, что «Мольера» он будет выпускать. Немирович еще за границей, должен приехать 19-го августа. Но сейчас же, как говорят, отбудет в Ялту.

М.А. очень мучился, сдавая «Мертвые», — теперь сдан уже третий вариант.

На горизонте — Пырьев и Вайсфельд. [...]

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Третий вариант сценария «Мертвые души» был закончен Булгаковым 12 августа 1934 года и в тот же день сдан на кинофабрику.

Шел Первый съезд советских писателей, и газета кинокомбината «За большевистский фильм» от 25 августа 1934 года была посвящена писателям.

«Первому Всесоюзному съезду писателей, съезду больших революционных страстей, глубоких идей, великих стремлений и порывов — пламенный большевистский привет!

Шире дорогу писателям в кино!

Писатели и драматурги пришли в кино. Наш темплан 1935 года в надежных руках!

Окружим писателей и драматургов, пришедших в кино, любовью и вниманием!»

На первой странице – портрет Максима Горького.

Статья С. Эйзенштейна «Ждем веского слова» с трезвой мыслью в начале: «Кинодраматургия у нас на совсем особом положении. Она на положении той сестрицы, которую не берут на бал», – и с призывом в конце: «...и кинодраматургия ожидает веского слова по этому вопросу от съезда писателей и крепкой помощи в этом деле от литературы в дальнейшем».

Вторая и третья страницы газеты отданы интервью с писателями и сценаристами. Помещены их фотографии: Н. Погодин, И. Шухов, Е. Габрилович, В. Соловьев, Ю. Олеша, И. Бабель, А. Афиногенов... Есть портрет и героя наших заметок. Знаменитый портрет с монограммой.

В многотиражке «За большевистский фильм» напечатано несколько слов М.А. о работе над сценарием «Мертвые души» – и портрет М.А. – в монограмме! Откуда они взяли эту карточку?! Почему не спросили у нас?..
[Дневник Е.С. Булгаковой]

«Я закончил сценарий «Похождения Чичикова, или Мертвые души» по гоголевской поэме.

Ранее, работая над инсценировкой «Мертвых душ» для театра, я убедился в том, что это сложное произведение Гоголя представляет для инсценировщика величайшие трудности.

Превращение «Мертвых душ» в кинопоэму, с моей точки зрения, представляет работу еще более трудную, но увлекательную.

Работа эта, надо сказать, протекала в очень благоприятной обстановке. Режиссер И.А. Пырьев и заместитель директора И.В. Вайсфельд сделали все, чтобы такую обстановку создать. С самых первых шагов они поддерживали со мной постоянную связь, и наши живые беседы значительно помогли мне в поисках способа, при помощи которого можно было бы труднейший в композиционном смысле роман-поэму превратить в стремительную и достаточно острую пьесу для экрана.

Мне понадобилось три варианта, чтобы пройти через все ухабы и добиться результата, который мог бы меня удовлетворить.

М. Булгаков»

15 августа 1934 года сценарий «Мертвые души» был утвержден.

Ночью того же дня [с 15 на 16 августа 1934 года. – Г.Ф.] звонил Вайсфельд с поздравлением: сценарий «Мертвые души» утвержден. Кончились 4-х месячные мучения.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Заметьте, сценарий утвержден на месяц раньше планового срока представления либретто! И автор, и кинематографисты своей энергией и настойчивостью достойны друг друга!

Если бы эта история и дальше развивалась так же...

*Потом еще звонок – «Украинфильм» предлагает делать «Ревизора» для кино. Слышу ответы М.А по телефону:
– Да... да... это меня интересует... да, я с удовольствием возьмусь...*

Это было так непохоже на обычные ответы М.А. – поразило меня... Вечером приехали администратор Катинев (по художественной части) и Бломберг (по финансовой).

Режиссером намечают Дикого.

Обычная картина – милы, любезны. Это уже закон: начало работы. Зовут в Киев, обещают билеты, гостиницу. Завтра привезут договор.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«16 августа 1934 года «Украинфильм» заключил договор с писателем о сценарии «Ревизор» для постановки на Киевской киностудии (режиссер А.Д. Дикий) со сроками представления либретто 25 октября 1934 года, сценария – 25 февраля 1935 года».

[Б. Егоров]

23 августа [1934 года]

Сегодня вернулись из Киева. Мы были там с 18-го по 22-е. На вокзале нас встретили Загорский – помощник директора кинофабрики и Нелли⁴ – режиссер театра Русской драмы.

Поехали в «Континенталь» – ни одного свободного номера. В вестибюле увидели Бориса Эрдмана. Он предложил свой номер в Гранд-Отеле. Мы поехали туда. Большущая комната, пять кроватей, тип общежития. Пришлось остаться, т.к. хотелось отдохнуть.

Потом пришел Загорский и предложил нам остановиться у него на квартире.

Дела:

1) «Мольер» в Театре русской драмы. Им и хочется и колется. Какой-то тамошний Стецкий (по выражению Нелливилада) сказал им:

– Конечно, ставьте.

Но театр боится. Дал на рецензию в Наркомпрос. Рецензент не одобрил: тема о кровосмесительстве. Мы ведь страшно добродетельны! Ну и ладно. Пусть пойдет раньше во МХАТе. Может, и лучше.

2) «Ревизор» в кино. Были две встречи с дирекцией. План М.А. понравился – оба директора начали уговаривать М.А. переехать совсем в Киев, даже квартиру обещали достать.

⁴ Владимир Нелли.

Для М.А. квартира — магическое слово. Ничему на свете не завидует — квартире хорошей! Это какой-то пунктик у него.

25 августа

М.А. все еще боится ходить один. Проводила его до Театра, потом — зашла за ним. Он мне рассказывал, как произошла встреча К[онстантина] С[ергеевича]. Он приехал в Театр в половину третьего. Актеры встретили его длинными аплодисментами.

Речь Константина Сергеевича в нижнем фойе. Сначала о том, что за границей плохо, а у нас хорошо. Что там все мертвы и угнетены, а у нас чувствуется живая жизнь. «Встретишь французенку, и неизвестно, где ее шик?..» Потом педагогическая часть речи. О том, что нужно работать, потому что Художественный театр высоко расценивается за границей!! В заключение — заставил всех поднять руки в знак клятвы, что все хорошо будут работать.

Когда кончил, пошел к выходу, увидел М.А. — поцеловались. Константин Сергеевич обнял М.А. за плечо и так пошли.

— Что вы пишете сейчас?

М.А. говорит, что он еще явственнее стал шепелявить.

— Ничего, Константин Сергеевич, устал.

— Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

Потом вдруг испугался и говорит:

— Впрочем, вы не туда это повернете!

— Вот... Все боятся меня...

— Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул.

В этот же день разговор с Мамошиным.

— Нужно бы нам поговорить, Михаил Афанасьевич!

— Надеюсь, не о неприятном?

— Нет! О приятном. Чтобы вы не чувствовали, что вы — одинокий.

Разговор с Афиногеновым.

— Михаил Афанасьевич, почему вы на съезде не бываете?

— Я толпы боюсь.

— А как вообще себя чувствуете?

М.А. рассказал о случае с паспортами.

Афиногенов: — Как бы вас залучить ко мне?

— Нет, уж лучше вы ко мне. Я постоянно лежу.

— Какой номер телефона?..

Рипси⁵ (все в тот же день):

— Мы спрашивали у Константина Сергеевича, почему вы отказались от «Мольера»? А тот отвечает: — Я и не думал... Рипси (шепотом): — Только на Большой сцене и с хорошим составом!

У М.А. возник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разработки материала. М.А. испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время сам приехал к М.А. и предложил в долг денег. М.А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают.

Вечером М.А. диктовал мне первые наброски «Ревизора» для кино.

29 августа

Вчера пришел по делу Загорский (из Киева), внезапно почувствовал себя плохо, остался ночевать.

М.А. пошел с Колей Лямыным к Поповым, а мы с Загорским проговорили до рассвета о М.А.

— Почему М.А. не принял большевизма?.. Сейчас нельзя быть аполитичным, нельзя стоять в стороне, писать инсценировки...

Почему-то говорил что-то вроде:

— Из темного леса... выходит кудесник (писатель М.А.) и ни за что не хочет большевикам песни петь...

М.А. вернулся с дикой мигренью (очевидно, как всегда, Аннушка зажала еду), лег с грелкой на голове и изредка вставлял свое слово.

Был пятый час утра...

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Х

«Московский кинокомбинат

23 августа 1934 г.

В ГУКФ.

Художественно-производственный отдел.

При сем препровождается на ваше утверждение литературный сценарий Булгакова «Мертвые души», ориентированный на режиссера Пырьева И.А.

Врид. директора кинокомбината
Артамонов.

«Мертвые души»

М.А. Булгакова (на режиссера Пырьева).

Кинематографизацией «Мертвых душ» Гоголя перед автором-сценаристом была поставлена тройкого рода задача:

1) Сохранение всех основных образов поэмы (Чичиков, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин, Манилов) как имеющих исключительное художественно-познавательное значение.

2) Трактовка центральной фигуры вещи — Чичикова — как «миллионщика», предпринимателя, как такого начала в жизни России

⁵ Рипсимэ Карповна Таманцова, личный секретарь К.С. Станиславского.

30-х гг. XIX ст., которое свидетельствовало о нарастании противоположных феодально-крепостническому строю тенденций.

3) Придание сценарию сюжетной стройности (несмотря на огромные трудности этого задания, вытекающие из характера поэмы) и трактовка поэмы как сатирической комедии.

Сюжетные, жанровые особенности сценария должны были исключить тот «хрестоматийный», иллюстраторский, пассивно-натуралистический характер, какой имеют «Мертвые души» в театре.

При всем том автор-сценарист должен был строго придерживаться производственно-плановых лимитов (метраж 2 600). Это последнее с неизбежностью означало, что ряд весьма важных моментов из произведения Гоголя должен был в сценарии выпасть.

Нужно сказать, что автор с успехом справился с поставленным перед ним заданием.

При несомненной сюжетности и комедийности сценария, образы не только не обеднены, но, наоборот, приобрели кинематографическую выпуклость и впечатляемость. В частности, это относится к Чичикову, фигуре странной и необычной, который всем ходом действия показывается как существо живучее, неумиряющее, имеющее более обнадеживающее «завтра», нежели Плюшкины, Маниловы, Собакевичи.

Настоящим вариантом работу над литературным вариантом сценария можно считать законченной.

Остальные — не менее существенные — этапы работы над картиной: режиссерский сценарий, подбор актеров, костюмы и т.д. — само собой потребуют исключительного внимания. Они определяют режиссерскую трактовку «Мертвых душ».

*Врид. директора 1-го ХПО
Вайсфельд».*

На первой странице резолюция:

«Т. Волощенко. Сценарий посылаем в комиссию ЦК.

*Юков.
25.08.34 г.».*

И. Пырьев — М. Штрауху:

«Дорогой Макс!

У меня во всех инстанциях прошел сценарий моей следующей постановки «Мертвые души» по Н.В. Гоголю, — писал Булгаков, — и хотя это тот Булгаков, но сценарий никакого отношения к «Мертвым душам» МХАТа не имеет. Мне трудно распространяться о достоинствах сценария, но одно бесспорно — это интересно, оригинально и, по моему, будет очень занимательно, в сценарии наряду с образами Ноздрева, Собакевича, Манилова и др. — необычайно ярко и интересен,

по-новому интересен Чичиков, роль которого я уже тебе однажды предлагал, а теперь повторяю свое предложение и хочу знать твою принципиальную точку зрения на это дело.

Производственно все дело складывается следующим образом.

С 1-го сентября до 1-го января, т.е. 4 месяца, подготовительный период. С января по апрель съемки в Москве в ателье (с декабря по январь будут репетиции...). С апреля — по июнь натура, в которой Чичиков занят мало. С июня по август монтаж и озвучание. Вот какие производственные сроки.

А материально?.. Материально ты знаешь, что тебя «не обидят» — тем более если в тебе мы так заинтересованы.

Ну вот. Теперь мне бы хотелось получить от тебя письменно до твоего приезда в Москву твое принципиальное отношение к Чичикову и к моему предложению.

Жду с нетерпением.

Уваж. тебя Иван Пырьев

25/VIII [1934 года]»

«Московскому кинокомбинату,
тов. Артамонову
2.09.34

Главное Управление кино-фотопромышленности при СНК СССР утверждает сценарий «Мертвые души» и разрешает пуск его в подготовительный период.

При этом ГУКФ подчеркивает необходимость тщательного проведения подготовительного периода и представления законченного генплана за 2 недели до начала съемок.

*Начальник Художественно-производственного Отдела
Юков [...]*»

*Телеграмма
3.IX 1934 года:*

«Санаторий Цека Рабис Марку⁶ Штрауху Москва — Кисловодск. Жду принципиального ответа на письмо

Пырьев».

Сегодня шестого [сентября 1934 года]. По телефону предлагают М.А. делать для кино «Обломова», М.А. разговоривал вяло.

7 сентября [1934 года]

Съезд писателей окончился несколько дней назад банкетом в Колонном зале...

После обеда и сна диктовал «Ревизора».

Мысль — делать картину из «Следопыта». М.А. очень любит эту вещь.

⁶ Опечатка: следовало — «Максу».

8 сентября [1934 года]

Тип с «Обломовым» пропал. Всё исчезают для нас люди среди бела дня...

10 сентября [1934 года]

Звонил все же насчет «Обломова». Кауфман – придет 12-го.

12 сентября [1934 года]

[...] В то же время – Кауфман. Я говорила с Жуховицким, а М.А. с Кауфманом.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

И. Пырьев:

«...Одним словом, через три месяца сценарий [«Мертвые души». – Г.Ф.] был готов, его единодушно одобрили виднейшие литературоведы, и он был разрешен к постановке.

Начался подготовительный период. Я договорился с Николаем Павловичем Акимовым о художественном оформлении им будущего фильма. Дмитрий Дмитриевич Шостакович согласился писать музыку. Всеволод Эмильевич Мейерхольд обещал играть Плюшкина. На роль Ноздрева был намечен Николай Павлович Охлопков. Юрий Александрович Завадский – на роль Манилова, а Константин Александрович Зубов должен был играть Чичикова...

Уже начали готовиться к пробам. Шить костюмы, делать парики. Как вдруг...»

XI

Отрывки из литературного сценария, поправленного И. Пырьевым:

«Сонная улица. На ней никого...»

«Перед столом раскланивается, повесив руки и выставив зад, Чичиков».

«От понуканий и мужицкой тяжести у лошадей пошел пар...»

«Выпорхнув, она легко вспорхнула...»

«Лакей, захлопнув даму дверцей, закинул ступеньки и, вскочив на задок, крикнул...».

На первой странице сценария сохранились подчеркивания М. Булгакова:

«...Спокой... Секунду никого...».

15 сентября 1934 года И. Пырьев писал М. Булгакову:

«Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Посылаю Вам экземпляр сценария, в котором я сделал кое-какие режиссерские поправочки, прошу за них на меня не обижаться. Дня через два, если позволите, я к Вам лично зайду, и тогда мы эти «поправочки» обговорим, кстати, я Вам сообщу мнение о сценарии т. Храпченко (ЦК ВКП(б)).

[Б. Егоров]

«...Но вдруг..

О, это проклятое слово!..

Уходя навсегда, я уношу в себе неодолимый малодушный страх перед этим словом. Я боюсь его так же, как слова «сюрприз», как слов «вас к телефону», «вам телеграмма» или «вас просят в кабинет».

Я слишком хорошо знаю, что следует за этими словами».

[М. Булгаков. Записки покойника]

15 сентября [1934 года]

От Пырьева получен сценарий «Мертвых душ». Пырьев внес свои изменения, но как-то очень безграмотно выраженные. А на экземпляре – М. Булгаков.

Вечером на собрании жильцов Шкловский говорил М.А., что он написал и сдал сценарий «Ревизор» тому же «Украинфильму».

Позвольте!..

16 сентября [1934 года]

Вечером – Лямин. Миша читал ему несколько глав романа. А после его ухода – до 7 ч. утра разговор – все на одну и ту же тему – положение М.А.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

XII

«ГУКФ – Московскому кинокомбинату

20.09.34 г.

В дополнение к нашему сообщению, разрешающему Вам разработку режиссерского сценария «Мертвые души», посылаем Вам отзыв т. Шумяцкого по этому сценарию.

Одновременно предлагаем Вам всю работу над режиссерским сценарием согласовать с М.Б. Храпченко, регулярно докладывая нам о ходе работы.

Пом. нач. ГУКФ Юков».

«Краткий отзыв на сценарий Булгакова «Мертвые души».

1. Сценарий в данном варианте в значительной мере более зрелое кино-драматургическое произведение, нежели его первые варианты.

В нем более четко выявлена основная художественно-идейная линия — показ буржуазного стяжательства периода первоначального капиталистического накопления России, более цельна, логична и кинетична компоновка сюжета.

2. Однако как удачно ни разрешена эта компоновка, в сценарии все же ощущается какая-то сухость материала, не могущая не отразиться на трактовке отдельных актерских ролей.

Отеплить, очеловечить весь этот драматургический материал, придать ему художественно-артистическую трактовку — основная задача дальнейшей доработки сценария.

Главная черта, которую надо придать сценарию, это углубить характеристику основных героев. Это углубление не может быть проведено только одной детализацией роли, пронизанной элементами лирики и романтики.

Сейчас сюжет чересчур аскетичен. В его рамках трудно разыграть актерам, трудно создать актерский ансамбль.

С введением женского персонажа натянется драматургическая система сюжета и все в нем заживет полноправной человеческой жизнью. Конечно, основным источником, питающим эти новые образы, должен быть оригинал произведения Н.В. Гоголя. Если этой доработки не совершить, ленте угрожает схематизм, в лучшем случае монодраматизм, вроде фильма «Иудушка Головлев».

3. Мне сдается, что конец надо как-то закончить зрительно более эффектно, чем это сделано в сценарии. Хорошо, что Чичиков мчится, вернее, улепетывает на тройке. Хорошо, что он, что-то вспомнив, вдруг сжимается, вскакивает и, стоя на бричке, со злостью грозит кулаком в сторону города. Здесь чувствуется динамика и смысл. Но вот далее, самая концовка: «Пусто... Никого на дороге... Затем пригорок. Затем три старых березы...» Все это растет в мертвый сказ, в простое повествование. А ведь не грешно произведение такого диапазона закончить каким-то ярким образом, каким-то штрихом, растущим в символ эпохи, подытоживающим путь героя.

4. Полагаю необходимым, чтобы тов. Булгаков, с привлечением режиссера, поработал бы над доделкой сценария в указанном направлении.

Борис Шумяцкий.
23.09.34 г.»

Автор, сдав третий вариант литературного сценария, считал свою миссию законченной. Но не тут-то было. Любопытная коллизия завязывается и в Киеве.

21 сентября [1934 года]

Вчера в «Литературной газете» были напечатаны отрывки из сценария Шкловского «Ревизор».

А сегодня Катинов — по телефону: «Они только надеются на М.А. ...» Обложил сценарий Шкловского, сказал, что ему уже давно было сказано в «Украинфильме», что его сценарий не подходит. Но что Шкловский теперь продвигает его по линии Оргкомитета. Чтобы М.А. не обращал на это внимания.

Вечером М.А. писал роман.

Сегодня утром М.А. звонил к Станиславскому.

— Вы, кажется, нездоровы, Константин Сергеевич?

— Я нездоров, но не для вас.

Потом говорили о декорациях к «Мольеру», и К.С. просил М.А. позвонить завтра, чтобы условиться о свидании.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Основания для беспокойства были. Очень долго во всех официальных планах и отчетах «Украинфильма» стояло: «Ревизор» — «по сценарию Булгакова или Шкловского».

XIII

«Отзыв о сценарии «Мертвые души»

«Мертвые души» Гоголя — материал чрезвычайно интересный для кинематографического воплощения, но вместе с тем и очень сложный. Трудности вытекают из идейно-художественных особенностей произведения Гоголя. Гоголь взял почти исключительно дворянскую Россию; «Мертвые души» не имеют широко развернутой сюжетной линии; это произведение по своей композиции в значительной мере статично.

Задача сценариста должна была заключаться в определении преодолений этих особенностей произведения словесного искусства. Нужно сказать, что сценаристу это во многом не удалось. Сценарий развертывает один за другим ряд гоголевских образов — вне определенной социально-исторической их обусловленности.

Основным недостатком сценария является отсутствие крепостной деревни. Гоголевские образы взяты изолированно от конкретной социальной обстановки. Ссылка на то, что этого нет в «Мертвых душах», вряд ли может быть признана основательной. Экранизация «Мертвых душ» неизбежно должна сопровождаться преодолением реакционных сторон мировоззрения Гоголя, выраженного в «Мертвых душах». Стремись к точному соответствию с гоголевским текстом — сценарист ввел

сцену с крестьянами (во второй главе — Манилов, стр. 11), но она звучит явно фальшиво, — тем более, что это одна из немногих «крестьянских» сцен (2 сцены). Сценарий не дает достаточного представления о тех реальных условиях, в которых действуют гоголевские герои, не дает представления об эпохе.

В первой своей половине (части 1–3) сценарий в достаточной мере статичен. Статичность «Мертвых душ» — не преодолена. А это можно было бы сделать введением ряда сцен, характеризующих реальную обстановку эпохи.

Некоторые образы в сценарии «обеднены». Несомненно «обеднен» Плюшкин. Он взят со стороны скорее внешних деталей, чем со стороны его внутреннего содержания. Духовное оскудение, распад человека в Плюшкине, выявленные жаждой накопления, — в сценарии не раскрыты. Бедно передано в сценарии и мечтательство в соединении с пустотой в образе Манилова. Бессодержательная выпренность Манилова не отражена в его речи. «Обедненным» представляется и образ Чичикова. На первый план выступает галантность Чичикова, его хищническое существо в сценарии достаточно не показано.

Основное же в образе Чичикова — именно это сочетание внешней культуры с хищничеством. Несколькими деталями нужно было дать представление о том, что Чичиков отнюдь не начинающий приобретатель, а что это опытный делец — прошедший большой путь афер и спекуляций. Пролог же сценария может создать иное впечатление.

То, что Чичиков — представитель новых социальных сил (периода первоначального накопления), использующий любое средство в целях приобретательства, — подчеркнуто недостаточно.

Кажутся лишними такие эпизоды, когда Чичиков у ряда встречных спрашивает — «не было ли в этих местах повальной горячки».

Не имеет внутреннего стержня часть шестая. Остается непонятным — почему происходит в городе такая сумятица. Сценарист не использовал тех мест, которые есть у Гоголя в «Мертвых душах».

*Храпченко,
Кинокомиссия ЦК партии.
3.10.34 г.»*

«Фабрика «Художественный фильм» № 1,
15.10.1934,
№ 957.
В ГУКФ, тов. Юкову.

Согласно распоряжения ГУКФ об утверждении сценария «Мертвые души» и пуске его в подготовительный период, Комбинат пустил картину в подготовительный период с 1 сентября с.г.

К настоящему времени группой реж. Пырьева проделана значительная работа по изучению и подбору материалов: проведены беседы

с литературоведами гг. Каменевым Л.В., Головинченко и имеется постоянный контакт в работе с тов. Храпченко; достигнута договоренность с художниками, композиторами, основными актерами.

Для обеспечения начала съемок павильона в январе 1935 г. и весенней природы сейчас необходим широкий разворот работы, связанный прежде всего с заключением договоров с актерами и др. работниками группы.

Осуществление этой работы требует уже значительных затрат.

Между тем тех двухпроцентных сумм, которые разрешается расходовать до утверждения сценария директивными инстанциями, уже недостаточно.

В связи с этим Комбинат просит у вас окончательного ответа об утверждении сценария директивными инстанциями и санкции на широкое развертывание подготовительных работ.

*Директор Кинокомбината Металлов,
директор I Фабрики Саврасов».*

15 октября [1934 года]

Сегодня М.А. диктовал мне вечером сценарий «Ревизора» (черновик) [...].

16 октября [1934 года]

К вечеру звонок Катинова, приглашает вместе с ним и Загорским М.А. ехать к Дикому на совещание по поводу «Ревизора». М.А. отказался по нездоровью. Тогда звонок Дикого — он тоже нездоров. Поладили на том, что встретятся, когда выздоровеют.

А приедут к нам сегодня Загорский и Катинов. Вот и жду их. Ночью.

Они были: Загорский, Катинов и третий, неизвестный, отрекомендовавшийся: Абрам Львович... (фамилию не расслышали), — маленький военный с красными петлицами и с револьвером. М.А. читал черновик (первый) «Ревизора».

За ужином критиковали. Загорский и Абрам Львович говорили, что действие надо вынести больше за пределы павильона и сократить словесную часть. Катинов произнес речь, наполненную цитатами, но абсолютно беспредметную. Угощала их, чертей, рябиновой водкой, икрой, яичницей, закусками.

18 октября [1934 года]

Днем были у В.В. Вересаева. М.А. пошел туда с предложением писать вместе с В.В. пьесу о Пушкине, т.е. чтобы В.В. подбирал материал, а М.А. писал. Мария Германовна встретила это сразу восторженно.

Старик был очень тронут, несколько раз пробежался по своему уютному кабинету, потом обнял М.А. В.В. зажегся, начал говорить о Пушкине, о двойственности его, о том, что Наталья Николаевна была вовсе не пустышка, а несчастная женщина.

Сначала В.В. был ошеломлен — что М.А. решил пьесу писать без Пушкина (иначе будет вульгарной), — но, подумав, согласился.

Пришли домой — письмо с фабрики, требуют поправок к «Мертвым душам» — какая мерка⁷.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

XIV

«Уважаемый тов. Булгаков!

Настоящим сообщаем вам, что вышестоящими инстанциями даны дополнительные указания по исправлению сценария «Мертвые души».

Полагаю, что вы больше, чем кто-либо другой, заинтересованы в судьбе сценария, а следовательно, и картины «Мертвые души», и учитывая, что привлечение нового автора к осуществлению переделок вряд ли целесообразно как с точки зрения существа сценария, так и с точки зрения вашего правового положения как автора, ниже излагаем основные исправления, которые мы вам предлагаем внести в сценарий.

1. Усилить моменты, характеризующие тот социальный фон, на котором разворачивается действие (слухи о мертвых душах, проникающие в деревню и приобретающие там уродливую форму; губернатор, приезжающий в город не только по чичиковскому делу, но и потому, что в губернии неблагополучно; сцена в кабаке с Селифаном и Петрушкой; торговля Чичикова с кузнецами; «Вшивая спесь»; отдельные пейзажные вставки).

2. Усилить роль «дамы приятной во всех отношениях» (заключение Чичикова на балу, приход к Чичикову в номер).

3. Ввести сон Чичикова на кладбище (фантазмагория с «оживающими» мертвыми душами)».

[Б. Егоров]

Пометка рукой М.А. Булгакова на полях:

«получил 18.10.1934 года вечером. Вручено мне на квартире Г.П. Кузнецовым.

М. Булгаков».

19 октября [1934 года]

М.А. диктует второй вариант сценария («Ревизор»).

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«В дирекцию 1-й кинофабрики.
Тт. Саврасову и Вайсфельду.

Уважаемые товарищи! В ответ на ваше письмо, которое мне 18.10.34 передал т. Кузнецов, сообщаю вам, что я согласен произвести в сценарии «Мертвых душ» те переделки, которые указаны в письме, но при условии, что эта работа будет оплачена фабрикой.

По нашему договору фабрика могла потребовать от меня переделки сценария два раза. Дважды мною и были произведены переделки, после чего сценарий был принят фабрикой. Вновь предложенная мне работа не входит в мой договор и должна быть оплачена отдельно.

Прошу на это письмо срочный ответ, так как я чрезвычайно загружен другими работами и должен знать свои сроки.

Меня крайне удивило то, что вы пишете в письме о возможности привлечения другого автора для осуществления переделок. Фабрика не имеет права вводить в мою работу никакого другого соавтора.

Условия, которые я излагаю в этом письме, были мною сообщены 18.10 т. Кузнецову, но от него до сего времени нет ответа. 22 октября 1934 г.

М. Булгаков».

[Б. Егоров]

Газета «Кино»,
22 октября 1934 года

«Гоголь на экране

Трест «Украинфильм» намеревается выпустить в 1935 году две звуковых фильмы по произведениям Н.В. Гоголя. Для постановки фильма «Ревизор» дирекция Киевской кинофабрики пригласила реж. А. Дикого.

Сценарий разрабатывают М.А. Булгаков и В.Б. Шкловский. Начало постановки этой картины планируется на май 1935 г. с таким расчетом, чтобы к концу будущего года фильма вышла в прокат».

24 октября [1934 года]

Сегодня дописала под диктовку М.А. сценарий «Ревизора».

М.А. созвонился с Андреем Андреевичем по поводу свидания с доктором Берг. М.А. решил лечиться гипнозом от своих страхов.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«Врид. директора Московского кинокомбината тов. Артамонову 25.10.1934 г.

Главное управление кино-фотопромышленности при СНК СССР ставит Вас в известность, что сценарий Булгакова «Мертвые души» директивной инстанцией предложено переработать согласно указаний тов. Храпченко.

Заключение тов. Храпченко Вам было своевременно передано.

Нач. ГУКФ Шумяцкий».

⁷ наверное, здесь описка.

3 ноября [1934 года]

...Сегодня я была на генеральной «Пиквика». Должны были быть оба старика. Но у Станиславского поднялась температура, тогда и Немирович не поехал.

Публика принимала реплики М.А. (он судьбу играет) смехом. Качалов, Кторов, Попова и другие мне говорили, что он играет, как профессиональный актер.

Костюм — красная мантия, белый завитой парик. В антракте после он мне рассказывал, что ужасно переволновался — упала табуретка, которую он смахнул, усаживаясь, своей мантией. Ему пришлось начать сцену, вися на локтях на кафедре. А потом ему помогли — подняли табуретку.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«М. Булгаков писал И. Пырьеву 5 ноября 1934 года:

Милый Иван Александрович!

При просмотре экземпляра сценария «Мертвых душ», переписанного с Вашими режиссерскими добавлениями, я обнаружил многие вещи, которые следует немедленно исправить. В частности, на балу Вы ввели менуэт. Я не могу сейчас сделать срочной проверки танцев того времени, но и без этой проверки могу сказать, что на губернаторском балу менуэт в чичиковские времена никак танцевать не могли. Менуэт надо убрать.

Далее: на 56-й странице у Вас введен урядник. Урядники появились в России в 1878 году. Следовательно, урядника надо немедленно убрать.

Еще: на странице 41-й введена странная надпись: «Несравненно замечательное впечатление он произвел на дам...» Такой надписи быть не может!

Вообще весь сценарий содержит такое множество стилистических ошибок и всякого рода искажений, что его надлежит немедленно править. И я прошу Вас прислать мне экземпляр для того, чтобы я его выправил, с этого выправленного переписать и лишь тогда давать его читать. Я не хочу отвечать за те ошибки, которые в нем содержатся. На сценарии стоит моя фамилия, и я, как автор, настаиваю на том, чтобы текст был мною выправлен.

Я надеюсь, что Вы меня познакомите и с режиссерским сценарием.

Нам следовало бы повидаться с Вами и потолковать.

Дополнения, которые от меня требовались, я сегодня сдаю т. Кузнецову.

Желаю Вам успеха в работе.

Ваш М. Булгаков».

[Б. Егоров]

5 ноября М. Булгаков отправляет на студию дополнения, сделанные им к третьему варианту сценария «Мертвые души».

Согласно отчетным документам киностудии 13 ноября 1934 года ГУКФ увеличило лимит на «Мертвые души» до 1 миллиона 300 тысяч рублей.

18 ноября писатель сдает новые поправки к третьему варианту сценария.

В тот же день происходит одно из «обыкновенных чудес» кино.

18-го [ноября 1934 года]

...были мы у Дикого, и тут выяснилось, что он и не собирался ставить «Ревизора». Дикий говорил о том, что Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить, в том числе и он. Все это прелестно, но зачем же он в таком случае подписывал договор?

26 ноября [1934 года]

У М.А. масса работы. Кроме того, иногда приходят советоваться. Вчера к нему обратился за помощью капельдинер — написал пьесу.

...Сегодня звонили из Тифлиса, с какой-то кинофабрики, — приглашают М.А. тут же ехать в Тифлис — есть работа в кино. [...]

После этого — Каростин, которого прочат в режиссеры «Ревизора».

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«Милый Михаил Владимирович⁸.

Мы с М.С. Каростинным очень хорошо столкнулись по поводу «Ревизора», и я прошу, чтобы ставил Каростин.

Полагаю, что будет толк, а он необходим всем нам при этой очень серьезной работе.

Мы с М.С. наметили примерно и наш метод, который и начнем применять, когда М.С. вернется из Киева.

Кроме того, я обращаю Ваше внимание на то, что в газетах все время появляются заметки, в которых сообщают, что «Ревизор» для «Украинфильма» написан Шкловским.

Мало этого. Наконец появилось и газетное сообщение о том, что сценарий сделан мною и Шкловским.

Это меня ни в коей мере не устраивает.

Я уже говорил Катинину об этом и прошу Вас настойчиво дать информацию в газеты о том, что М. Булгаков работает над сценарием «Ревизор» для «Украинфильма».

Итак, посылаю Вам дружеский привет.

М. Булгаков.
Я тоже. Е. Булгакова.
Москва, 26.XI. 34 г.»

⁸ М.В. Загорский.

26 ноября [1934 года]

Каростин едет в Киев. М.А. дал ему письмо Загорскому.

Вечером — Ильф и Петров. Пришли к М.А. советоваться насчет пьесы, которую они задумали.

После этого М.А. пошел к Вересаеву — обратно до Смоленской площади его проводил В.В., а потом шел один. Говорит, что страхи притупились.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«Уважаемый тов. Булгаков!

Настоящим доводим до Вашего сведения, что сделанные Вами поправки к сценарию «Мертвые души» для внесения их в режиссерский сценарий не могут удовлетворить фабрику.

Несмотря на то, что характер и текст поправок был[и] точно и в подробностях известны Вам из сообщений режиссера Пырьева, все сделанные Вами поправки либо противоречат заданию, либо если не противоречат, носят неглубокий характер и настолько литературно не доработаны, что не могут быть органично связаны с остальным текстом сценария.

Сожалеея об этом обстоятельстве, тем более непредвиденном, что автор поправок и сценария — одно и то же лицо, которое всегда обнаруживало искреннее и ревностное отношение к работе над сценарием, — фабрика все же вынуждена отказаться от предложенных Вами поправок.

*Директор фабрики Саврасов,
зам. директора по худ. части Вайсфельд.
27 ноября 1934 г.»*

Многотиражная газета «За большевистский фильм»,
17 ноября 1934 года

«Мертвые души» — режиссер Пырьев, оператор Солодовников, начальник группы Г. Кузнецов.

Режиссер Пырьев находится в доме творчества «Абрамцево», где заканчивает разработку режиссерского сценария. Одновременно съемочная группа ведет подготовительную работу.

1 декабря т.г. по плану группа должна приступить к съемкам».

9 декабря [1934 года]

...Случайная встреча с Р. Спросил, над чем работает Миша.

Я сказала, что Михаил Афанасьевич сейчас очень занят, тут и пьеса для «Сатиры», и кино — но главное — это его новый замысел — его работа над Пушкиным вместе с Вересаевым...

[Дневник Е.С. Булгаковой]

XVI

10 декабря [1934 года]

Были: Загорский, Каростин и Катинов. Загорский в разговоре о «Ревизоре» говорил, что хочет, чтобы это была сатира.

Разговоры все эти действуют на Мишу угнетающе: скучно, ненужно и ничего не дает, т.к. не художественно. С моей точки зрения, все эти разговоры — бессмыслица совершенная. Приходят к писателю умному, знатоку Гоголя — люди нехудожественные, без вкуса, и уверенным тоном излагают свои требования насчет художественного произведения, над которым писатель этот работает, утомляя его безмерно и наводя скуку.

Угостила их, чертей, вкусным ужином — икра, сосиски, печеный картофель, мандарины.

И — главное, Загорский все это бормотал сквозь дремоту.

14 декабря [1934 года]

Пырьев предлагал Дмитриеву писать «Мертвые», Дмитриев отказался...

15 декабря [1934 года]

Р. должен был позвонить и не позвонил.

Уж не начинаются ли опять мистические истории?

Хотя с Грузией мы ошиблись: они на днях опять звонили, звали в Тифлис. Миша говорит: «весной».

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«13.XII.34 г.

Уважаемый Михаил Афанасьевич.

Направляя Вам режиссерский (монтажный) сценарий «Мертвые души», обращаемся с просьбой сообщить свое мнение по сценарию.

*Директор 1-й фабрики Саврасов,
зам. директора по художественной части Вайсфельд».*

17 декабря 1934 года

От Вайсфельда с Пырьевым при короткой записке экземпляр режиссерский — «Мертвые души» — просят сообщить мнение.

22 декабря [1934 года]

Портной мхатовский Шейдельман приходил мерить М.А. костюм. Рассказывал, что по распоряжению Станиславского все костюмы к «Мольеру» будут из бархата и парчи.

Вечером звонок — какая-то ученица Театральной школы просит сплести сцену из «Турбиных»...

У М.А. — Каростин, работа над «Ревизором». М.А. боится, что не справится: «Ревизор», «Иван Васильевич» и надвигается «Пушкин». А его тянет к роману.

29 декабря [1934 года]

Я чувствую, насколько вне Миши работа над «Ревизором», как он мучается с этим. Работа над чужими мыслями из-за денег.

И безумно мешают работать над «Пушкиным».

Перегружен мыслями, которые его мучают.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

«Московский кинокомбинат

29 декабря 1934 г.

ГУКФ, Художественно-производственный отдел.

Направляя Вам два экземпляра режиссерского сценария «Мертвые души», сообщаем, что в основу режиссерской разработки были положены: литературный сценарий Булгакова, отзывы начальника ГУКФа тов. Шумяцкого и тов. Храпченко. Главное внимание было обращено на придание сценарию наибольшей сюжетной стройности, усиление роли Чичикова как выразителя «буржуазного стяжательства эпохи капиталистического накопления», на более яркую обрисовку социального фона, на большую выпуклость характеристик главных действующих лиц.

Сценарий требует еще отдельных доработок, а именно:

1. Доведения его до нормального метража путем устранения длиннот, как межэпизодных, так и внутриэпизодных.
2. Группе даны указания о сокращении объема и количества декораций в павильоне и сооружений на натуре, а также:
3. Сокращений фигур путем синтеза характеров и образов.
4. Усилить характеристику Плюшкина и отдельных действующих лиц.
5. Требуется тщательная проработка музыкальной части сценария в соответствии с тематическим заданием и жанровыми особенностями (поэма).

Сложность постановки «Мертвые души» требует исключительного качества подготовительной работы и обеспечения режиссера Пырьева авторитетным творческим коллективом (художник, композитор, актеры и т.п.).

Вместе с тем считаю своей обязанностью предупредить Художественно-производственный отдел ГУКФа, что постановка «Мертвые души» будет стоить свыше миллиона рублей в силу двух причин: необходимости максимально качественно постановочно поднять фильм, а также по той причине, что при существующей системе производства фильм на Московском комбинате себестоимость последних чрезмерно высока и инерция даст себя почувствовать еще на протяжении значительного

промежутка времени, совпадающего с периодом производства картины «Мертвые души».

Директор Кинокомбината Бабицкий
Правильно: В. Волощенко».

Многотиражная газета «За большевистский фильм»,
31 декабря 1934 года

«И. Вайсфельд. Готовность 1-й фабрики к темсовещанию:

...Сейчас мы имеем десять сценариев и четыре расширенных либретто: [...] «Мертвые души» — Булгакова [...] «Анка» — Виноградской.

[...] Несмотря на наличие свободных сценариев, есть режиссер, который не имеет конкретного сценария. Речь идет о М. Ромме, который после годовой работы с автором внезапно отказался от постановки «Анки» — Виноградской».

Вспоминает Михаил Ромм⁹:

«...Когда же «Пышка» была сделана, я в это время работал вот над чем. Катерина Виноградская писала сценарий, из которого впоследствии был сделан «Партбилет» Пырьева. Назывался этот сценарий «Анка». Мне очень нравилась Катерина Виноградская, я был большим поклонником ее таланта и большим другом ее семьи...

Но когда этот сценарий был сделан (кстати, он не похож на «Партбилет», потому что там дело происходит среди рабочих, сюжет совсем другой), мне сценарий показался хотя и очень интересным, но совершенно для меня чуждым.

...Сказать ей [Виноградской], что мне этот сценарий не нравится, было огромным испытанием для меня. Но я вынужден был это сказать. Была тяжелейшая сцена. Виноградская прежде всего молчала полчаса. И это была пытка. Разговор перешел в чисто моральный аспект. Я действительно чувствовал себя сволочью. Она сказала: вот так меняются люди, что-то в этом роде. [...]

Шумяцкий очень рассердился. [...] У нас получился очень резкий конфликт, и Шумяцкий сказал: «Ну вот что, если будете со мной работать, будете делать вот этот сценарий, будете человеком. Если нет, то я вас сурово покараю.

— Ну, карайте».

31 декабря [1934 года]

Кончается год.

Господи, только бы и дальше было так!

[Дневник Е.С. Булгаковой]

⁹ Ромм М.И. Избранные произведения. В 3-х томах. — М.: Искусство, 1980.

XVII

«— Вот и нужно было не спорить, — тихо сказал Бомбардов, — а отвечать так: «Очень вам благодарен, Иван Васильевич, за ваши указания, я непременно постараюсь их исполнить». Нельзя возражать, понимаете вы или нет? На Сивцевом Вражке не возражают».

[М. Булгаков. Записки покойника]

*Газета «Кино»,
4 января 1935 года
И. Пырьев:*

«С волнением и тревогой я начинаю труднейшую работу: постановку картины «Мертвые души» по поэме Н.В. Гоголя. Этим я буду занят весь 1935 г.

Используя материал поэмы, беспощадно вскрывающей низость и гнет николаевской эпохи, я хочу показать миллионам зрителей Советского Союза Россию Ноздревых, Маниловых, Собакевичей и Плюшкиных, веками паразитировавших на спинах крепостных крестьян и потому совершенно разложившихся, потерявших облик человеческого существа.

Чичиков — центральный образ. Одержимый страстью стяжательства, жадной обогащения, он сочетает в себе хитрость, мстительность и дипломатическую гибкость со звериной хваткой волкодава. Чичиков — мировой образ. Это прототип Ставицкого, Детердинга, Базиля Захарова и прочих хищников, действующих в наши дни на мировой арене капитализма.

Сценарий готов. Он написан известным драматургом М.А. Булгаковым при моем ближайшем участии. Над постановкой вместе со мной работают Левшин — режиссер-ассистент, Желобинский — композитор, А. Солодков — оператор, П. Павлов — звукооператор, М.В. Бабенчиков — консультант, Н. Минаев — начальник группы».

4 января [1935 года]

Сегодня целый день вспоминали знаменитый разговор с Ольгой¹⁰ вчера. Смысл его в том, что назначено чтение новой пьесы Афиногенова, о которой Немирович, по словам Оли, сказал, что это «очаровательный эскиз». Кроме того, она сказала, что надо по-человечески пожалеть Афиногенова — и «Ложь» не вышла, и «Портрет» не вышел, а он с чисто большевистской энергией все пишет и пишет!..

Нет, не могу я его жалеть. Я слушала ее, молчала и только смотрела на нее таким взглядом...

Это мне говорить о жалости к Афиногенову. Мне, жене Миши, которого травили и душили в продолжение всей его литературной жизни!..

Я сказала только одно, что если на этот раз Театр выкинет новое издевательство с «Мольером» — это ему не пройдет даром!

Я не знаю, кто и когда будет читать мои записи. Но пусть не удивляется он тому, что я пишу только о делах. Он не знает, в каких страшных условиях работал Михаил Булгаков, мой муж.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

В фонде В.Б. Шкловского сохранилась не правленая стенограмма его выступления на обсуждении режиссерского сценария И. Пырьева «Мертвые души» в Доме кино 5 января 1935 года.

«Тов. Пырьев зачитывает сценарий.

Шкловский. Товарищи, я просмотрел сценарий. 900 с чем-то кадров. Мы себя уговариваем, что можно длинно снимать, это любительская линия, по которой мы идем. [...] 935 кадров — это такая длина, которая не может войти в картину.

Сценарий этот ультрарежиссерский, потому что в нем нет времени [...].

Нужно написать другой сценарий [...].

У Гоголя эта вещь построена на принципе тайны [...].

Булгаков и Пырьев сняли эту тайну. Булгаков начал с того, что Чичиков перевозит контрабандой кружева через границу. Можно ли заменять сюжет этой величайшей вещи [...].

К сожалению, инсценировщик идет не по следам Гоголя, а по следам «дамы приятной во всех отношениях» [...].

Не то звено вы взяли в «Мертвых душах», из-за чего стоит эту вещь инсценировать [...].

Там романтическая линия была сильной и шла параллельно с линией реалистической. Здесь она дана малоубедительно, через кобзаря. Почему кобзарь? Потому что Гоголь украинец [...].

У меня впечатление такое, что этот опыт инсценировки пока что не удался [...].

В конце полагается хвалить. Пырьев умеет выстроить сценарий, Булгаков сделал скучный спектакль [...].

Над вами тяготеет Художественный театр [...].

Свифт говорил — если есть детей, так есть крупных, маленькие не удовлетворяют аппетит и оставляют угрызения совести.

Вы грабьте Гоголя и грабьте старую советскую кинематографию, которая многому научила».

*Многотиражная газета «За большевистский фильм»,
11 января 1935 года*

¹⁰ О.С. Бокшанская — сестра Е.С. Булгаковой, секретарь В.И. Немировича-Данченко.

«К итогам работы Московского кинокомбината в 1934 г.
...в небольшом проценте переходят..
«Мертвые души»... 6%

Особого внимания к себе требует то обстоятельство, что комбинат, вступая в 1935 год, имеет большой прорыв по заготовкам сценариев...

Данные о выполнении производственно-тематического плана по Московскому кинокомбинату за 1934 г.

«Мертвые души», сценарий Булгакова, режиссер Пырьев. В плане не значилась. Фильма находится в подготовительном периоде».

*Газета «Вечерняя Москва»,
20 января 1935 года*

«Мертвые души»

На кинофабрике Московского кинокомбината режиссер Ив. Пырьев начал снимать звуковой фильм «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

Сценарий написан М.А. Булгаковым и Ив. Пырьевым.

Музыку к фильму пишет композитор В. Желобинский».

Сообщение газеты о композиторе было верным, все остальное не соответствовало действительности.

28 января 1934 года Е.С. Булгакова писала И. Пырьеву:

«Уважаемый Иван Александрович,

Вот уже в течение месяца я никак не могу добиться, чтобы Вы пришли обсудить вопрос о режиссерском сценарии «Мертвые души», который прислан с 1-й фабрики для дачи Мих. Аф. своего мнения.

Я очень прошу Вас пожаловать к нам в ближайший день.

Кроме того, я прошу Вас сообщить мне, что означает заметка в «Веч. Москве» от 20.01 сего года, в которой сообщается, что сценарий «Мертвых душ» написан Булгаковым и Вами.

Елена Булгакова».

Идет подготовительный период, запуск в съемочный явно запаздывает, а режиссер уже месяц не идет к автору.

На то, как выяснилось, были свои причины...

XVIII

*«В Управление по охране авторских прав. Тов. Г.М. Танину
Уважаемый Георгий Михайлович!*

*Вот копия письма, которое я получил от 1-й фабрики 18.10.34 г. [...].
Все затребованные здесь поправки были мною произведены по точной договоренности с режиссером. Тем не менее фабрика написала мне, что они не удовлетворены, и ни одна из них в режиссерский сценарий не была введена, за исключением эпизода с «дамой приятной во всех отношениях», который был разработан режиссером Пырьевым почему-то с отступлением от моего плана и, с моей точки зрения, не к улучшению сценария.*

Вместо же указанных поправок, о которых фабрика сообщает, что они затребованы вышестоящими организациями, по ходу режиссерского сценария введен ряд изменений, ничего общего с указанными поправками не имеющих.

М. Булгаков, Москва, 10.02.35 г.»

*«В Управление по охране авторских прав
Я ознакомился с письмом 1-й Кинофабрики, адресованным в Управление по охране авторских прав. Сообщаю:*

Никакое разрешение на внесение каких бы то ни было поправок к моему авторскому сценарию я не давал, поэтому вся ответственность за такие поправки, сделанные без моего ведома и согласия, ложится на кинофабрику, кому бы она это ни поручала. Тем более что, насколько я ознакомился с режиссерским сценарием т. Пырьева (который, как мне известно, является монтажным листом, а не авторским сценарием), внесенные им поправки не имеют ничего общего с теми указаниями, которые мне были сообщены фабрикой, как указания вышестоящих инстанций, и в соответствии с которыми я поправки внес, хотя это и не входило в мои обязанности, поскольку фабрика мой сценарий, дважды переделанный, приняла, полностью оплатила, одновременно премировав меня «при пуске сценария в производство» (см. договор).

Таким образом, я считаю:

- 1. Что фабрика нарушила мое право и существующие законы тем, что без моего ведома и согласия переделала мой сценарий.*
- 2. Что т. Пырьев, автор монтажного листа, никаких прав в результате этих переделок не приобрел и соавтором сценария не сделался.*
- 3. Что фабрика вольна оплачивать его труд по переделке любым порядком без ущемления в дальнейшем моих авторских прав и что, повторяю, всю ответственность за такого рода действия как передо мной, так и перед общественностью и руководящими органами несет фабрика, которую я прошу Управление поставить об этом в известность.*

М. Булгаков, 11.02.35 г.»

*«Директору Московского кинокомбината
Копии: Союз советских писателей (Драмсекция),
ГУКФ, тов. Шумяцкому,
тов. Булгакову*

На Ваше письмо от 31 января с.г. № 31 при этом препровождаем копии писем М.А. Булгакова от 10 и 11 февраля с.г.

Вполне разделяя соображения, приводимые автором сценария «Мертвые души» — т. Булгаковым, Управление по охране авторских прав обращает Ваше внимание, что Кинокомбинатом допущено нарушение законов об авторском праве тем, что поправки и изменения сценария были по поручению Кинокомбината произведены т. Пырьевым без согласования с автором. Оставляя в стороне вопрос о соавторстве тов. Пырьева по сценарию, который, как видно из Вашего письма, никем не возбуждался и сообщение о котором в печать было дано помимо Дирекции фабрики, Управление по охране авторских прав считает, что каковы бы ни были объем и характер внесенных в сценарий изменений, они должны быть обязательно согласованы с автором сценария, о чем Управление и просит Кинокомбинат.

Вместе с тем Управление считает, что Кинокомбинату необходимо дать в печать сообщение, что помещенная в газете «Вечерняя Москва» от 20.01 с.г. № 17 информация о фильме «Мертвые души» в части указания автора сценария является неточной, так как автором его является только т. Булгаков.

*Зам. директора Управления Величкин,
юриисконсульт Городецкий».*

Резолюция К. Юкова на последнем письме:

«Т. Туркин, т. Блюменфельд.

Прошу Вас срочно разобраться. Мне сдается:

1. Что Пырьев — не автор сценария, а режиссер;
 2. Но что и требование Булгакова не исправлять неправильно.
- 20.02.35 г.»

«Т. Юкову К.Ю.

Моя точка зрения, что т. Пырьев не является соавтором. Этой же точки зрения придерживается и т. Бабицкий. Пырьеву можно оплатить за консультацию по сценарию. Переделывать же сценарий можно только с согласия автора.

Блюменфельд. 8.03.35 г.»

15 февраля [1935 года]

Вечером был Жуховицкий. Вечный острый разговор на одну и ту же тему — о судьбе М.А.

— Вы должны высказаться... должны показать свое отношение к современности...

— Сыграем вничью. Высказываться не буду. Пусть меня оставят в покое.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Производственный план «Мосфильма» на 1935 год

«Анка» — сценарий готов, утвержден всеми инстанциями.

Время запуска — I квартал 1935 г.

Время выпуска — IV квартал 1935 г.

Производственный план «Украинфильма» на 1935 год

«Ревизор» — автор Булгаков или Шкловский, режиссер Каростин.

Есть два готовых сценария. Звуковая с нац[иональным] вариантом.

Время запуска — IV квартал 1935 г.

Время выпуска — I квартал 1936 г.

17 февраля 1935 г.»

XIX

Сохранилась расписка В. Катинова о получении написанного М. Булгаковым третьего варианта сценария «Ревизор»:

«Закончен 28.02.35 г. Сдан 1.03.1935 г.».

«5.03.1935 г.

В «Украинфильм».

Убедившись в процессе моей работы над сценарием «Ревизор» по Гоголю, что работа режиссера М.С. Каростина, постановщика этой фильма, выходит за пределы чисто режиссерской области, а становится работой авторского порядка, нужной для создания высококачественной сатирической комедии, я прошу «Украинфильм» в договор мой по «Ревизору» в качестве моего соавтора ввести Михаила Степановича Каростина с тем, чтобы авторский гонорар, следуемый мне по договору, был разделен мною с Каростиным пополам.

Наша соавторская работа с Каростиным началась 1 февраля 1935 г.

М. Булгаков

P.S. Прошу поставить меня в известность об исполнении этого моего письма.

М. Б.»

Три документа от 5 марта 1935 года — официальное оформление просьбы М. Булгакова:

1. Дирекция не принимает 3-й вариант и просит взять в соавторы М. Каростина.

2. Договор уже с обоими авторами со сроком сдачи сценария — 20 марта 1935 года.

3. Отказ Булгакова от гонорара, получаемого вновь, в пользу М. Каростина.

5 марта [1935 года]

Тяжелая репетиция у Станиславского — «Мольер». М.А. пришел разбитый и взбешенный. К.С., вместо того чтобы разбирать игру актеров, стал при актерах разбирать пьесу. Говорит наивно, представляет себе Мольера по-гимназически. Требуется вписываний в пьесу.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Восьмого марта М. Булгаков дарит М. Каростину комплект журнала «Искра» за 1861 год со следующей надписью:

«Милому Михаилу Степановичу Каростину

М. Булгаков, 8.03.1935 г., Москва.

Р.С. Сохраните себя таким, как Вы есть, и, если Вам будут показывать свиные рыла вместо лиц, твердо повторяйте — «вижу свиные рыла.»

Пишу это в память наших мучений над «Ревизором» с большой верой в Вас.

*Ваш М. Булгаков
Тогда же. Там же.»*

Срок сдачи «Ревизора» переносится по просьбе обоих авторов с 20 марта на 2 апреля, и задолженность М. Булгакова будет с него списана, если новый вариант будет представлен в срок и принят «Украинфильмом».

11 марта «Мосфильм» отправляет М. Булгакову написанный в середине февраля отзыв М.Б. Храпченко на режиссерский сценарий «Мертвые души».

«Отзыв о сценарии «Мертвые души»

В результате переработки, которая была произведена по постановлению кинокомиссии ЦК — качество сценария значительно улучшилось. В настоящем своем виде сценарий нужно признать вполне годным для постановки. Недостатки прежнего варианта почти полностью устранены.

Изолированность образов помещиков от социальной атмосферы эпохи преодолена тонким, умелым включением кадров, рисующих крепостную деревню. Не создавая новой сюжетной линии, не навязывая голо агитационных выводов, авторы сценария дают живое ощущение николаевской России. Более глубоко и полно, чем раньше, разработаны образы Чичикова, Собакевича, Манилова. Известная односторонность в раскрытии этих образов снята.

Сценарий приобрел большую внутреннюю связность, органичность развития действия. Сюжетная линия разворачивается в плане все большего нарастания событий.

Не до конца устранены пробелы в показе Плюшкина. Отдельные замечательные детали, найденные в режиссерском варианте, не покрывают суженности, композиционной неопределенности этого образа. В «Мертвых душах» образ Плюшкина — вершина во всей системе образов, художественный итог, наиболее значительное обобщение. В сценарии этого в полной мере достигнуть не удалось.

В целом сценарий удачно решает задачу кинематографического воплощения «Мертвых душ». В сценарии удалось сохранить основные элементы поэмы, приспособляя их к специфическим требованиям кино, интерпретируя их с наших позиций.

Сценарист сохраняет лирическую струю «Мертвых душ», но совершенно правильно переключает ее на изображение крепостной деревни. Некоторая приподнятость, былинность здесь совершенно уместна. Отчетливо вскрыта юмористическая и сатирическая линия. Может быть, несколько больше следует подчеркнуть внутреннюю опустошенность, превращение человека в ничто, в мертвенное состояние. Эту функцию как раз и должен воплотить образ Плюшкина.

Тот внутренний постепенный подъем, который пронизывает «Мертвые души», проходит и через развитие действия в сценарии.

Огромные трудности, заключающиеся в экранизации «Мертвых душ», — преодолены.

Сценарий обещает интересный и значительный фильм.

17.02.1935
Храпченко»

1935 г. 14 марта

Наконец сегодня Миша раскачался и написал отзыв о режиссерском сценарии «Мертвых душ».

Конечно, все, что внес Пырьев, нехудожественно, безвкусно, снижает вещь.

Миша написал про многое: «это надо исключить, это надо исключить...»

Но разве можно надеяться, что исключат?!

(«Но исключит ли Пырьев?» — редакция 1950-х годов.)

[Дневник Е.С. Булгаковой]

XX

*М. Булгаков — И. Вайсфельду
[14 марта 1935 года]*

«Фабрика художественных фильмов № 1, Тов. Вайсфельд.

Уважаемый Илья Вениаминович!

В ответ на Ваш запрос сообщаю Вам свое мнение о режиссерском сценарии «Мертвые души»:

1. По-моему, следует исключить в 1-й части, стр. 14 и 15, сцену кобзаря с пением былинного сказа, так как это нарушает ткань сатирической поэмы Гоголя.

2. Невозможен гипсовый Наполеон в гостиной вице-губернатора (часть 1-я, стр. 20).

3. Следует исключить сцену катания крашеных яиц у полицмейстера (часть 1-я, стр. 24–26).

4. Неверна концовка маниловской сцены (часть 2-я, стр. 12): предложение Чичикова продать мертвых не может вызвать у Манилова хо-хот — это предложение может вызвать у Манилова только ужас.

5. В ноздревской сцене непонятны крики Ноздрева: «Дерут... дерут его, дерут...» (часть 4-я, стр. 16).

6. Следует исключить сцену Анны Григорьевны и Чичикова в кустах сирени (часть 5-я, стр. 8 и 9).

7. Невозможны слова губернаторши — «Вот вам моя дочь» (часть 5-я, стр. 10).

8. Непонятна фраза Чичикова: «Я, кажется, опять увлекся, сюда приехал, позабыл, зачем...» (часть 5-я, стр. 24).

9. Надо изменить надпись на бумаге (часть 6-я, стр. 5): вместо «его высокопревосходительству генерал-аншефу (?) Александру...» надо: «его сиятельству графу...» (если действие происходит после 1832 года).

10. Сцену появления дамы в номере Чичикова (часть 5-я, стр. 22–24) следует вернуть в тот вид, какой она имела в моих дополнениях к сценарию от 18.11.34 г. В том виде, в каком она в режиссерском сценарии, она значительно снижена в качестве.

11. Следует исключить сцену, в которой конвой мнет старика, и последующую — с пением былины, как нарушающую ткань сатирического произведения Гоголя.

12. Следует проверить слова: «Исайя ликуй... дева имя во чреве (?)» (часть 7-я, стр. 3).

13. Нельзя не пожалеть, что исключена баллада о капитане Копейкине».

[Б. Егоров]

«11.03.35 г.

Директору «Мосфильма» т. Бабицкому

Просим сообщить, что Вы ответили Управлению авторских прав на их запрос по делу сценария Булгакова «Мертвые души».

Референт Худ.-пр. отдела ГУКС
Абольник».

«Т. Юкову

11.03.35 г.

Управлению по охране авторских прав тов. Величкину

В своем письме от 19.02.1935 г. Управление по охране авторских прав предъявляет фабрике три пункта обвинения в нарушении авторских прав М.А. Булгакова:

1. Поправки и изменения сценария были по поручению кинокомбината произведены тов. Пырьевым без согласования с автором.

2. Характер внесенных изменений не был согласован с автором.

Помимо этого, в письме М.А. Булгакова Управлению указывается, что

3. Вместо поправок, о которых фабрика сообщает, что они затребованы вышестоящими организациями, по ходу режиссерского сценария введен ряд изменений, ничего общего с указанными поправками не имеющих.

Что касается повторных ссылок М.А. Булгакова на якобы соавторство Пырьева, то по этому вопросу фабрика написала исчерпывающее письмо Управлению и не видит оснований вновь поднимать этот вопрос.

По существу же сделанного Вами запроса сообщаем следующее.

1. Поправки и изменения в сценарий, сделанные по указанию директивных органов, были внесены по согласованию с М.А. Булгаковым:

а) план переделок был сообщен Булгакову, о чем имеется соответствующее письмо фабрики; больше того, эти переделки были написаны самим Булгаковым (и таким образом не могли быть «неизвестными» ему), но были отвергнуты фабрикой как явно неудовлетворительные, соответствующее письмо прилагается;

б) режиссерский сценарий, написанный Пырьевым, был вручен М.А. Булгакову специально для согласования, но М.А. Булгаков никаких замечаний фабрике до сих пор не сообщил, и о том, что такие замечания существуют, фабрика узнает из присланной Вами копии письма М.А. Булгакова в Управление.

Это явное противоречие между выдвигаемым обвинением и фактическим состоянием дела кажется тем более странным, что вся наша работа с автором по сценарию вплоть до его окончания протекала в несколько иной атмосфере.

Так, в газете «За большевистский фильм» от 25.08.34 г. была напечатана статья М.А. Булгакова, в которой мы читаем следующее:

«Я закончил сценарий «Похождения Чичикова, или Мертвые души» по Гоголевской поэме...»

Работа эта, надо сказать, протекала в очень благоприятной обстановке.

Режиссер И.А. Пырьев и заместитель директора И.В. Вайсфельд сделали все, чтобы такую обстановку создать. С самых первых шагов

они поддерживали со мной постоянную связь, и наши живые беседы значительно помогли мне в поисках способа, при помощи которого можно было бы труднейшую в композиционном смысле роман-поэму превратить в стремительную и достаточно острую пьесу для экрана».

Если сопоставить это письмо с вышеприведенными неопровержимыми фактами, становятся странными мотивы, которые побудили М.А. Булгакова выдвинуть необоснованное обвинение против фабрики.

2. Насколько верно, что внесенные поправки не имеют ничего общего с указаниями вышестоящих органов и с тем, что подробно и неоднократно сообщалось М.А. Булгакову И. Пырьевым по поручению фабрики и фабрикой в специальном письме?

Ответ на этот вопрос дает тов. Храпченко, профессор ИКП, который, как видно из прилагаемых документов, уполномочен директивными органами санкционировать или отвергнуть сценарий.

В своем отзыве на режиссерский сценарий тов. Храпченко пишет: «В результате переработки, которая была произведена по постановлению кинокомиссии ЦК, качество сценария значительно улучшилось. В настоящем своем виде сценарий нужно признать вполне (подчеркнуто тов. Храпченко) годным для постановки. Недостатки прежнего варианта почти полностью устранены. Огромные трудности, заключающиеся в экранизации «Мертвых душ», преодолены. Сценарий обещает интересный и значительный фильм».

Следовательно, работа, сделанная тов. Пырьевым по режиссерской разработке литературного сценария М.А. Булгакова с учетом необходимых поправок, не ухудшила, а значительно улучшила сценарий и изменила его лишь в том направлении, которого требовали директивные органы.

Что касается загадочных «поправок, ничего общего с указаниями вышестоящих органов не имеющих», то они ни фабрике, ни, по видимому, тов. Храпченко неизвестны. Само собой разумеется, что написание режиссерского сценария не сводится к простой нумерации кадров, а представляет собой творческий процесс, продиктованный активным творческим отношением режиссера к литературному сценарию. Но, может быть, М.А. Булгаков имеет в виду былинку, введенную в режиссерский сценарий? Эта былина действительно написана поэтом Каменским после того, как М.А. Булгаков взяту на себя работу по написанию былинки не выполнил. И это обстоятельство не свидетельствует в пользу выдвигаемых обвинений.

Тем не менее фабрика допускает мысль, что и в режиссерский сценарий могут быть внесены дальнейшие улучшения, и охотно выслушает и осуществит любое дельное замечание. Тем более это относится к М.А. Булгакову, который со времени получения им режиссерского сценария имел полную возможность сообщить такие замечания фабрике.

Фабрика полагает, что Управление по охране авторских прав, как и фабрика, в своей работе руководствуется одной общей задачей — «созданием интересных и значительных фильмов» и приложит все усилия к тому, чтобы это обстоятельство сделалось ясным и М.А. Булгакову.

После всего изложенного становится ясным, что:

1. Фабрика не выдвигала вопроса о соавторстве Пырьева, несмотря на его активное участие во всем процессе создания сценария.

2. Характер поправок был согласован с Булгаковым.

3. Поправки были сделаны М.А. Булгаковым, но, к сожалению, неудачно.

4. По написании режиссерский сценарий был сдан для согласования М.А. Булгакову, но фабрика никаких замечаний от автора до сих пор не получила.

5. По отзыву директивных органов, литературный сценарий не годен к производству, а режиссерский сценарий годен и, таким образом, основная задача по экранизации «Мертвых душ» достигнута.

Директор 1-й фабрики Саврасов».

XXI

*«Литературная газета»,
5 апреля 1935 года*

«Гоголь на экране

В 1935 г. ряд крупнейших произведений Гоголя будет поставлен на кинофабриках Союза.

На Киевской кинофабрике режиссер Каростин поставит «Ревизора» по сценарию В. Шкловского...

На Московской фабрике идут подготовительные работы к постановке «Мертвых душ». Сценарий написан драматургом М. Булгаковым при консультации М. Храпченко. Ставить картину будет режиссер И. Пырьев. Съемки начнутся в конце 1935 года».

8 апреля [1935 года]

В «Литературной газете», по словам Ермолинского, напечатано: режиссер Каростин будет ставить «Ревизора» по сценарию Шкловского. (Текст не буквальный.)

Часа через два звонил Каростин, только что приехавший из Киева, радостно объявил о принятии последнего варианта сценария М.А. Когда я сказала о заметке, захохотал.

Вечером зашел Вересаев. М.А. говорил с ним о предложении Ермолинского инсценировать для кино будущего «Пушкина». Вересаев сказал:

«Я уже причалил свою ладью к вашему берегу. Делайте, как вы находите лучшим».

По-видимому, старику было приятно. Он только спросил, знает ли сценарист, что пьеса без Пушкина?..

[Дневник Е.С. Булгаковой]

В газете «Кино» 10 апреля упоминается, что «режиссерские экранизации будут сделаны по следующим сценариям... «Анка» — автор Виноградская, реж. Пырьев».

*Газета «Вечерняя Москва»,
11 апреля 1935 года*

«Симфония В. Желобинского

В настоящее время В. Желобинский закончил работу над музыкой к фильму «Мертвые души» (режиссер Ив. Пырьев)».

16 апреля [1935 года]

Звонил Катинов, рассказывал, что Шумяцкому читали сценарий «Ревизора», что ему он понравился так же, как и Юкову: Катинов сказал — Шумяцкий спрашивал, где же Михаил Афанасьевич? Мы объяснили, что не могли предупредить его, т.к. чтение состоялось совершенно внезапно. Но теперь будет организовано совещание по поводу этого сценария, и непременно нужно, чтоб М.А. присутствовал.

17 апреля [1935 года]

Утром в 11,5 ч. позвонил Каростин и сказал, что неизвестно, когда будет совещание, что он сидит в ГУКФе и старается это выяснить.

Когда выяснит, позвонит. Мы ждали до 3-х ч. дня, потом пошли в город...

13 мая 1935 г.

Несколько дней назад позвонил и появился зав. литературной частью театра МГСПСа с тем, что театр просит написать пьесу на тему о гражданской войне к 37 году. Миша обещал дать ответ 13-го. Но позвонил ему вчера и отказался, объяснив, что никак не может взяться за работу, так как у него сейчас две большие незаконченные работы — «Пушкин» и комедия. Не говоря уже о «Мольере».

Я очень довольна, что он отказался, так как по горькому опыту работы в кино и написанной по заказу биографии Мольера знаю, что сначала всегда мягко стелют, а потом измучают приставаниями — все не так, все не то, будут лезть с требованием переделать.

История известная! Да, занятия литературой — это крест!

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Вспоминает И. Пырьев¹¹:

«Заканчивая почти каждую свою картину, я, разочарованный неглубокой разработкой образов, плохим диалогом и не совсем слаженным сюжетом, мечтал поставить какое-нибудь классическое произведение... А затем, когда немного успокаивался, приходил в себя и оглядывался вокруг — желание это проходило. Хотелось снова показывать с экрана интересное время, в которое мы живем. И пусть сюжет сценария будет несовершенен и диалог его не так блестящ, думал я, зато будут показаны люди нашего времени. А их дела, их жизнь так увлекательны, что только о них и хочется говорить с экрана [...].

Уже начали готовиться к пробам, шить костюмы, делать парики... как вдруг в «Правде» появилась редакционная статья «Сумбур вместо музыки». Статья резко обрушилась на Д. Шостаковича за его музыку к опере «Леди Макбет Мценского уезда».

Статья призывала советских мастеров искусства к созданию подлинных произведений, в основе которых лежала бы не страсть к формалистическим выкрутасам, а подлинная правда современной жизни. На меня эта статья произвела большое впечатление. Я понял ее, возможно, даже шире ее действительного значения. Она прозвучала для меня как призыв отдать свои силы правдивому художественному отражению нашей современности [...].

Мне шел тогда тридцать третий год; в этом возрасте, если человек еще не обременен большой семьей, творческие решения принимаются быстро.

Как ни влекла меня мысль об экранизации великой поэмы, я отказался от постановки «Мертвых душ» — победило стремление поставить картину о современности [...].

Отказавшись от постановки «Мертвых душ», я немало потратил времени и энергии на поиски сценария. Хотел сделать фильм о строителях Московского метро. Вел переговоры с Евгением Габриловичем (его я хорошо знал по совместной работе в театре Мейерхольда), с другими сценаристами и писателями. Но все почему-то не получалось, не выходило, было малоинтересно, а самое главное — не отвечало тем творческим устремлениям, которые возникли у меня под влиянием «Чапаева» и «Встречного»...

Я мечтал о таком сценарии, который, как и эти замечательные фильмы, мог бы ответить на чувства и мысли, которыми тогда жили советские люди. Но подобного сценария, к сожалению, не было...

Шло время. Нужно было работать. И обязательно над современной

¹¹ Пырьев И.А. Избранные произведения. В 2-х томах. — М.: Искусство, 1978.

темой. Мое внимание привлекло либретто К. Виноградской «Анка». Оно было написано для Михаила Ромма и уже год с лишним лежало на студии без движения. Ромм и ряд других режиссеров от него отказались [...].

Это было не то, что я искал, но, внимательно перечитав либретто, я увидел в нем одну интересную линию, которая существовала только в зародыше.

Анка по просьбе Павла рекомендует его в комсомол, но, узнав, что он из кулаков, тут же бежит в райком исправлять свою ошибку.

У меня мелькнула мысль о враге, который, пользуясь излишней добротой и доверчивостью простых советских людей, хочет пробраться в партию, дабы ему свободней было осуществлять свои диверсионные замыслы...

И вот я и Виноградская срочно выехали в дом отдыха «Абрамцево». Здесь мы вместе написали совершенно новый сценарий.

Теперь сюжет сценария развивался так:

...На Москве-реке яркий и красочный первомайский карнавал. В веселую компанию заводской молодежи случайно проникает скромный, простой и обаятельный парень – Павел Куганов. Он рассказывает, что приехал в Москву с одного из крупных северных строительных искать счастья – учиться, работать.

У Яши, секретаря комсомольской организации завода, влюбленного в молодую работницу Анку, в эту радостную ночь особенно хорошее настроение. Он решает помочь Павлу получить работу на заводе.

И вот Павел работает в одном цехе с Анкой и Яшей. Все хорошего мнения о Павле. Он ударник. По рекомендации Яши его принимают в партию.

Постепенно происходит сближение Павла и Анки. Куганов женится на Анке и на правах ее мужа входит в рабочую семью.

Яша теряет любимую девушку. Для него это тяжелый удар. И Яша уезжает в Сибирь.

Между тем отличной работой и примерным поведением Павел Куганов стремится завоевать доверие, чтобы попасть на секретный военный завод, где директором брат Анки Андрей Куликов.

Постепенно зрителю становится ясно, что Куганов – личность подозрительная.

Резидент одной из иностранных разведок поручает Павлу срочно раздобыть партийный билет, принадлежащий женщине. Павел передает резиденту партийный билет своей жены.

Женщину, пытавшуюся по этому билету проникнуть в здание МК партии, задерживают органы безопасности.

В парторганизации завода разбирается дело Анны Куликовой, потерявшей свой партбилет. Павел, ее муж, выступает на партбюро с горячей речью о бдительности. Он требует исключения своей жены из партии.

Анка в отчаянии. Она не теряет билета, кто же мог его взять или... украсть? Анка начинает сомневаться в Павле. Между тем Павел с помощью брата Анки уже перевелся на военный завод...

Приезжает Яша. В Сибири он узнал, что Павел Куганов не тот, за кого себя выдает. Он сын кулака, совершивший убийство рабкора.

Приезд Яши ускоряет развязку. С глаза на глаз Анка разоблачает Павла. Он пытается ее убить. Обороняясь, Анка стреляет, и Павел падает мертвым.

Таково в кратких чертах содержание сценария, который получился из либретто «Анка» в результате моей совместной работы с К. Виноградской.

Теперь это был сценарий о проникновении врага в партию, в честную рабочую семью, сценарий о бдительности. После небольших поправок сценарий «Анка» был утвержден...».

Вспоминает К. Виноградская:

«[Во время просмотра фильма «Анка» на студии] кто-то сказал: «Турбины больше не нужны». Его остановили, поправили...

Я стою, говорю с Пырьевым и думаю:

«Сволочи мы или нет?»

Сволочи или художники?».

Через несколько дней нас всех вызвали к Шумяцкому. Соколовская сказала мне: «Картину смотрел Сталин. Сказал: «Смелая картина». Дал несколько замечаний и дал картине новое имя: «Партийный билет».

Это была победа!».

25 сентября [1935 года]

[...] Вечером были с М.А. у Каростина, больного. Выяснили отношения – соавторские.

26 сентября [1935 года]

У М.А. грипп, сильнейший насморк и кашель.

Приехал Каростин. Подписали соглашение.

[Дневник Е.С. Булгаковой]

Текст этого сценария, принятого студией к постановке, был выпущен на правах рукописи для участников сценарно-производственной конференции 1935 года

(опубликован в «Искусстве кино» № 9, 1983).

«Сведения о выполнении плана 1935 г.

«Мертвые души» – подготовительный период – брак.

«Анка» — к вып. выпущен.
Каростин «Ревизор» — 50% готовности».

В газете «Кино» 30 января 1936 года — большая статья Н.А. Алексеева о съемках фильма «Ревизор». Говорится о том, что на подготовку ушло шесть месяцев, и все же съемки начались вместо 25 ноября — 12 декабря. К середине января было снято 17% материала.

*М. Булгаков — П. Попову,
11 февраля 1936 года*

«Спасибо тебе за вестки, дорогой Павел. «Мольер» вышел. Генеральные были 5-го и 9-го. Говорят об успехе. На обеих пришлось выходить и кланяться, что для меня мучительно.

Сегодня в «Советском искусстве» первая ласточка — рецензия Литовского. О пьесе отзывается неодобрительно, с большой, но по возможности сдержанной злобой, об актерам пишет неверно, за одним исключением.

«Ивана Васильевича» репетируют, но я давно не был в Сатире.

Об Александре Сергеевиче стараюсь не думать, и так велика нагрузка. Кажется, вахтанговцы начинают работу над ним. В МХАТе он явно не пойдет.

Мне нездоровится, устал до того, что сейчас ничего делать не могу...»

В конце февраля 1936 года журнал «Искусство кино» организовал в Доме кино дискуссии о современном кинематографе.

Из выступления А. Довженко:

«Режиссер Каростин ставит в кино «Ревизора». Я думаю, что такую тему нельзя давать начинающему режиссеру. Постановщик «Ревизора» должен быть зрелым мастером, которому не нужно в процессе работы учиться правописанию...

Статьи в «Правде» требуют от нас практической работы, а не клятв в верности. Мало разгромить в дискуссии всяческие «измы», надо на деле доказать, что в нашем творчестве враждебные влияния преодолены».

В выступлении Б.З. Шумяцкого материал фильма был также подвергнут критике:

«Недавно работники ГУКФ просмотрели фрагменты из фильма «Ревизор» (по сценарию Каростина и Булгакова). В этом фильме, как и в «Прометее», отсутствует художественная правда. Постановщик извращает смысл и содержание классического произведения Гого-

ля. Художественно-декоративное оформление этого фильма сделано приемами сугубо формалистической стилизации. Способный молодой режиссер с первых своих шагов запутался в формалистической паутине. И никто ему не помог. Совершенно резонно заметил тов. Довженко, что постановку такого крупного фильма, как «Ревизор», конечно, нельзя было давать молодому начинающему режиссеру...».

Фильм «Ревизор» был закрыт.

Эпилог

«Этакая смешная комедия»

В начале 30-х годов тогда еще молодой актер Художественного театра Григорий Григорьевич Конский часто встречался с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, работавшим в то время во МХАТе. Об одной встрече Григорий Григорьевич рассказывает:

«Снег. Он идет уже несколько дней и, несмотря на все старания дворников, покрывает всю Арбатскую площадь.

Я провожаю Михаила Афанасьевича домой, в Нащокинский переулок. Идем молча. Не потому, что не о чем говорить, а потому, что Михаил Афанасьевич о чем-то задумался. Идет он быстро, не смотря под ноги. Выражение лица все время меняется, как будто в голове его все время пробегают разные, сменяющие друг друга мысли.

Так же молча пересекаем мы площадь. И вдруг внезапно Михаил Афанасьевич останавливается у памятника Гоголю и долго, не отрываясь, смотрит ему в лицо, слегка задрал голову. Потом так же молча он медленно обходит памятник и внимательно, как будто видит их в первый раз, всматривается в барельефы героев гоголевских произведений. Потом смотрит на памятник сзади. Резко поворачивается и быстро идет по бульвару.

Одет он в какое-то странное меховое пальто, не подбитое мехом, а мехом наружу, чуть нескладное, мешковатое и вместе с тем какое-то очень элегантное. На голове его — шапка этого же меха. И очень странно видеть, как он, такой неуклюжий в этом меховом одеянии, с необычайной легкостью движется своей молодой, упругой походкой по накатанному снегу бульвара. Бульвар мы проходим молча. Ни крики мальчишек, стремительно летящих нам под ноги на одном коньке, ни вид закутанных в теплые платки и лежащих в своих колясках-санках детей, ни веселый смех нянек — ничто не отвлекает Михаила Афанасьевича. Молча доходим мы до спуска с бульвара, что находится против Сивцева Вржжя.

Сходим в Сивцев Вражек. Сразу при входе в переулок на стене висит большой рекламный щит, почти весь заклеенный афишами разных кинотеатров.

Он привлекает мое внимание. Я вижу название какой-то новой, только что вышедшей картины. И наконец решаюсь прервать молчание.

— Скажите, Михаил Афанасьевич, почему вы не пишете для кино? У вас это, наверное, замечательно получилось бы.

— И это было, Гриша, — отвечает Михаил Афанасьевич, — все было. Но мне кажется иногда, что я стреляю из какого-то загнутого не в ту сторону ружья. Вот, кажется, прицелюсь. Все в порядке. Думаю, попаду в яблочко. Бац! И не туда! Пули ложатся где-то рядом. Не туда. Да...

Некоторое время мы опять идем молча.

— Позвонили мне тут как-то из «Совкино», — вдруг начинает Михаил Афанасьевич. — «Михаил Афанасьевич, почему бы вам не написать для нас сценарий? Этакую, знаете ли, смешную комедию...»

— Что вы? — отвечаю я, — и некогда мне сейчас... пьесу я дописываю. Да и вообще как-то не думал о работе в кино.

— А мы поможем, — послышался из трубки ласковый голос, — вы только напишите нам что-нибудь... ну, несколько страничек! Не сценарий, а либретто, что ли. Ни даже либретто, а заявочку. Просто-напросто — про что идет речь, какие персонажи, место действия... а мы уж разоведем. Додумаем, что сказать.

— Да я не знаю, — отвечаю я.

— А вы подумайте, — продолжает любезный голос, — мы вам позволим через денек, через два.

На том и расстались. Можете себе представить, Гриша, повесил я трубку, — часу не прошло, что-то начало в голове вертеться, а к вечеру и придумал сценарий. Ровно через два дня, точно, звонят.

— Ну, как, Михаил Афанасьевич? Как заявочка?

— Придумал, — говорю.

— Так быстро?!

— Так быстро, — отвечаю.

— Ну, так мы пришлем курьера. Сегодня не сможем, а вот через два-три дня обязательно. А вы напечатайте ее на машинке в трех экземплярах.

— Для чего ж печатать, — говорю я, — вы вот послушайте, я вам сейчас расскажу. А вы мне потом ответите, нужно на машинку или нет.

— Слушаю, — отвечает любезный голос.

— Значит, дело обстоит так. Сгорел в одном провинциальном городе зоопарк. А зверей, которые остались целы, решили расселить по квартирам тех людей, у которых есть свободная площадь. Вот и вселили к одному гражданину удава. А там, оказывается, в доме такая атмосфера, что удав не выдержал — на третий день уполз. Вот и все.

В трубке наступила зловещая тишина. Потом голос растерянно сказал:

— М-да... интересно... очень интересно... Вы вот что... Вы на машинку пока погодите, а дня через два-три мы позвоним и тогда обо всем договоримся.

— Ну вот и все, Гриша.

— Как все? — спросил я.

— Все, — отвечает Михаил Афанасьевич, — это уж с полгода как было. Так никто и не звонил. Вот. А вы говорите, кино. Разве это не смешно? — вдруг, резко вскинув на меня глаза, спросил Михаил Афанасьевич.

— Смешно, очень смешно.

— Честь имею кланяться, — пожав мне руку и шаркнув ногой, сказал Михаил Афанасьевич и скрылся в подъезде.

Я пошел домой тем же путем. На Арбатской площади, засыпанный снегом, сутулый, устремивший куда-то вдаль глаза, сидел Гоголь.

«Советская культура».

13 ноября 1971 года

6 марта 1940 г.

Я сказала ему наугад (мне казалось, что он об этом думает) — я даю тебе честное слово, что перепису роман, что я подам его, тебя будут печатать! А он слушал довольно осмысленно и внимательно и потом сказал — «чтобы знали... чтобы знали!».

[Дневник Е.С. Булгаковой]

P.S.

Спасибо Президентскому центру Б.Н. Ельцина за подарок — издание этой книги. Особое спасибо исполнительному директору центра Александру Алексеевичу Дроздову — за внимание к результатам моих изысканий и поддержку.

Отдельная благодарность людям с «перпендикулярными» биографиями:

Александру Гинзбургу, пригласившему печатать мои архивные находки в газете «Русская мысль» (Париж),

Виталию Третьякову, основателю и главному редактору «Независимой газеты», взявшему меня на работу (1993-1999 годы) и в ежедневной газете публиковавшему горы материалов под рубрикой «Глазами ЦК и ЧК». Создавшему всем известное восьмиполосное архивное приложение к «НГ» — «Хранить вечно».

Думаю, что общее для всех этих людей — любовь к творчеству Михаила Афанасьевича Булгакова, материалы о жизни которого я искал и обнаружил около сорока лет.

Многие годы в самых разных архивах я неизменно встречал доброе и приветливое отношение, уникальные знания и бесконечное терпение.

И потому огромная моя признательность — архивистам, людям особенным. В наше время всеобщей коммерциализации эти «невидимые миру» специалисты, получая за работу гроши, а значит практически бескорыстно, всегда готовы оказать и оказывают высокопрофессиональную помощь.

Тешу себя надеждой, что основанная на документах книга, которую вы держите в руках, кроме всего прочего, привлечет внимание и к положению работников отечественных архивов — богатейшего и неисчерпаемого «золотого фонда» страны.

Здоровья и успехов всем вам!

Григорий ФАЙМАН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ДНЕВНИК ДОКТОРА БОРМЕНТАЛЯ, ИЛИ КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ	
Часть первая – наркомпросовская	7
Часть вторая – академическая	20
Часть третья – приключенческая	30
Часть четвертая – реалистическая	40
MISERABLE	53
КИНОРОМАН МИХАИЛА БУЛГАКОВА.....	
I	119
II	120
III	121
IV	121
V	123
VI	126
VII	129
VIII	130
IX	132
X	134
XI	139
XII	142
XIII	143
XIV	145
XV	148
XVI	150
XVII	153
XVIII	156
XIX	158
XX	161
XXI	163
XXII	167
XXIII	167
XXIV	168

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpk.ru